

ГЕОРГ БОРН

ГРАФ

МОНТЕ-ВЕРО

Георг Борн
Граф Монте-Веро

«Остеон-Групп»

1870

Борн Г. Ф.

Граф Монте-Веро / Г. Ф. Борн — «Остеон-Групп» , 1870

ISBN 978-5-00064-673-1

Авантюрно-исторический роман «Граф Монте-Веро» (также известный под названием «Грешница и кающаяся») был написан известным немецким писателем Георгом Борном в живой, увлекательной и динамичной манере. Писатель рассказывает об удивительных и опасных приключениях князя Монте-Веро и его верных слуг-друзей. Несмотря на многочисленные интриги своих недоброжелателей князь выходит победителем из всех ситуаций благодаря своим нравственным принципам. На протяжении всего романа героям сопутствует любовь и верность. В эту электронную книгу вошли первая и вторая части романа.

ISBN 978-5-00064-673-1

© Борн Г. Ф., 1870
© «Остеон-Групп» , 1870

Содержание

Часть I	5
Пролог	5
I. «Германия»	10
II. Въезд короля	16
III. Леона	22
IV. Народное собрание	25
V. Придворная охота	31
VI. Перед образом Божьей Матери	38
VII. Пансионат госпожи Фукс	44
VIII. В цирке	50
IX. Паучиха	56
X. Похищение с маскарада	63
XI. Трактир «Белый медведь»	72
XII. Эбергард и Фукс	77
XIII. Прекрасная Маргарита	80
XIV. Утраченное счастье	83
XV. Любимец короля	88
XVI. Принц Вольдемар и его тень	95
XVII. На дороге	99
XVIII. Бал	104
XIX. Гости Черной Эсфири	110
XX. Нападение	115
XXI. Детоубийца	121
XXII. Звездная зала	124
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Георг Борн Граф Монте-Веро

Часть I

Пролог

Черные тучи нависли над Германией. Казалось, приближалась буря, готовая ежеминутно разразиться над всей Европой.

Вот уже несколько лет не умолкал звон французского оружия. Гордый властелин Франции, недавний капрал, а ныне император, обдумывал новые грандиозные планы, желая обратить мир в обширное поле битвы, что повергло страны в еще невиданный доселе ужас.

Казалось, само небо предупреждает о грядущих бедах встревоженные народы кометой с огненно-красным хвостом, которая прочертила его с востока на запад.

Народы в страхе преклоняли колена, взывая к Всевышнему, прося отвести грозящую гибель.

Но гроза надвигалась; тучи сгустились еще больше, горизонт совсем потемнел, слышались первые раскаты грома.

Европа чувствовала наступающее бедствие, но решительно не знала, как его отвести.

Любезный читатель, дай руку, и перенесемся с тобой в это время, в величественный замок графа Станислава Понинского.

В замке, предаваясь веселью, похоже, не замечали таинственной кометы. Все окна там светились яркими огнями, весенний воздух свежестью наполнял высокие, роскошные залы, где происходила весьма важная встреча польских магнатов с французским императором Наполеоном I.

За длинным резным столом кедрового дерева, ломившимся под тяжестью редкостных яств и вин, в благоухании цветов сидели именитые гости графа.

Искусно освещенный фонтан, голубые брызги которого доставали почти до потолка, рас пространял освежающую прохладу. Прекрасные черкешенки, два года назад привезенные графом в имение, наполняли шампанским бокалы гостей.

Старинные знамена Польши и Литвы свешивались с высоких стен, золотые канделябры наполняли богатые чертоги ослепительным блеском.

Почетное место занимал император Франции, герой Аустерлица и Маренго. Он часто останавливал взгляд на прекрасной дочери графа, сидевшей напротив. Планы особой важности вынудили Наполеона приехать со свитой сюда на эту важную встречу из Дрездена.

Этот невзрачный на вид человек, маленького роста, с резкими чертами лица и необыкновенно живыми глазами, полными энергии, отваги и недюжинного ума, прибыл в сопровождении прекрасного Мюрата для того, чтобы здесь, во дворце графа Понинского, вместе со своим министром Талейраном встретиться с князем Юзефом Понятовским.

Войска Наполеона уже заняли все большие дороги, ведущие через Магдебург, Данциг и Дрезден к Висле. Император успел склонить Польшу на свою сторону, обещав восстановить независимость Польского королевства. Для окончательных переговоров великий завоеватель прибыл теперь на это пиршество. Возрождение Польского королевства было заветнейшей мечтой каждого поляка. Наполеон не ошибся: этим обещанием он склонил вождей польской партии на свою сторону. А исполнение его в сущности не противоречило планам французского императора, наоборот, он рассчитывал привлечь на свою сторону весь польский народ.

Сейчас, находясь во владениях графа Понинского, император был в приподнятом настроении. Прекрасная дочь хозяина замка произвела на него чарующее впечатление. За один ее взгляд он готов был отдать и полмира.

– У вас есть еще дети, граф? – обратился Наполеон к Понинскому. – Или эта прекрасная роза Польши – ваше единственное утешение?

– Да, сир, графиня Валеска – мое единственное утешение. К сожалению, у меня нет сыновей, которых я с радостью поставил бы под ваши знамена.

– Граф, ваша собственная храбрость и красота вашей дочери вполне послужат тому замечательной. Я далек от лести, – продолжал император, – но ваше отечество имеет прекраснейших женщин.

– И храбрых мужей, – добавил Мюрат.

– Я не знаю, как и благодарить ваше величество за высокую честь, оказанную мне сегодня, – подняв бокал, князь осушил его вместе с Наполеоном.

– Князь, – обратился император к князю Понятовскому, – отчего вы так хмуритесь и все время молчите? Казалось бы, грядущая корона должна была бы вас окрылить, добавить энергии и сил.

– Простите, сир. Я, право, сам не понимаю, что со мной происходит. Какая-то неведомая тоска мучит меня с тех пор, как в небе появилась эта комета. Теперь, ваше величество, вы знаете, решается судьба моей родины.

И я робею. Что несет за собой это знамение?

Талейран едва заметно улыбнулся словам князя Понятовского.

Что значила эта улыбка? Даже такой тонкий физиономист, как Наполеон, не мог ее разгадать, да и сам Талейран был для него вечной загадкой.

– Вы о комете, князь? Пойдемте, я покажу вам в утешение, что моя звезда превосходит эту комету своим блеском, – воскликнул Наполеон, поднимаясь и подавая тем самым знак встать из-за стола.

Он подошел к одному из высоких окон, Понятовский последовал за ним.

Из окна залы было видно ночное небо; на нем ярко сверкала комета с длинным огненным хвостом.

Наполеон хотел показать польскому магнату, как однажды уже показывал генералу Фешу, свою счастливую звезду; он указал на небо; Понятовский посмотрел туда, но ничего не увидел.

Звезда Наполеона исчезла, ее скрыл шлейф кометы.

Князь Талейран издали наблюдал за сценой у окна. «Ты сам подобен этой комете, – сказал он, мысленно обращаясь к императору. – Только твой путь залит кровью и гибель твоя недалека. Над тобой уже витает грозная туча».

Наполеон, казалось, почувствовал эти мысли Талейрана и обратился к князю Понятовскому:

– Нам нужна еще одна битва, и тогда мы перейдем к умственным занятиям. Мы должны поспешить, чтобы англичане не опередили нас в использовании открытия, которое обещает изумительные результаты, я имею в виду силу пара. Открытие это должно принадлежать нам, и только тогда мы сможем говорить о своем духе изобретательности.

– Недавно произведенные опыты, – сказал Талейран, – дали блестящие результаты – пару принадлежит будущее. Настанет время, когда два великих властелина будут править миром.

– Какие же? – быстро обернулся император.

– Пар и буква.

– Как это понять, господин министр? – проговорил Наполеон не без досады, так как надеялся, что Талейран назовет его имя.

– Я говорю о силе пара и газеты, сир. Именно они станут распространять образованность и цивилизацию. В настоящее время они только в зародыше, но придет час, и они станут поистине могущественными.

– Ваше пророчество не совсем ясно и несколько преувеличено, – ответил Наполеон, не любивший газет, и направился к графине Валеске.

Лицо Талейрана приняло странное выражение; Талейран не был другом Наполеона, но император нуждался в нем и прислушивался к его словам – они всегда были обдуманно, ловки и мудры.

Долголетнее пребывание этого министра Наполеона на своем посту наделило его способностью сразу отличать задатки великого и ясно читать книгу будущего.

Талейран пристально посмотрел вслед удаляющемуся Наполеону; он не переставал удивляться, как такой невзрачный с виду человек может держать в своих руках судьбу государей Европы. Затем он подошел к польским генералам и предложил тост за благоденствие их отечества, и вместе с Мюратом они осушили свои бокалы до дна.

– Дай Бог нам счастья, – проговорил Мюрат, – у нас огромные силы: около ста тысяч войска и пятнадцать тысяч пушек; сперва покорим одну, а затем примемся и за другую часть света.

Глаза Понятовского горели, даже пожилой граф не мог сдержать радости, слушая эти гордые планы. Они так увлеклись разговором, что забыли о Наполеоне.

Император же тем временем, пользуясь общим разговором, вышел из залы и в сопровождении прекрасной графини Валески спустился в залитый огнями парк.

Ионинский был очень богат. И он сделал все, чтобы по достоинству принять освободителя Польши. Несчастный граф не подозревал, что пустил волка в овчарню, что этот человек отнимет у него последнее счастье, лишит последней отрады в жизни.

Празднество в замке было в разгаре, а Валеска и Наполеон медленно прогуливались по дорожкам парка. Высокие фонтаны дарили воздуху освежающую прохладу, тропические растения и благоухающие розы придавали всему какую-то волшебную прелесть.

Наполеон и Валеска оказались одни среди этих райских куш. Они шли по аллее, усаженной с обеих сторон пальмами и миртами.

– Этот парк так прекрасен, – проговорил император, входя с юной графиней в затененную беседку, – что, отдыхая здесь, подле вас, графиня, мне кажется, будто я оказался в каком-то сказочном мире.

– Странно, сир, – отвечала юная графиня не без кокетства, – я и вообразить себе не могла, что вам достанет терпения просидеть хоть четверть часа в обществе женщины.

– Если она так соблазнительно хороша, как графиня Валеска, то самый стойкий мужчина не мог бы поступить иначе, поддавшись вашим чарам, – император опустил на оттоманку подле гордой польки.

Молодая графиня почувствовала, как рука императора призывно обвила ее тонкий стан; щеки девушки пылали, блестели в полутьме глаза. Пленительной улыбкой отвечала она на страстный шепот Наполеона.

Гордая дочь графа Понинского забыла обо всем. Сладостное забытие овладело прекрасной Валеской и Наполеоном. Она отдалась ему.

Страстные объятия были недолгими. Императору показалось, что кто-то неподалеку тихо произнес имя Жозефины.

Он быстро оправился – кто осмелился подслушать его?

Император обернулся.

На мраморных ступенях лестницы стояла побледневшая графиня Понинская... Мать знала повадки Наполеона и решила последовать за дочерью. Но было поздно! Позорное клеймо пало на род Понинских – дочь сделалась любовницей императора...

Тем временем в залу, где собралась гости, в смятении вбежали лакеи.

– Господин граф! – докладывали они наперебой, – несчастье случилось... Лошади понесли карету, запряженную четверкой вороных. Подавило детей и стариков. Лошади мчались по улицам... Даму под черной вуалью выбросило из кареты... Кучер с разmozженной головой лежит в ста шагах отсюда.

Гости оцепенели от ужаса.

Слова прислуги не замедлили подтвердиться.

С шумом и треском протащили обезумевшие лошади сломанную пустую карету по городу, пока не исчезли в темноте ночи. Сбежавшаяся толпа с участием смотрела на прекрасную даму, распростертую на земле. Она говорила что-то на непонятном языке. Никто не знал ни ее, ни того, откуда и куда она ехала. Через несколько минут тут же, на месте, она даровала жизнь мальчику и сразу же скончалась.

Отблеск кометы, ярко сиявшей на небе, упал на новорожденного младенца, которого бедные крестьяне осторожно уложили на собранные молодые ветки и листья. Кто-то побежал за благочестивым отшельником Иоганном, жилище которого находилось поблизости.

Почтенный старик, который слыл ученым и добродетельным человеком, не медля пришел. Сложив молитвенно руки при виде мертвой неизвестной и новорожденного младенца, он проговорил:

– Свет погряз во грехах и во мраке. Но после дней испытания и бедствий настанет другое время и раздастся глас Божий. Он провозгласит мир всем смертным, свободу и любовь! Отдайте мне этого младенца. *Эбергарт* пусть будет его имя в память того дня, в который он был нам подарен.

Отшельник Иоганн взял ребенка на руки и еще раз склонился над безжизненной матерью, подняв молитвенный взор к небу. Крестьяне запомнили некоторые из произнесенных ею слов и повторили их мудрому старику.

– Она была немкой, – проговорил он, не переводя, того, что услышал, – и на память ребенку я возьму вот этот амулет, что висит на ее шее; может быть, он пригодится когда-нибудь мальчику, которого я возьму к себе в келью.

Старик посмотрел на амулет, это было драгоценное украшение со странными, непонятными знаками. В золотом овале, обрамленном сверкающими бриллиантами, были выложены из жемчужин три таинственных знака – крест, солнце и череп. Все это было очень тонкой, искусной работы. Старик-отшельник молча надел цепочку на шею младенца, бережно завернул его в свой широкий плащ и унес.

Крестьяне вместе с отцом Иоганном схоронили незнакомую даму, посадили на могиле цветы, а вокруг нее деревья.

Никто так и не узнал имени несчастной, неизвестно было и куда скрылись лошади с разбитой каретой.

Мальчик рос у старика-отшельника, который, подобно пастырю в пустыне, учил, просвещал и утешал народ.

Граф Станислав Понинский застрелился в ту же ночь, не в силах пережить позор дочери, мать в отчаянии прокляла ее.

В следующем году Валеска родила девочку, получившую титул графини, – Наполеон, для подтверждения дворянства со стороны матери, послал на крестины одного из своих приближенных.

Комета исчезла, но на пути во вторую часть света Наполеон встретил неожиданное препятствие – пожар Москвы положил конец его ненасытной жажде завоеваний. Польша была потеряна и разделена, князь Понятовский героически погиб в сражении.

Счастье еще раз улыбнулось могущественному императору, чтобы потом очень быстро угаснуть навсегда.

Наполеон Бонапарт, оставленный всеми, умер изгнанником на пустынном острове, затерянном среди океана.

Старая графиня Понинская вскоре вслед за мужем последовала в могилу. Графиня Валеска отправилась со своим ребенком в Германию и в Париж и так необузданно предалась развлечениям, что средства ее скоро истощились.

Прошли десятки лет.

И вот только теперь, после этого вступления, начинается наш рассказ.

І. «Германия»

Над морем нависли черные тучи, ветер все выше поднимал холодные волны Северного моря, ежеминутно готова была разразиться гроза, которая на море вдвое страшнее и опаснее, чем на суше. Даже бывалые моряки с опаской поглядывали на приближение этого страшного явления природы.

Прекрасно оснащенный пароход, направляясь через Па-де-Кале в Лондон, боролся с разыгравшейся стихией. Пенящиеся волны с шумом обрушивались на борт корабля, то высоко поднимая судно над бурным морем, то бросая его в бездну.

Матросы, четко исполняя команды капитана, держались за снасти. Геркулесовского сложения капитан, рискуя быть смытым волной, не сходил с кормы. Железной рукой правил он пароходом, стараясь держать «Германию» – так называлось судно – подальше от берега, так как она находилась в самом опасном месте Северного моря.

«Германия» приближалась к острову Шернес; до лондонских доков было уже недалеко, но казалось, пароходные колеса работали вхолостую – ветер и волны противодействовали их силе. Раскаты грома заглушали голос капитана. Стена дождя обрушилась на и без того промокших до костей матросов.

Опершись о переднюю мачту «Германии», на палубе стоял высокий красивый господин, без страха и смятения глядя на происходящее. Дождь насквозь промочил его темный плед, накинутый на плечи, и надвинутую на глаза шляпу с широкими полями. Правой рукой он держался за мачту; казалось, буря, свирепствовавшая вокруг, и борьба стихий доставляют ему какую-то радость, так спокойно и беззаботно смотрел он на разъяренное море, которое каждую секунду грозило гибелью и ему и его кораблю.

«Германия» приближалась к тому месту побережья, где (в то время, когда происходит наш рассказ) недалеко от шлюза Екатерининского дока находились лоцманский и казенные дома Лондонского порта.

Несколько таможенных чиновников и морской офицер стояли на берегу возле катера, на котором обычно подъезжали к прибывающим кораблям, но в который боялись сесть, так как сегодня даже лоцманы со страхом и молитвой принимались за свою опасную работу.

– Странно, – проговорил один из таможенных чиновников, глядя в подозрную трубу, – название корабля не соответствует флагу.

– В самом деле, – согласился другой. – Посмотрите, пароход уже ясно виден: «Германия» – и бразильские цвета на флаге. Ну, если буря не справится с ним, посмотрим, что на нем находится... Какое великолепное оснащение! Одна, две, три... шесть пушек на борту.

Офицер, стоявший возле катера, стал еще внимательнее всматриваться в подозрную трубу. Пароход, целиком окрашенный в черный цвет, казался издали каким-то чудовищем, боровшимся с волнами.

– Смотрите, смотрите, он гибнет! – закричал один из чиновников. Все с ужасом наблюдали за кораблем. – Лоцманы не подспеют к нему вовремя. Порыв ветра, наверно, разбил корабль вдребезги.

Тяжелое молчание последовало за этими словами.

– Нет, господа, взгляните, «Германия» снова поднялась из бездны... Кажется, ветер начинает стихать... Лоцманская лодка приближается к пароходу.

И тут чиновники с удивлением заметили, что на судне отказались от помощи лоцманов.

Человек, неподвижно стоявший, опершись о мачту, был либо владельцем корабля, либо пассажиром, кроме него и экипажа на палубе никого не было.

– Странное общество! – пробормотал офицер. – Не станем мешкать, господа, сядем скорее в катер, погода, по-видимому, проясняется.

Чиновники не замедлили последовать за офицером, чтобы исполнить свои обязанности, к тому же им любопытно было узнать, что это за пароход, пришедший под бразильским императорским флагом.

Матросы, увидев знак, поданный офицером, быстро подскочили к нему, и через несколько мгновений шлюпка под парусом мчалась по бурному морю.

«Германия» подошла ближе, далеко оставив позади себя лодку лоцманов, будто желая продемонстрировать, что и без посторонней помощи спокойно может достичь доков.

Таможенные чиновники поняли, что не ошиблись, – это был действительно прекрасно оборудованный пароход.

Послышался свисток с капитанского мостика. Раздался голос: «Стоп!», и через несколько минут пароход, остановился, хотя волны все еще продолжали бросать его то в одну, то в другую сторону.

Господин с темным пледом на плечах продолжал неподвижно стоять у мачты, только по его большим выразительным глазам видно было, что он принимал участие в этой встрече.

Матросы перекинули железный с крючьями на концах мостик с одного борта на другой, чтобы таможенные чиновники могли перейти на пароход, где уже царили спокойствие и образцовый порядок, будто судно только что вышло из гавани.

Капитан с приветливой улыбкой принял чиновников.

Они убедились, что «Германия» в самом деле была построена по последнему слову техники и с большим комфортом; узнали они и о том, как совмещались название корабля и его флаг.

– Потрудитесь передать, – начал один из таможенных чиновников, – объявление о грузе и корабельные бумаги.

– Вот, господа, и то и другое, – ответил на отличном английском языке человек в пледе и передал ему красивый большой бювар с золотым гербом.

Таможенные чиновники раскрыли роскошный бювар и стали рассматривать тщательно сложенные бумаги. Лица их не смогли скрыть изумления.

От капитана «Германии» не ускользнула эта перемена выражения на лицах чиновников, а когда морской офицер тоже подошел взглянуть на бумаги, он молча указал на господина в пледе, как будто хотел сказать: вот тот, кому принадлежит «Германия» и кто мигом сумел внушить уважение к себе.

Англичане с интересом посматривали на незнакомца, вся фигура которого действительно вызывала невольное уважение. Окладистая темно-русая борода окаймляла его загорелое лицо. Взгляд его больших, пламенных глаз был серьезным, и вместе с тем в нем светилась доброта.

– Все ли формальности соблюдены, господа? – поинтересовался он. – В таком случае позвольте приветствовать вас и пригласить в салон. Сандок!

На зов явился негр.

– Накрой на стол, Сандок, – приказал незнакомец по-португальски. – Полагаю, господа, – продолжил он по-английски, – что по пути к докам нам лучше всего провести время за бутылкой вина, так как на «Германии» нет никого, кроме меня, моих вещей и команды.

Таможенные чиновники не без удовольствия приняли приглашение и разрешили капитану пристать к Екатерининскому доку, приказав своим матросам вернуться на катере к караульне. Затем они последовали за хозяином в салон, рассыпаясь в похвалах его превосходному пароходу.

Таможенникам не раз приходилось встречать прекрасные, комфортабельные суда, но при виде «Германии» они должны были сознаться, что такого блестящего убранства, как здесь, им встречать не доводилось. Роскошь превзошла все их ожидания.

Широкий и длинный прохладный салон был наполнен матовым светом, проходившим через толстые хрустальные стекла. Стены его были сделаны из душистого розового дерева,

удивительная резьба воспроизводила тропический пейзаж, на фоне которого стояла вокруг волшебной красоты вилла – по всей вероятности, это были владения новоявленного Креза. Позолоченные кресла окружали стол, на котором накрыт был воистину ужин. На серебряных блюдах паштеты чередовались со всевозможной дичью, что не могло не изумить офицера и таможенников.

– Господа, – отвечал, улыбаясь, владелец «Германии», – за все время путешествия из Рио-де-Жанейро в Лондон, мы ни в чем не испытывали нужды. Мой пароход содержит все, что необходимо для жизни, в том числе булочную и ледник, откуда Сандок принесет нам отличное старое вино, которое вы, надеюсь, оцените по достоинству.

– При таких удобствах не страшно никакое далекое путешествие, оно имеет даже своего рода прелести, – заметил морской офицер.

– По-моему, если позволяют обстоятельства, глупо отказывать себе в чем-либо. Со мною часто случалось, что за глоток воды в пустыне я готов был отдать весь свой кошелек.

Незнакомец ступил ногой на золотую пружинку в полу; где-то внизу раздался звон колокольчика, и на этот зов негр принес на золотом блюде несколько бутылок вина и стаканы.

Общество уселось за стол и принялось за прекрасную мальвазию, между тем как «Германия» все ближе и ближе подходила к уже хорошо видному вдали доку.

Почтение, которое английские чиновники оказывали незнакомцу, называя его господином графом, свидетельствовало о том, что владелец парохода «Германия», шедшего под бразильским флагом, принадлежал к высшему сословию.

– Позвольте мне предложить вам вопрос, господа, – сказал незнакомец, окончив разговор о буре и счастливо миновавшей опасности: – Вы, надо думать, слышали о мисс Брэндон?

– Укротительнице львов? О, кто же не знает эту замечательную женщину, – отвечал офицер. – Всякий, кто видел ее хоть раз, невольно задает себе вопрос: смелость ли руководит ею, пресыщение жизнью или же, наконец, страсть к острым ощущениям.

– Согласен с вами, то же самое подумал и я, когда мне рассказывали о ее представлениях, – отвечал незнакомец, пристально глядя в недопитый стакан. – Не знаете ли вы случайно, мисс Брэндон еще в Англии?

– Три дня назад, вместе с сопровождающей ее труппой наездников, она отправилась на пароходе в Германию, – отвечал один из чиновников. – Это таинственная, замечательная личность! Я знаю ее.

– В таком случае, надеюсь, вас не затруднит сказать, имеет ли мисс Брэндон сходство с этим портретом? – спросил владелец «Германии», вынув из золотого футлярчика миниатюрный портрет и передавая его чиновнику.

На миниатюре была изображена головка юной девушки изумительной красоты, хотя и с довольно резкими чертами лица.

– Без сомнения, это мисс Брэндон, – сказал чиновник, – но мне кажется, этот портрет писан несколько лет назад, когда мисс Брэндон...

– Когда повелительница царей пустыни была несколько моложе, – прервал его незнакомец, странно улыбаясь. – Однако вы узнали ее.

– Это она, – подтвердил офицер, – те же благородные черты, то же волевое, уверенное выражение лица.

– Вы говорите, что она отправилась в Германию, – благодарю вас за сообщение, господа. А, мы приближаемся к доку! Какая жизнь кипит здесь! В самом деле, лондонские гавани значительно изменились с тех пор, как я их видел в последний раз.

– Уже десять лет, как они такие, какими вы их видите сегодня, – проговорил старший из чиновников.

– Да, действительно, много, много времени прошло с тех пор, как я покинул эти доки и отправился в Бразилию, – незнакомец снял с себя плед, отчего еще лучше стала видна его стройная фигура.

Англичане отрекомендовали графа чиновникам в гавани, кто-то из них сказал, что этот иностранец или какой-нибудь невероятно богатый чудак, или один из тех искателей приключений, которые составили свое счастье во время борьбы за бразильский престол. Как бы то ни было, они были очарованы его любезностью; но его происхождение вызывало у них сомнения, хотя в корабельных бумагах значился аристократический титул.

Час спустя «Германия» пристала к болверку дока.

В 18... году, когда начинается наш рассказ, в громадной столице Англии царило такое же движение, как и теперь. Повсюду виднелось бесчисленное множество кораблей под самыми разными флагами. Вдоль берега тянулись склады и сараи с товарами, горы ящиков и тюков. Кроме дока, к которому только что пристала «Германия», вдали виднелись два индийских дока, которые впускали и выпускали корабли посредством шлюзов.

Вдали, окутанный черным туманом вечно поднимающегося к небу дыма, лежал огромный Лондон.

По эту сторону города иностранец, стоявший на пароходу, увидел Тауэр, старую крепость с ее полуразвалившимися стенами. Посреди крепости возвышался белый Тауэр, дворец королей от Генриха III до Генриха VIII, в котором покончили свою жизнь Анна Болейн и Иоанна Грей и принцы Эдуард и Йорк были задушены по приказанию короля Ричарда III.

При этих воспоминаниях незнакомец невольно содрогнулся, хотя во время нашего рассказа Тауэр скрывал за своими мрачными стенами только тюрьму для политических преступников, арсенал и государственный архив.

Негр Сандок стоял близ своего господина и с любопытством следил за всем, что происходило в гавани. Он был в богатой голубой ливрее, затканной серебром, а его голова с короткими мелко вьющимися черными волосами была обнажена. Однако внешность негра никому не бросалась в глаза, так как на берегу было много чернокожих, креолов и турок.

– Сандок, – крикнул владелец парохода, – позови Мартина.

Негр с грацией, свойственной этому народу, спустился вниз, и в считанные секунды на палубе появился широкоплечий силач с черной морской шляпой в левой руке.

– Пойдешь со мной на берег, Мартин, если можешь отлучиться, – сказал иностранец по-немецки.

– К вашим услугам, господин Эбергард, пока судно будет стоять в доке, у меня нет дел.

– В таком случае отправимся; та, кого я ищу, уехала в Германию.

– Госпожа графиня...

– Мисс Брэндон, – поправил его владелец «Германии».

– Простите, господин Эбергард, я ошибся.

– Я должен знать, в какую гавань она направилась, и тогда мы немедленно последуем за ней.

Эбергард и Мартин, капитан судна, отправились в справочную контору.

Оба эти человека, господин и слуга, с загорелыми лицами и крепкими, мускулистыми фигурами, протиснулись сквозь толпу приехавших и отъезжающих, между которыми сновало множество проходимцев, которые только и искали удобного случая, чтобы задраться или совершить воровство. Подобные люди обыкновенно уважают лишь силу, и потому не удивительно, что при появлении мощной фигуры капитана и такого же рослого, статного его господина они тут же сторонились, давая им пройти.

Когда оба иностранца пробирались к справочной конторе, Эбергард вдруг остановился, заметив в отдалении на бастиионе толпу людей, – их крики странно подействовали на него.

Мартин также посмотрел туда.

– Это немцы-выходцы, – проговорил он.

Мужчины были одеты в длинные синие блузы, женщины – в короткие платья, с платками на голове. Возле них, бегая вокруг мешков со скудным бедняцким имуществом, играли дети. В толпе особенно выделялся старик, очевидно, он был старшим. Преклонный возраст не удержал старика от попытки искать счастья в Новом свете, хотя, видно, он с грустью покидал родные берега. Старик едва сдерживал слезы, глядя на дочь, которая передавала матросам корабля свои последние пожитки. Молодые со страхом и надеждой поглядывали на корабль, которому доверяли свое будущее, своих жен, своих детей и который готовился везти их в страну, что должна была стать их новой родиной. О, если бы только сбылись их мечты!

Грустную картину представляли эти бедные выходцы.

Владелец «Германии» приблизился к переселенцам и стал прислушиваться к их разговору; язык, на котором они говорили, вызвал в его душе те отрадные воспоминания об отечестве, которые воскресают в нас, когда мы слышим дорогие звуки родной речи на чужой стороне.

– Откуда вы, добрые люди, – обратился он к одной из групп, – и отчего покинули свое отечество?

Мужчины и женщины с удивлением посмотрели на незнакомца, который в чужой стране обратился к ним на их родном языке.

– Из Восточной Пруссии, милостивый государь, – отвечал один из крестьян. – Дела наши идут плохо, налоги возросли, а нужда велика. Поэтому мы собрали все свои пожитки и с женами и детьми переправляемся через океан.

– Куда же вы отправляетесь?

– В Южную Америку, милостивый государь, там нужны рабочие руки, а труды вознаграждаются землей.

– А вы? – обратился Эбергард к другой группе.

– Мы из Южной Германии, а вон те из Нассау. Тацкое ремесло уже и хлеба-то черного не дает нам! О Боже! Все машины, все машины, сударь! Теперь мы отправляемся искать новую родину.

– Сознаюсь, трудно покидать на старости лет землю, где провел всю жизнь, но нужда заставляет, – говорил старик, державший на руках худенького внука. – Последние свои сбережения мы потратили на переезд в Бразилию.

– В Бразилию – о, несчастные! – невольно вырвалось у Эбергарда.

– Что делать? Голод заставляет нас, сударь. Взгляните-ка вон на мою дочь и моих сыновей. Дальше терпеть было невозможно, нужда росла да росла.

Капитан Мартин с грустью смотрел на старика, у которого слезы катились по впалым, бледным щекам.

– А откуда вы? – спросил владелец «Германии», обращаясь к третьей группе немцев, стоявшей в стороне.

– Из Богемии, благородный господин. Ремёсла у нас не приносят больше никакой выгоды; в Бразилии, говорят, лучше.

– Несчастные! – не удержавшись, воскликнул Эбергард. – Вы плывете навстречу гибели и смерти. То, что вам наговорили об этой стране, – ложь: там царят рабство и нищета.

– О, не говорите этого, милостивый государь, не отнимайте у нас последней надежды! – умоляла его молодая женщина, крепко прижимаясь к своему мужу.

Владелец «Германии» видел нежную любовь молодой женщины, которая в нужде и несчастье искала опоры в своем муже, и эта картина тронула его. Улыбка умиления появилась на его губах, между тем как Мартин, закрыв лицо руками, отвернулся, чтобы скрыть свои слезы.

– Куда же вы отправляетесь? – спросил Эбергард остальных.

– В Рио, – разом раздалось несколько голосов.

– Ну, в таком случае, я могу доставить вам выгодную работу. Вы все, все найдете то, на что надеялись, но если еще и другое оставят свою родину, что будет с ними? Возможно ли, что в прекрасных немецких странах так велика бедность? О Мартин, теперь мы вдвойне скорее должны отправиться в наше отечество, которого не видели уже столько лет. Меня сильно влечет туда, но, думаю, после виденного сегодня, нам предстоит там большая работа.

– Я тоже так думаю, господин Эбергард. Черт возьми, опять у меня набегают на глаза эти несносные слезы!

– У тебя добрая, честная душа! Пусть наше пребывание на родине ознаменуется добрыми делами, Мартин.

Выходцы окружили господина, который говорил с ними на их родном языке и принимал в них такое живое участие, и с интересом и надеждой смотрели на него.

– Вы хотите дать нам выгодную работу? – спрашивали они. – О, сделайте это, помогите нам, если можно.

– Послушайте, – отвечал им незнакомец, – если вы благополучно достигнете Рио, обратитесь с этой карточкой к господину фон Вельсу, он тоже немец.

– Кому же достанется эта карточка? – забеспокоились обрадованные мужчины и женщины.

– Подождите, каждый глава семейства получит ее. По этим карточкам господин Вельс пошлет вас во владения Монте-Веро. Название это написано на карточках. Прежде чем вы приедете в Монте-Веро, там уже будет распоряжение от меня, и вы все получите работу, жилище и хлеб. Будьте трудолюбивы и сделайте честь своему немецкому имени! В Монте-Веро вы найдете управляющих и работников с нашей родины. Вот вам деньги, чтобы вы не терпели нужды в пути и не прибыли совершенно обессиленными и истощенными в Рио, а потом в Монте-Веро.

Переселенцы были тронуты до слез великодушием незнакомца, буквально на коленях они горячо благодарили его за помощь, пытались целовать ему руки в порыве глубокой благодарности. Мартин стоял подле, он был несказанно рад, что его господину представился, случай сделать доброе и великое дело.

– Да благословит и сохранит вас всех Бог! – проговорил благородный незнакомец звучным голосом, пожимая руки тех, кто стоял ближе к нему, а потом быстро направился с Мартином к справочной конторе. Там ему сообщили, куда отправился пароход, зафрахтованный труппой наездников, и через несколько часов незнакомец вернулся с Мартином на свой корабль.

– Наш путь – в Германию, – сказал он.

Еще до наступления ночи пароход вышел из дока. Небо было совершенно чистым, легкая зыбь играла на море, мириады звезд сверкали на безоблачном небе, бриллиантами отражаясь в холодных волнах Северного моря. Но вот раздался сигнал к отплытию; колеса завертелись, судно направилось к родным берегам своего владельца!

II. Въезд короля

Прошло несколько недель со времени вышерассказанного. Теперь просим читателя последовать за нами в Германию.

Был прекрасный солнечный день августа. На окнах домов одной из германских столиц развевались знамена; гирлянды из цветов были перекинута через улицы; весь город от дворцов до хижин постарался быть праздничным.

Король, принявший правление после смерти отца, возвращался с августейшей супругой в столицу, чтобы вступить на престол и занять замок своих предков. День этот был праздником для народа, который с раннего утра теснился в той части города, где должен был проехать король.

Ремесленники и купцы выстроились под своими штандартами, чтобы громкими приветствиями при звуках музыки встретить королевскую чету; радостное движение и веселье наполнило площади; окна и балконы занимали любопытные в нетерпеливом ожидании торжественного въезда.

Наконец около полудня пушечные выстрелы возвестили о приближении королевского поезда.

Полицейские и жандармы в парадной форме стали расчищать улицы и расставлять любопытных по сторонам. Инфантерия с развевающимися султанами образовала вдоль дороги непроходимую цепь; все взоры были обращены в сторону, откуда ждали королевских особ.

Послышалась музыка. Она становилась все громче и громче, кортеж приближался к триумфальной арке, увитой цветами и украшенной блестящими королевскими гербами. Раздались радостные крики. Музыканты заиграли гимн.

Четыре маршала на белоснежных конях открывали процессию; за ними, на некотором расстоянии, следовал отряд гвардейцев со знаменами; их приветствовали тысячи голосов.

Король в расшитом золотом мундире ехал на прекрасном арабском жеребце; четыре графа несли перед ним на красных бархатных подушках государственные реликвии.

Королю с виду было лет пятьдесят, его круглое лицо с высоким лбом, чуть выступающим подбородком и добродушной улыбкой окаймляли жиденькие, едва заметные бакенбарды; он приветливо кланялся по сторонам и, по-видимому, был тронут радушным приемом, который оказала ему его столица.

За королем на гордых конях следовали принцы королевского дома и богатая свита.

Снова четыре маршала гарцевали на белых лошадях, а за ними отряд кирасиров.

На некотором расстоянии от них в золоченой карете, запряженной шестеркой серых лошадей, ехала королева. Она приветливо отвечала на ликование толпы. Лицо ее было бледным, какая-то тайная грусть отражалась на нем. Брак королевской четы был бездетен; может быть, эта мысль более чем когда-либо теснилась в эту торжественную минуту в голове королевы.

За золоченой королевской каретой следовали роскошные экипажи принцесс, сестер и племянниц короля, за ними – придворная свита и снова отряды гвардейцев.

У высоких триумфальных ворот королевскую чету встретили депутаты от столицы, девушки в белых платьях посыпали дорогу цветами, граждане и ремесленники приветствовали короля и его супругу звуками труб. Ликование сопровождало королевский поезд до самого замка, высокого и обширного. И хотя снаружи его старые стены казались мрачными, внутри он сиял великолепием.

В тронной зале короля встретили министры и посланники, каждый из которых поздравил его от имени своего государя и передал уверения в самой искренней дружбе.

Когда церемония окончилась, был дан обед, на нем присутствовали только члены королевского дома, так как вечером должен был последовать спектакль, а потом бал – первое празднество после траура по покойному королю, на которое было разослано много приглашений. Гостеприимный король, находясь в весьма веселом расположении духа от оказанного ему торжественного приема, еще увеличил число приглашений после того, как обменялся несколькими фразами с министрами и посланниками, которые назвали ему ряд лиц, прибывших в последние дни в столицу и достойных королевского приема.

Множество людей столпилось перед королевским дворцом, и король не раз выходил на балкон благодарить народ за приветствия.

С наступлением вечера зажглась иллюминация, самая блестящая, какую когда-либо видела эта столица. Дворцы некоторых, вельмож вызвали всеобщее удивление, с таким искусством и выдумкой они были украшены. Главная улица столицы, простиравшаяся от дворца до самых Королевских ворот, залитых блеском бенгальских огней, походила на огненное море.

Нарядная, веселая толпа гуляла по улицам, любуясь богато украшенными и иллюминированными домами.

Вскоре экипажи стали с трудом расчищать себе дорогу к ярко освещенному замку, где взад и вперед сновали лакеи и камердинеры. Начался съезд приглашенных.

Три огромные залы были назначены для приема, Украшенные орденами мундиры генералов, оказавших покойному королю незабвенные услуги в сражении против Наполеона, соседствовали с простыми черными фраками. Министры и камергеры, посланники и сановники, князья и известные ученые, беседуя, прогуливались по зале Кристины, получившей это название от портрета одной из принцесс королевского дома. Вдоль зеркальных стен, в которых отражался свет многочисленных люстр и канделябров, были расставлены мягкие стулья с позолоченными спинками, под портретом принцессы были приготовлены увенчанные коронами кресла для королевского семейства.

По четырем углам прекрасной залы Кристины, за дорогими бархатными занавесями, находились буфеты с винами, лакомствами и мороженым, которые беспрестанно разносили лакеи.

Французский посланник, принц Этьен, беседовал со старшим камергером, лорд Уд, немолодой, всегда невозмутимый англичанин с неседящей белокурой бородой, о чем-то говорил с бразильским посланником, кавалером де Вилларанка, а только что вошедший в залу племянник короля, принц Вольдемар, заговорил с камергером фон Шлеве о мисс Брэндон, занимавшей в последнее время умы всех жителей столицы.

– Ваше высочество, соблаговолите обратить внимание на удивительную укротительницу львов, она, без сомнения, заслуживает внимания, – проговорил камергер фон Шлеве, часто мигая своими бегающими серыми глазами и стараясь скрыть хромоту левой ноги.

Его безбородое лицо, с впалыми морщинистыми щеками, острым носом и бледными тонкими губами, производило неприятное впечатление. Этот пятидесятилетний камергер был поверенным и советником молодого принца Вольдемара.

– Мне бы очень хотелось увидеть эту замечательную укротительницу, – принц Вольдемар небрежно раскланялся с французским посланником. – Позаботьтесь о ложе в один из следующих дней, хотя вы знаете, что я не очень-то жалую этих нарумяненных цирковых дам.

– О, я знаю, мой принц предпочитает невинных простолюдинок, и я днями сообщу вашему высочеству сведения о той очаровательной девушке, которую мы видели третьего дня на дороге.

– Постарайтесь это сделать, господин фон Шлеве.

Это на самом деле прелестная девушка, я давно такой не видел; ее образ преследует меня. О, моя дорогая кузина, – поклонился принц Вольдемар юной принцессе Шарлотте, которая в

сопровождении матери, сестры короля, только что вошла в залу. – Я счастлив видеть вас здесь! Вы были нездоровы, о чем я узнал с глубочайшим сожалением.

– Да, я немного прихворнула, но теперь, слава Богу, чувствую себя прекрасно, – отвечала принцесса Шарлотта, очаровательная черноволосая девушка лет двадцати, с гладкой прической, украшенной только несколькими розами.

У юной принцессы были прекрасные голубые глаза, опущенные длинными темными ресницами, бледные щеки, тонко очерченный нос с горбинкой и маленький ротик. На длинное белое платье, подобранное розами, была накинута прозрачная кружевная мантилья, сквозь которую виднелись ее мраморно-белая шея и прелестная линия плеч.

– Не знаете ли, принц, – продолжала принцесса, – кто тот господин в португальском костюме, который сейчас любезно раскланялся с кавалером де Вилларанка?

Принц посмотрел в сторону, куда указала собеседница, и увидел высокого, стройного, господина с густой темно-русой бородой. На нем был богато вышитый бархатный полуплащ, из-под которого виднелся бриллиантовый орден. Шпага с золотой рукоятью висела на боку.

– Должен признаться, дорогая кузина, я впервые вижу этого господина. По-видимому, это гранд какой-нибудь отдаленной страны алмазов.

– Его экипаж, запряженный четверкой прекрасных вороных, одновременно с нашим подъехал ко дворцу, негр в синей ливрее сидел на козлах.

– Я постараюсь собрать о нем сведения и немедленно сообщу их вам, кузина, – принц поклонился.

В эту минуту отворились высокие двустворчатые двери, и пажи, которые еще сохранились при подобных придворных празднествах, возвестили своим появлением о приближении королевской четы.

Король, ведя за руку свою супругу, вошел в залу; на галерее, обитой красным сукном, придворная капелла заиграла гимн; гости встали по сторонам.

Король был в хорошем расположении духа. Саркастическая улыбка, игравшая постоянно на его губах, исчезла, он, как и королева, приветливо отвечал на поклоны блестящего собрания.

Отворились двери в соседнюю и в театральную залы. Залитые ярким светом огромные комнаты поражали роскошью.

Король обратился с несколькими любезными словами к стоявшим возле него министрам и генералам, между тем как королева беседовала с принцессами. Каждый из гостей с бьющимся сердцем ожидал милости быть замеченным королем и удостоиться хотя бы слова.

В то время как придворная капелла исполняла одну из особенно любимых королем увертур, его величество с интересом рассматривал присутствующих, беседуя со своим братом, принцем Августом, и племянником, принцем Вольдемаром.

Вдруг глаза короля заблестели, он увидел неподалеку симпатичного ему кавалера де Вилларанка и поручил адъютанту попросить к себе бразильского посланника.

– Господин кавалер, – когда тот подошел, начал он по-французски, так как посланник плохо владел немецким, – мы вспомнили, что вы просили нас об аудиенции для графа...

– Для графа Монте-Веро, – прибавил кавалер де Вилларанка.

– Совершенно верно, постараемся запомнить это имя. Вы просили об аудиенции для графа Монте-Веро, я получил от вас собственноручное послание вашего дорогого для нас государя. Представьте нам господина графа сегодня. Присядьте, дорогая, – продолжал король, обращаясь к своей супруге, и подвел ее к креслам.

За ними заняли свои места принцесса Шарлотта, ее мать и высшие придворные; принцы разместились по сторонам.

И тут кавалер де Вилларанка подвел к королю прекрасного незнакомца, который так заинтересовал принцессу Шарлотту. Его величественная фигура с гордой осанкой резко выделялась среди присутствующих.

Король с любопытством смотрел на статного графа; взоры присутствующих также обратились на гостя, явившегося на придворное празднество в португальском костюме.

– Исполняю милостивое приказание вашего величества, – начал кавалер де Вилларанка и, отступив немного назад продолжал: – граф Эбергард Монте-Веро.

– Эбергард? – с удивлением повторил король. – Настоящее немецкое имя.

– Я имею честь и счастье быть немцем, который в отдаленном государстве нашел для себя новую родину, – отвечал Эбергард своим звучным голосом.

– Вы, без сомнения, оказали неоценимые услуги бразильскому двору, граф, – продолжал король, – так как в собственноручном письме ваш государь весьма милостиво и лестно отзывается о вас. У вас, вероятно, большие владения в Бразилии, этой благословенной стране?

– Да, ваше величество, Монте-Веро занимает восемь немецких квадратных миль.

– Полагаю, не всякий немецкий принц или князь обладает такими владениями, – сказал король не без иронии. – И все это обработано и возделано?

– Только по окончании этой задачи я вернулся сюда, чтобы снова увидеть мое прекрасное отечество. Почти десять тысяч немцев-работников заняты на плантациях Монте-Веро.

– Значит, целая колония!

– Мне отрадно слышать такое милостивое название моих владений, ваше величество! Оно придает мне храбрость испросить у вашего величества милость.

– Говорите, граф. Мы весьма признательны кавалеру де Вилларанка, что он представил вас нам. Мы охотно слушаем рассказы о далеких странах, особенно если они таким чудесным образом связаны с нами.

– Осмеливаюсь просить ваше величество удостоить меня как немца милости. Разрешите повергнуть к вашим стопам скромный дар из моих отдаленных владений. Благоклонное принятие его будет невыразимым благодеянием для меня.

– Дар из вашей колонии! – быстро повторил король, на которого простодушие графа Монте-Веро произвело приятное впечатление. – Что же, ждем его С нетерпением.

Граф Монте-Веро поспешно обернулся и отступил немного назад; почти тут же портьера раздвинулась, и король с королевой, улыбаясь, с любопытством посмотрели туда.

На пороге показался негр в богатой голубой ливрее, он нес белую бархатную подушку, на ней лежали три больших черных бриллианта, от которых исходил ослепительный блеск.

Пройдя по зале, негр приблизился к королю и встал перед ним на колени, высоко держа над головой бархатную подушку с подарком.

Сцена эта произвела сильное впечатление на окружающих. Не только из-за бесценных черных бриллиантов, подобных которым не видел никто из присутствующих, но и из-за самого графа.

Это был воистину королевский подарок – каждый из камней был величиной с голубиное яйцо и имел удивительную огранку.

Король поднялся со своего места.

– Нам кажется, что мы вдруг перенеслись в одну из восточных сказок, – сказал он, приветливо улыбаясь и подходя к стоявшему на коленях негру, чтобы рассмотреть бриллианты. – Какая великолепная игра! Удивительные камни!

– Они происходят из Монте-Веро, ваше величество, и потому это не более чем произведение моих земель. Правда, это единственные черные алмазы, которые до сих пор найдены.

– Я принимаю ваш подарок, граф. Один камень я предназначаю для музея, второй дарю своей супруге, а третий оставляю себе. Ну, теперь ваша очередь испросить для себя какую-нибудь милость.

– Ваше величество, я прошу лишь позволить мне являться при дворе и тем самым доказать, что немец, где бы он ни нашел вторую родину, всегда остается верным своему королю и отечеству.

Король, подозвав к себе старшего камергера, передал ему подушку, чтобы показать прекрасные камни королеве, затем обратился к графу и подал ему руку; Эбергард не преклонил колена, а только, низко поклонившись, прижал руку короля к губам.

– Так вы намерены пробыть здесь некоторое время, – прервал молчание король, между тем как гости рассматривали подарок графа, который не оставлял сомнений, что перед ними Крез.

– Желание снова увидеть мое отечество привело меня сюда, ваше величество, и... – Эбергард вовремя остановился: он должен был скрыть другую, священнейшую причину своего путешествия. – И кроме того, и здесь и там я хочу принести некоторую пользу частью моего состояния.

– В этом благом деле, граф, мы можем отчасти помочь вам, ведь теперь мы у вас в долгу. Однако пора начинать спектакль. Пойдемте в театральную залу, – обратился король к своей супруге, которая разговаривала с очаровательной принцессой Шарлоттой, – граф поведет принцессу.

– Столь высокая милость смущает меня, ваше величество.

– Надеюсь, мы часто будем видеть вас, граф, около себя и желаем познакомиться поближе. Следуйте за нами.

Эбергард низко поклонился принцессе Шарлотте, щеки которой покрылись легким румянцем.

– Мне крайне жаль, ваше высочество, – тихо проговорил Эбергард, – если, будучи для вас человеком едва знакомым, окажусь не совсем приятным собеседником.

– О нет, граф, пусть это вас не смущает, – ответила красавица принцесса, взяв предложенную ей руку графа и направляясь с ним вслед за августейшей четой в обширную театральную залу.

– Уверен, вы охотнее приняли бы общество какого-нибудь из присутствующих принцев, – тихо сказал граф, занимая кресло подле улыбающейся принцессы Шарлотты, – хотя эта милость доставляет мне большую радость.

– Что касается меня, то я сомневаюсь и в том и в другом, господин граф.

– Ваше высочество, я человек прямой и говорю всегда только то, что думаю, а посему смею вас уверить, что все сказанное мною было совершенно искренне.

– Это прекрасное, но, к сожалению, весьма редкое в наш век качество, господин граф, и я должна сознаться, что оно делает ваше общество еще приятнее для меня. Насколько позволяет придворный этикет, я сама придерживаюсь тех же принципов.

Поднятие занавеса прервало разговор; сперва было пропето несколько арий, потом давалась маленькая комедия, тонкие остроты которой часто вызывали общий смех. Принцессу Шарлотту также, по-видимому, забавляла пьеса. Граф Монте-Веро отметил в своей молодой, прекрасной собеседнице неподдельную веселость. Придворные, сидевшие вокруг, куда внимательнее следили за каждым движением и выражением лица графа, чем за ходом пьесы, – он сделался предметом толков, героем дня.

Все терялись в догадках о его происхождении, о том, каким образом он нажил в Бразилии такое состояние, и зачем снова приехал в Германию.

Но молодой граф не обращал внимания на придворных, он был выше их толков и злых острот.

Знаменитейшая артистка столицы под тихие звуки музыки прочла стихотворение, которое произвело сильное впечатление на присутствующих, особенно на нежные женские сердца, и вызвало несколько слезинок на прекрасных очах принцессы Шарлотты; Эбергард заметил и эту черту ее мягкого сердца.

Затем шла легкая французская пьеска, и, наконец, в зале Кристины раздалась музыка для танцев.

Лакеи разносили мороженое и шампанское, между тем как мужчины и дамы, разделившись на пары, прохаживались по залам. Принц Этьен беседовал с роскошной, пышущей страстью герцогиней Соест, придворной дамой королевы, принц Вольдемар подошел к своей прекрасной кузине, чтобы осведомиться, понравился ли ей новый фаворит двора, а камергер Шлеве, стоя в стороне, раздумывал, как бы напасть на след той невинной девушки, о которой ему говорил принц, и решил прибегнуть к помощи некоей госпожи Роберт, которая многим придворным кавалерам и дамам давала наилучшие советы и наставления при подобного рода деликатных обстоятельствах.

Брат короля, принц Август, открыл бал с королевой; король не танцевал.

Граф Монте-Веро, прислонясь к колонне и скрестив руки на груди, вдали от танцующих рассматривал портрет Кристины. Это была прекрасная бледнолицая женщина, ее темно-русые волосы украшала жемчужная диадема, мечтательные голубые глаза говорили о каком-то страдании; тонко очерченный нос, прекрасный рот и розовые губы были так блестяще написаны, что принцесса Кристина предстала перед глазами изумленного графа, как живая. Простое черное платье обрисовывало ее стройную фигуру, черная вуаль ниспадала на плечи, шею обвивало сверкающее ожерелье.

Картина невольно поглотила все внимание Эбергарда; он углубился в созерцание этого прекрасного лица с отпечатком какой-то тайной грусти.

Так продолжалось несколько минут; взгляд графа Монте-Веро оставил портрет и встретился вдруг с глазами вошедшей в залу принцессы Шарлотты, она слегка покраснела и опустила глаза.

Какое-то непонятное грустное чувство овладело графом. Вызвала ли его картина или принцесса, или, быть может, он снова вспомнил о цели своего путешествия?

Он находился только несколько дней в столице и не успел еще встретиться с мисс Брэндон, но встреча эта была слишком важна для него, он во что бы то ни стало должен был видеть ту, которую так давно искал.

Граф тихо подошел к принцессе. При этом он заметил, как высоко вздымается ее грудь, хотя принцесса, кроме польки, которую протанцевала с принцем Вольдемаром, не участвовала в других танцах.

Эбергард попросил ее на вальс; Шарлотта положила руку ему на плечо, и прекрасная пара помчалась по зале под звуки дивной музыки. Когда граф, улыбаясь, подвел утомленную принцессу к стулу и, низко кланяясь, благодарил, из-под камзола вдруг выскользнул амулет, висевший на золотой цепочке.

Принцесса увидела его. Это была драгоценная вещица с какими-то странными знаками. На золотом овале в обрамлении бриллиантов были изображены три знака из жемчужин – крест, солнце и череп.

Принцесса с удивлением взглянула на амулет; казалось, и король заметил драгоценное украшение графа. Шарлотта хотела обратиться к нему с вопросом, но Эбергард, молча поклонившись, избежал ее взгляда и быстро скрылся в толпе гостей. Вскоре после того король подал знак к окончанию бала.

III. Леона

Через несколько дней после описанных нами событий по узкой улочке города спешил, кутаясь в плащ, высокий господин. Очевидно, он направлялся к темневшему вдали зданию столичного цирка. На соборной башне только пробило шесть часов, но уже было так темно, что неизвестный едва различал подъезды и окна здания. Только совсем приблизившись, он увидел по одну сторону цирка тусклый фонарь.

В эту минуту из тени портала, украшенного колоннами, навстречу ему вышел тоже высокий и плечистый человек, который, по-видимому, его ожидал.

– Ты ли это, Мартин?

– К вашим услугам, господин Эбергард.

– Узнал ли ты что-нибудь?

– Час назад камергер фон Шлеве посетил мисс Брэндон, когда она уже была внизу, в помещении львов.

– Говорил ли он с ней?

– Нет, господин Эбергард я видел в окно, как молодой человек, его зовут Гэрри, вскоре спровадил его.

– Видела и узнала ли тебя мисс Брэндон?

– Нет, господин Эбергард.

– Подожди меня здесь, Мартин.

Широкоплечий, уже известный нам из первой главы капитан парохода «Германия», этот добрый, честный малый, который каждую минуту готов был отдать жизнь за своего господина, хотел еще что-то шепнуть ему, но Эбергард уже исчез в портале цирка.

Мартин отошел в сторону, так как появились рабочие, чтобы зажечь фонари, – близилось время открытия кассы. Эбергард спустился по лестнице, что вела в уборные наездниц. Сердце его сильно билось – свидание, к которому он теперь готовился, было целью его путешествия через океан, и мы увидим, что причина, побудившая его к тому, была очень важной.

Эбергард был в невзрачном серо-коричневом сюртуке и такой же шляпе и вполне мог сойти за работника. Когда он достиг длинного коридора, освещенного несколькими газовыми рожками, глухой рев указал ему дальнейший путь. Он остановился перед дверью с бронзовой дощечкой, на которой значилось: «Мисс Леона Брэндон», и трижды постучал. Тихие шаги приблизились изнутри, дверь отворилась, и Эбергард увидел ту, которую так долго искал.

Леона Брэндон, узнав Эбергарда, в испуге попятилась; с минуту она стояла как вкопанная, только что-то невольно прошептали ее прекрасные губы. Черное платье с длинным шлейфом и без всяких украшений и отделок обрисовывало стройную фигуру женщины; ее темные блестящие волосы были гладко зачесаны, даже мгновенный испуг не заслонила на ее бледном лице и в темных глазах выражения гордости и властолюбия.

Она отступила назад, и Эбергард воспользовался этим, чтобы пройти в комнату и запечатать за собою дверь.

– Мы одни, графиня, – проговорил он низким голосом, оглядев помещение, в глубине которого находилась большая позолоченная клетка с тремя львами.

– Эбергард, – прошептала мисс Брэндон, приходя в себя, – вчера, заметив вас в экипаже на гулянье в парке, я подумала, что вижу привидение.

– Вы не ошиблись, я искал вас.

Мисс Брэндон справилась с собой, и ее прекрасное лицо снова приняло холодное и гордое выражение.

– Какой странный маскарад, граф! – проговорила она с сарказмом, глядя на простой костюм Эбергарда.

– Мой костюм не менее странен, чем и все то, что я вижу здесь. Я пришел сюда, графиня Понинская, потребовать своего ребенка!

– Потребовать от меня ребенка! Странное требование, господин граф! Ваш ребенок – это и *мой* ребенок, и отчего вы не называете меня по имени, все же я ваша жена?

– Бывшая, хотите вы сказать, графиня Понинская. Я полагаю, этот вопрос в нашей жизни решен навсегда. Не думаю, чтобы после всего происшедшего и после четырнадцати лет разлуки что-либо связывало нас.

– Вы были в Америке...

– Да, и я приехал сюда только для того, чтобы потребовать у вас свою дочь, которая оставалась на вашем попечении, – проговорил Эбергард спокойно.

Леона Брэндон, или графиня Понинская, оставила вопрос Эбергарда без ответа; казалось, она не могла спокойно выносить его взгляд.

– Вы молчите, вы колеблетесь, мое предчувствие... – Глаза Эбергарда заблестели. – Где мой ребенок?

– Тише, господин граф!

– Я требую от вас ответа, не оставляйте меня долее в неизвестности. Выражение ваших глаз меня пугает! Мой ребенок мертв?

– А если и так? – Леона торжествующе улыбнулась, явно наслаждаясь страданиями стоявшего перед ней человека.

– В таком случае вы его убили! – через силу выдавил из себя Эбергард, приблизившись к этой жестокосердной женщине. – Моя дочь была для вас обузой, она мешала вашему ненасытному честолюбию, честолюбию, которое привело вас сюда, на арену, где вы демонстрируете, что вам покоряются даже цари пустыни. Где мой ребенок? Я требую от вас признания.

Леона с возрастающим волнением слушала Эбергарда; глаза ее дико сверкали, грудь высоко вздымалась, руки сжимались от злобы.

– Я не признаюсь вам ни в чем! – прошептала она наконец.

– Тогда я сумею заставить вас! – Эбергард не в состоянии был владеть собой – страх за ребенка заглушил в нем все.

Леона отступила назад поспешно подошла к большой золотой клетке, в которой с ревом метались львы, и положила свою изящную руку на крюк, что запирает дверцу. Еще одно движение – и львам будет открыт доступ к отважному, дерзкому человеку, который спокойно, с вызовом на лице встретил ее угрозу. Ничто не выдавало в нем ни боязни, ни Страх, непреклонный стоял он против женщины, рука которой каждую минуту готова была открыть дверцы клетки.

– Отворите, отворите клетку, сударыня, – проговорил он с ледяным спокойствием. – Там, за океаном, я научился обращаться с этими животными. Конечно, я могу не справиться с тремя сразу, но не думайте, что вы этим освобождаетесь от ответа на мой вопрос. Если вы не скажете, где моя дочь, которой теперь уже должно исполниться шестнадцать лет, то весь свет узнает, что мать Леоны Брэндон, графини Понинской...

– Молчите! – Леона невольно простерла к нему руки. – Вы знаете...

– Я знаю все! Где мой ребенок?

– Я передала его... после того, как мы расстались, – простонала Леона, – моей горничной, она отдала его на воспитание в одно семейство...

– Что это за семейство?

– Это семейство канцеляриста Фукса, который содержал учебное заведение.

– Дальше, дальше! Я должен знать, где искать своего ребенка, чтобы, наконец, сделать его счастливым, – голос Эбергарда выдавал всю глубину его тоски по дочери.

– Это семейство куда-то скрылось, все мои поиски остались тщетными.

– Значит, вы постарались... – Эбергард язвительно усмехнулся, но не кончил фразы.

– Я знаю только, что муж той молодой женщины, которая воспитывала ребенка, скрывается где-то в лесу, его преследуют.

– Бессердечная, в чьи руки отдала ты моего ребенка, – прошептал Эбергард, в отчаянии закрыв лицо руками. – Горе тебе, если я ее не найду, горе тебе, если я, что еще ужаснее, найду свою дочь преступницей. Тогда я уничтожу тебя, но я не наложу на тебя руки – Боже избавь! Наказание, которому ты подвергнешься, будет страшнее!

Графиню повергли в смятение слова Эбергарда. Она знала его непоколебимую волю и твердый характер, она знала, что свое слово он всегда сдержит.

В эту минуту в глубине комнаты отворилась широкая дверь и на пороге появился молодой человек лет двадцати в трико с серебряными блестками, которое выигрышно демонстрировало его стройную фигуру. Он явно был удивлен, увидев незнакомца в комнате мисс Брэндон.

– Я сегодня же ночью отыщу в лесу этого бесприютного, – тихо проговорил Эбергард. – Дай Бог, чтобы я нашел свою дочь; это было бы хорошо и для вас и для меня!

И он повернулся к выходу.

Леона провожала его мрачным, сверкающим ненавистью взглядом.

Когда дверь за ним затворилась, она обратилась к юноше, стоявшему в глубине комнаты со скрещенными на груди руками:

– Гэрри, вы хорошо запомнили этого человека?

– О, я узнаю его среди тысяч!

– Даже если увидите между князьями, в орденах?

– И тогда, мисс Брэндон! Для вас я найду его везде.

Леона мрачно молчала, подавленная угрозой, потом вскинула голову – ее страстная, необузданная душа вынесла приговор.

– Я ненавижу его! – прошептала она.

– Сознайся, Леона ты его боишься! О, какой позор! Я или он!

Взгляд юноши был прикован к прекрасному лицу мисс Брэндон, которая всецело владела этим молодым и еще неопытным сердцем.

IV. Народное собрание

Все старания Эбергарда и Мартина открыть местопребывание канцеляриста Фукса оказались тщетными. Где бы они ни появлялись в своих поисках, везде их неизменно встречали бедность и нищета. Эбергард не только раздал все находившиеся при нем деньги, но и на следующий вечер возобновил раздачу пособий. Его согревала мысль, что он облегчает участь обездоленных, тем более, что, может быть, среди них находится и его дочь.

Исходив леса вокруг столицы, Эбергард с Мартином с наступлением вечера прекратили поиски. Дали знать полиции об укрывательстве Фукса, так что им на смену по окрестностям отправились многочисленные сыщики.

Тяжело действовали на душу Эбергарда эти тщетные поиски; он любыми средствами хотел найти дочь, чтобы вознаградить ее за все испытания, перенесенные у чужих людей. Жестокосердная мать без зазрения совести передала свою дочь в ужасные руки, и если в благородном сердце Эбергарда еще недавно теплилось какое-то чувство к Леоне, то теперь она для него больше не существовала.

«Мой ребенок находится среди преступников! – думал он, и отчаянием наполнялось его сердце. – Может быть, девочка уже погибла и потеряна навсегда»...

Мартин шел подле графа. Душевные муки потрясали, терзали Эбергарда, но не лишили мужества.

Они миновали главную улицу, протянувшуюся от Королевских ворот до замка. Вечером, при ярком освещении витрин, она представляла собой красивое зрелище. Затем они направились к древнему замку и свернули в широкую Маршальскую, вдоль которой с обеих сторон высились богатые особняки. Через несколько минут Эбергард и Мартин остановились у здания со статуями в нишах и резными дверьми искусной работы.

Двери отворились сами собой с помощью потайного механизма и заперлись снова, когда Эбергард и его провожатый вошли в вестибюль, наполненный матовым светом.

Этот дом граф Монте-Веро купил по прибытии в столицу у одного архитектора, знавшего толк в современном комфорте. Эбергард переехал в него со своей прислугой, сделав лишь незначительные изменения.

Из круглого вестибюля можно было пройти в три различных покоя, так как в глубине его находились три высоких резных двери. На них не было ни замков, ни запоров, но, подойдя ближе, можно было заметить, что они крепко и надежно заперты.

Левая дверь вела на лестницу, украшенную редкими экзотическими цветами и растениями, по ней можно было подняться в рабочий кабинет Эбергарда. Она отличалась чужестранным убранством. Казалось, граф целиком привез его с собой из Бразилии, чтобы постоянно иметь перед глазами воспоминание о стране, где он, благодаря собственной предприимчивости и уму, сделался Крезом.

Искусного плетения циновки украшали стены, поверх них были развешаны украшенные драгоценными камнями ружья и пистолеты. Овальные столы окружали резные ореховые стулья с плетеными сиденьями. Почти всю стену занимал секретер из душистого розового дерева с множеством потайных ящичков и шкафчиков. А по сторонам его высились пальмы и разлапистые алоэ. В глубине комнаты из фонтана в виде львиной пасти в большой мраморный бассейн струилась вода. Бассейн обрамляли вьющиеся лианы, среди них стояли две золотые клетки – одна с яркими попугаями, вторая – с ручными обезьянами.

Средняя дверь вестибюля вела в большую, роскошно убранную залу, которую мы посетим в одной из следующих глав, теперь же последуем за Эбергардом по мозаичному полу вестибюля в правую дверь. Она также бесшумно отворилась перед ним, за нею была мраморная лестница с тропическими растениями и душистыми цветами по сторонам, она походила на

садовую террасу в лунном свете. Шитый золотом ковер заглушал шум шагов. Наверху в ожидании своего повелителя замер Сандок. Он поклонился и раздвинул портьеру, за которой находилась роскошная зала.

Сам король, которого граф Монте-Веро в день его торжественного въезда в столицу привел в изумление своим драгоценным подарком, не мог бы похвастать такими апартаментами.

Один громадный ковер с так натурально вытканными цветами, что они казались рассыпанными по полу, покрывал всю залу. Люстра из матового золота и такие же канделябры на стенах распространяли яркий и вместе с тем приятный для глаз свет.

Темно-синюю бархатную обивку стен оттенял вишневый шелк на диванах и креслах.

Перед диванами стояли мраморные столы и столики на золоченых ножках. В глубине залы находился камин из резного камня. Стоявшие на нем часы являли собой замечательное произведение искусства и к тому же показывали не только часы и дни, но даже месяц и год. По обеим сторонам камина на высоких постаментах замерли Амур и Психея.

На стене слева висел большой портрет старика с благородными чертами лица. Эбергард часто сидел напротив этого полотна на мягкой оттоманке, над которой золотой орел держал в клюве золотую нить. Стоило только дотронуться до нее, как откуда-то начинала звучать прекрасная музыка.

Немногие выпадавшие на его долю часы досуга и покоя граф любил проводить в этой прохладной комнате, перед портретом почтенного старца, которому длинная белая борода и широкий коричневый плащ придавали сходство с апостолом.

Лицо Эбергарда неизменно теплело, когда он смотрел на старца. Он часто мысленно беседовал с ним.

«Твой кроткий, светлый взор, отец Иоганн, всегда благотворно действует на мою душу. Ты служишь мне примером, ты – мой поводырь в жизни. К твоим словам и рассказам я жадно прислушивался мальчишкой, твоим советам следовал, когда был юношей; сделаться подобным тебе, достичь твоего человеколюбия, твоей душевной чистоты и твоего благородства – вот цель моей жизни.

Час твоей кончины был самым печальным для меня. Да, отец, он был тяжелее того, когда я увидел себя обманутым в самых святых чувствах той, которая должна была разделить мою любовь к тебе. Ты, отец мой, учитель мой, друг мой, подозвал меня к себе и, благословляя, положил свои дрожащие руки на мою голову. То, что ты должен был сообщить мне, мучило тебя, и ты прошептал слабым голосом: «Я не твой отец!»

– Как?! – вскричал я в отчаянии. – Неужели ты хочешь отнять у меня то единственное, чем я так горжусь! Ты любил меня, ты внушал мне любовь – о отец Иоганн, если и в самом деле не ты произвел меня на свет, все равно ты навеки останешься моим отцом.

Твои губы зашевелились, но беззвучно, ты откинулся назад, и тайна моей жизни умерла вместе с тобой, но на твоём благочестивом лице сияла улыбка, словно ты хотел сказать мне: «Я любил тебя, как отец любит своего родного сына».

Я преклонил колена у твоей постели, прижался лицом к твоей холодной руке и так пролежал всю ночь.

Благословение твое охраняло меня, но твои последние слова глубоко запали в мое сердце. Я пытался найти разъяснение тайне, но не нашел его. Напрасно разбирал я бумаги, что лежали на твоём письменном столе; относительно всего нашел я твою волю и твои сообщения, но мое происхождение навсегда осталось для меня тайной.

Тогда внутренний голос мне сказал: «Не ищи более, останься ему верен и люби его как родного отца!»

Когда я покидал твой дом, на пороге светской жизни, ты, давая мне серьезные наставления, надел на меня амулет, который и сегодня у меня на груди. *„Вера, свет и презрение к смерти“*, – проговорил ты при этом, – вот твой девиз”.

Знаки эти повсюду сопровождают меня – посмотри, отец Иоганн, они стали для меня жизненным правилом».

Эбергард дернул за шнурок – и над мраморным камином разошлась стена. В нише сверкало солнце – кристаллы так преломляли свет, что оно казалось настоящим. По сторонам ярко горели освещенные им крест и череп:

В эту минуту портьера раздвинулась, и в залу вошли двое. Увидев блестящие символы, они остановились.

Один из вошедших был высок ростом и крепко сложен. Рассудительное и серьезное выражение лица, большие, много потрудившиеся руки да и вся его фигура делали его похожим на Эбергарда. Другой, напротив, был мал ростом и худощав. Его безбородое лицо избороздили морщины. Казалось, он лет на десять старше хозяина дома, в то время как высокий выглядел на столько же моложе.

Оба были друзьями молодости, и теперь, возвратившись на родину, граф снова отыскал их. По странному стечению обстоятельств, одному из них, Ульриху, достался в наследство амулет с теми же тремя символами, что и у Эбергарда. С этими людьми граф мог делиться горем и радостью.

– Приветствую вас, друзья, – проговорил Эбергард, обращаясь к вошедшим. – Проходите и присаживайтесь.

Друзья тепло поздоровались.

– Нам нельзя засиживаться, – сказал маленький.

– Куда же вы торопитесь, доктор Вильгельми? Вероятно, опять что-то стряслось? По вашему лицу, дорогой Ульрих, я вижу, что вы встревожены, поделитесь, чем же. Ведь мы всегда действуем заодно.

– Постараюсь изложить все в нескольких словах, – проговорил доктор, садясь в ближайшее кресло. – Через полчаса в «Колизее» начнется народное собрание, и мы пришли, чтобы вместе с вами отправиться туда, господин Эбергард.

– Дело серьезное, – прибавил Ульрих, – барон Шлеве...

– Камергер принца Вольдемара? – уточнил Эбергард.

– Барон Шлеве возмутил народ, мы услышим обвинения, выдвинутые против него. Скажу только, что он ухаживал за красавицей дочерью машиниста Лёссинга, весьма прилежного и честного человека. Юная девушка и ее отец, несмотря на его неоднократные угрозы, постоянно отказывали ему. Это раздосадовало знатного господина, который полагал, что они должны почитать за честь для себя его гнусные предложения, и он решил заставить отца воздействовать на дочь, а в противном случае разорить его. Он купил дом, где у машиниста была своя мастерская, и велел ему очистить помещение. И вот теперь самым бесчестным образом начал преследовать бедного рабочего. Барон отбивает у него заказы, отнимает кредит, и теперь этот несчастный человек едва может прокормить свое семейство и платить жалованье своим рабочим, – с глубоким возмущением закончил Ульрих.

– Потому что дочь отказала барону? Какая низость! – в свою очередь возмутился Эбергард.

– И это не первый случай, – прибавил маленький доктор. – Я знаю и другой, еще безобразней. Но поспешим, сегодня в народном собрании выступает некто Миллер-Мильгаузен...

– Миллер-Мильгаузен...

– «Друг народа», как он называет себя, человек, который, как мы увидим, делает все, чтобы народ стал, счастливым, – не без иронии пояснил доктор Вильгельми. – Вскоре он намерен отправиться по провинциальным городам, дабы и там распространять свои *улучшающие мир* теории.

– Вы, кажется, не очень верите в них? – спросил Эбергард.

– Так же, как и я, – серьезно подхватил Ульрих. – Но только толпа не разуверилась. Не будем мешкать, пойдемте, послушаем его! Еще несколько таких «друзей народа» – и от нищих не будет отбоя.

Друзья вышли из дома, графа трудно было узнать в простом костюме. Доктор Вильгельми служил им проводником. Как мы увидим далее, он был весьма разносторонней личностью. Трудился для блага, человека не только как врач, но и как исследователь природы и ее тайн и, несмотря на свои многочисленные занятия, находил время и для общественной жизни.

Ульрих же был человеком из народа, который, благодаря своему трудолюбию и прилежанию, сделался самым богатым золотых дел мастером столицы и продолжал работать с тем же усердием, как и прежде. Он, который постоянно вращался среди народа, а потому знал все его чаяния и беды, возраставшие с каждым годом, был дальновидным и опытным человеком.

Эбергард любил его. Когда они впервые встретились, Эбергард сильно привязался к сыну ремесленника, а внешнее сходство еще усиливало эту дружбу. В бытность Эбергарда в Бразилии они даже переписывались.

– Вот мы и пришли, – сказал, наконец, доктор Вильгельми, когда они после долгих блужданий вышли на широкую улицу.

Громко переговариваясь, спешили еще грязные после работы мастеровые в синих блузах и замасленных фуражках к старому дому, перед которым горели два больших фонаря. Над открытой дверью виднелась надпись, сделанная большими черными буквами;– «Колизей». К этой-то двери и тянулся в большом волнении народ. Иногда слышалась оживленная беседа, а порой раздавались и угрозы.

За дверью находилась высокая и обширная зала, способная вместить тысячи три человек. По сторонам ее тянулись галереи, которые вскоре тоже наполнились народом.

Эбергард и Ульрих следом за доктором попробовали отыскать себе внизу места поудобнее. Разумеется, здесь надо было стоять – не было ни стульев, ни скамеек, которые только стеснили бы пространство.

Слышался возбужденный гул голосов. В глубине залы виднелось возвышение – что-то вроде кафедры для оратора. Справа от нее за столом сидели двое. Перед ними лежали листы бумаги.

– Вот он, «друг народа»! – шепнул доктор Вильгельми графу, который вместе с Ульрихом протиснулся поближе к кафедре.

– Этот невысокий лысый толстяк с белокурой бородкой?

Да, господин Миллер-Мильгаузен, он и выступит с речью.

Эбергард посмотрел внимательно на человека, который вызвался защищать интересы народа, вернее, рабочего класса. Граф отлично сознавал всю тяжесть возложенной на себя Миллер-Мильгаузенем ноши – ведь для этого нужны недюжинная сила, умение и энергия. Но отвечает ли всему этому самозванный защитник народа?

И чем дольше граф всматривался в умное и хитроватое лицо демагога, тем более он сомневался в его способностях.

Зазвонил колокольчик; возле колонн, поддерживавших галереи, появилось несколько полицейских; голоса смолкли, и оратор взошел на кафедру.

Раздались нестройные рукоплескания, «друг народа» поблагодарил за приветствия и первым делом стал говорить о собственном бескорыстии, потом перешел на произвол аристократов и высокопоставленных чиновников, и, сопровождаемый одобрительными выкриками мастеровых, приступил к обсуждению дела машиниста Лессинга. Из слов Мильгаузена следовало, что интриги одного из сильных мира сего сделали Лессинга нищим, так что уже две недели он не может платить жалованье своим работникам, вследствие чего их семейства не имеют в доме даже куска хлеба.

Этот пример был общеизвестным фактом, и он еще больше разжег толпу, тем более что оратор после каждой фразы восклицал:

– Положив руку на сердце, скажите, братья, прав ли я?

– Да! Да! – раздавались голоса. – Вот это настоящий защитник!

Эбергард спокойно следил за каждым словом оратора; но лицо его становилось все мрачнее по мере того, как «друг народа», вместо того чтобы наставлять толпу на путь истинный, развивать и образовывать ее, воспользовался случаем с камергером, чтобы показать себя и взбудоражить собравшуюся публику.

Когда, наконец, оратор заключил свою речь словами: «Теснее ряды вокруг вашего вернейшего друга, который говорит сейчас с вами», и они сопровождались криками одобрения, Эбергард подошел к столу и попросил слова.

Непросто было взойти на кафедру, с которой «друг народа» только что сошел с торжеством победителя. Все взоры были обращены на незнакомца, одетого в костюм рабочего.

– Я должен вам объяснить, – проговорил Эбергард своим низким, звучным голосом, когда в зале наступила тишина, – что не люди слова, а люди дела – ваши настоящие друзья. Не верьте всякому, кто льстит вам и хочет быть вашим вождем. Нетрудно отрывать вас от работы и сзывать сюда для того, чтобы наговорить вам красивых слов; истинный друг может указать вам только три составляющих на пути к благоденствию – это образование, умение владеть собой и благосостояние.

Послышались недовольные крики, «друг народа» скептически улыбался, но Эбергард спокойно продолжал:

– Тот из вас, кто имеет справедливую жалобу, пусть обратится к мастеру Ульриху, которого вы все знаете и уважаете; что последует за этим, я объяснять вам здесь не стану, достаточно сказать, что ему окажут помощь.

– Кто это? Тоже пустые слова! – слышались отдельные голоса.

– Завтра вы перемените свое мнение, – сказал все так же уверенно Эбергард. – Ступайте по домам и принимайтесь за работу. Помните, что только труд ваших рук приносит неоценимую пользу людям. Не возмущайтесь, что торжествуют богатые и знатные, не придавайте этому слишком большого значения, работа делает человека довольным самим собой и достойным даров, которыми его наделил Бог.

– Слушайте!.. Слушайте! – зашумели в толпе. – Кто же это?

– Машинист, – сказал кто-то.

– Нет, резчик-гравер, – поправили его. Крики негодования стали мало-помалу стихать.

– Те, кто работает в мастерской Лессинга, – продолжал Эбергард, – сегодня вечером получают хлеб для своих детей и жалованье от своего хозяина. Можете проверить, правду ли я говорю.

Под возгласы «Посмотрим!», «Что еще за чудеса!» Эбергард сошел с кафедры и мгновенно вместе с друзьями исчез в толпе. Напрасно искали его, напрасно пытались разгадать, кто он.

Первый оратор снова вышел на кафедру, стараясь очернить своего оппонента. Сначала многие соглашались с ним, но час спустя, когда из мастерской Лессинга пришел работник и принес весть о том, что все мастеровые получили жалованье и что работа будет продолжаться, настроение собравшихся изменилось.

Народ стал расходиться, только и слышались толки о незнакомце. И чтобы разузнать что-либо о нем, многие решили отправиться ко всеми уважаемому мастеру Ульриху.

В тот же вечер Эбергард сам отправился к машинисту Лессингу, дом которого так внезапно посетили нищета и отчаяние. Человек этот скорее обрек бы себя и свое семейство на голодную смерть, чем отдал бы на поругание свою дочь. И даже теперь, когда его маленькие дети просили хлеба, честный ремесленник не отступил бы.

Когда в дверь тихо постучали, Лессинг готов был увидеть посланного камергера Шлеве, но на пороге стоял какой-то незнакомый господин.

Несмотря на поздний час, Эбергард попросил ремесленника показать его мастерскую, чтобы осмотреть земледельческие орудия, которые Лессинг не мог закончить из-за недостатка денег. Графу очень понравилось снаряжение для плугов и молотильных машин, и так как ему нужны были такие орудия, он назвал себя и сделал несколько заказов на пробу, обещав зайти через несколько дней, чтобы отправить первые изделия в свои отдаленные имения и затем заказать следующие. Граф тотчас отдал часть денег за заказы, хотя Лессинг пытался отказываться от них.

V. Придворная охота

Прекрасный охотничий замок Шарлоттенбрун, стоявший на опушке леса, находился в двух милях от столицы. Король со свитой и гостями обыкновенно отправлялся туда по железной дороге, которую соорудили только год назад.

Разослали многочисленные приглашения на предстоящую охоту, и гости должны были собраться в назначенный час на вокзале, чтобы отправиться в королевском поезде, между тем как шталмейстеры и егеря с лошадьми и собаками были посланы в замок еще накануне.

Король не особенно любил охоту, однако, подобно своему покойному отцу, считал своей обязанностью не нарушать традиций и раз в году, осенью, навещал Шарлоттенбрун, получивший свое название в честь покойной королевы.

Короля сопровождали королева, принц Август, принцесса Шарлотта с матерью, строго следовавшей всем тонкостям этикета, и принц Вольдемар со своим камергером. В качестве приглашенных на вокзал явились лорд Уд принц Этьен, кавалер де Вилларанка и граф Монте-Веро.

Эбергард отослал накануне Сандока со своими превосходными вороными лошадьми в Шарлоттенбрун и теперь был в коротком шитом золотом темно-зеленом сюртуке, высоких, доходивших до колен, сапогах с золотыми шпорами и в черной охотничьей шляпе с сизым пером. Его роскошные ружья были тоже взяты Сандоком.

Эбергард поклонился принцу Вольдемару, его бледному, вечно улыбавшемуся камергеру и принцессе Шарлотте, которая, сидя в вагоне королевы, разглядывала из окна собиравшихся, и затем обратился к кавалеру де Вилларанка, облаченному в фантастически неудобный охотничий костюм – его шитый золотом темно-зеленый бархатный полуплащ казался слишком тяжелым.

Паровоз нетерпеливо пыхтел, как бы сообщая этим, что он уже давно готов к отправлению. Поездная прислуга только ожидала знака к отъезду. И вот к вокзалу быстро подкатила карета, егерь, соскочив с козел, отворил дверцы, и на платформу, милостиво отвечая на поклоны присутствующих, спустился король со своей августейшей супругой.

Принцесса Шарлотта вышла из вагона приложиться к руке королевы, между тем как король остановился возле принца Вольдемара и барона Шлеве. Затем, удостоив несколькими словами обер-егермейстера, он направился к своему вагону. Поблизости от него стояли граф Монте-Веро и кавалер де Вилларанка.

– А! Граф Монте-Веро! – приветливо улыбнулся король, пристально глядя на Эбергарда. – Мы просим сопровождать нас. Какой изящный охотничий костюм! В самом деле, граф, вы отличаетесь отменным вкусом!

Эбергард низко поклонился, сняв шляпу и продемонстрировав тем самым свои прекрасные густые волосы и высокий лоб, придававший его благородному, мужественному лицу прямодушное выражение.

– Прошу сопровождать нас, – повторил король, одетый в простой генеральский мундир.

Эбергард последовал за королем в вагон, украшенный королевским гербом. Следом за ними вошли несколько адъютантов и подали знак к отправлению. Пройдя отдельное купе, они оставили графа наедине с королем.

В королевском вагоне мягкие удобные кресла располагали к отдыху, а мраморные столики и большие в позолоченных рамах зеркала в простенках между окнами с темно-зелеными шелковыми занавесями создавали особый уют.

Король снял фуражку и подошел к окну.

– Присядем, граф. Мы с вами имеем почти полчаса для беседы. Должен сознаться, – продолжал король, садясь и указывая графу на кресло, – что мне было бы интересно узнать,

не ошибся ли я тогда на балу, который вы сделали для меня незабываемым, увидев рядом с вашими орденами амулет...

Эбергард встретился взглядом с королем.

– Замечательный амулет, на нем, кажется были три знака; я решился спросить вас о нем, так как видел подобное украшение у другого человека.

– Ваше величество удостоило меня внимательного взгляда, – отвечал Эбергард. – Я действительно ношу такой амулет.

– Что же это за символы?

– Крест, солнце и череп, ваше сиятельство.

– Странно, те же самые знаки! Вам известно, от кого вы получили этот амулет?

– Амулет этот – подарок моего отца, ваше величество, но о его происхождении я ничего не знаю. Я могу сообщить вам только то, что видел точно такой же.

– У кого же?

– У золотых дел мастера по имени Ульрих.

– Может быть, в его семействе изготовляли эти таинственные украшения? А может, они служат для какой-нибудь тайной связи?

– Говорят, что в прежние времена это было именно так.

– Мне говорили, граф, что вы поддерживаете отношения с некоторыми старыми друзьями?

Эбергард с удивлением, но прямодушно посмотрел на короля.

– Толки эти, полагаю, явились следствием одного из недавних народных собраний. Действительно, ваше величество, я имею несколько друзей, которые, подобно мне, стремятся к одной цели.

– Вольнодумцы? Не так ли? – быстро спросил король.

– Мне кажется, ваше величество, что этому слову придается более неблагоприятная трактовка, чем оно того заслуживает.

– Так объясните же, как вы его понимаете.

– Если вольнодумством называют стремление распространить образование, помогать нуждающимся и служить человечеству, ваше величество, тогда...

– Что тогда, граф?

– Тогда я действительно такой, каким меня считают, хотя нахожусь в столице всего несколько недель.

– Видите, у меня верные слуги, однако, надеюсь, народ правильно понимает ваше стремление?

– Опасности, ваше величество, грозят каждому предприятию, но человек должен их преодолевать, если убежден в его необходимости.

– Где же вы нашли необходимость такого предприятия?

– По ту сторону океана и здесь, ваше величество, число выходцев увеличивается, нужда растет.

– Странно, граф, вы слишком строго и мрачно смотрите на вещи; бедность существовала всегда.

– А разве это причина, по которой ее не следует искоренять? – быстро проговорил Эбергард.

Лицо короля омрачилось, он бросил странный взгляд на графа и встал, Эбергард сделал то же самое.

– Если бы я не знал, что вы опытный человек, граф, – сказал король, – скажу откровенно, я бы счел вас мечтателем.

– Юным мечтателем, хотите вы сказать, ваше величество, который гонится за мнимыми идеалами!

– Молодость всегда склонна к фантастическому вольнодумству, но вы, граф...

Эбергард едва заметно улыбнулся, король, казалось, с нетерпением ожидал ответа.

– Ваше величество, опыт в жизни приобретается только путем неустанной работы мысли, борьбы и страданий, и вот вывод из всего этого и побуждает человека занять известную позицию. Назовите это, ваше величество, вечной молодостью, согласен, но следование этой позиции всегда достойно. Ничто в мире никогда не остановит меня помогать бедным и, насколько в моих незначительных силах, бороться за правду! – отвечал Эбергард с одушевлением, между тем как поезд остановился.

Король с минуту молча и пристально смотрел на полное воодушевления лицо графа. Слова его тронули и вместе с тем озаботили короля. Он подошел к графу, в этот момент адъютанты отворили двери вагона.

– Мне бы хотелось называть вас своим другом, граф, – быстро проговорил король, подавая Эбергарду руку и пристально глядя ему в глаза. – Принимаете вы эту дружбу?

– О, это большая честь для меня, ваше величество! – взволнованно ответил граф Монте-Веро, низко поклонившись королю.

Придворные, оказавшиеся свидетелями этой сцены, не могли не отдать должного такому отличию.

– Мы понимаем теперь, почему вы столь дороги тому отдаленному двору, который так неохотно расстался с вами, граф.

После этих слов король вышел из вагона на перрон, возле которого остановился поезд, и Эбергард последовал за ним.

Все с любопытством смотрели на графа, а французский посол принц Этьен счел нужным присоединиться к новому королевскому любимцу, справедливо полагая, что его влияние при дворе растет с каждым днем.

Между тем как Эбергард, беседуя с принцем, шел по террасе, по сторонам которой росли апельсиновые деревья, король беседовал с обер-егермейстером фон Тримпшейном, а дамы королевского дома со своей свитой направлялись по другой дороге к охотничьему замку.

Дороги разделяла широкая цветочная клумба и высокие апельсиновые деревья, однако Эбергард заметил, что принцесса Шарлотта, которой очень шла длинная светло-зеленая амазонка, часто поглядывает в его сторону.

Замок Шарлоттенбрун стоял на горе; позади него тянулся лес, а впереди с террасы открывался прекрасный вид на луга и поля, которые, несмотря на осеннее время, еще хранили прелесть лета. Сам замок был невелик и не отличался наружным блеском.

Королевская чета вместе с гостями подошла к широкой лужайке перед замком; по обеим сторонам ее стояли лакеи и прислуга, от обер-егеря до учеников садовника одетые в праздничные платья.

Жокеи и конюхи с лошадьми и всем, что необходимо для охоты, стояли по другую сторону замка, у опушки леса, откуда должна была начаться охота. Но прежде был назначен завтрак, который, по распоряжению фон Тримпшейна, был подан в большой зале замка.

Обер-егермейстер был мастер устраивать завтраки и обеды для знатных гостей и с изумительным искусством собственноручно готовил самые изысканные блюда и напитки. Стол был сервирован с особым изяществом. Икра, свежие устрицы, несколько видов жаркого, пикантные паштеты теснились в изобилии. Граф Монте-Веро, по желанию короля, сидел подле него, напротив принцессы Шарлотты.

Бокалы ежеминутно наполнялись вином, лакеи быстро сновали взад и вперед, но вот подали шампанское, и веселье достигло высшей точки.

Завтрак затянулся дольше, чем ожидали; король встал из-за стола только по прошествии нескольких часов, и когда все вышли из замка на лужайку, чтобы сесть на лошадей, солнце уже клонилось к закату. Воздух был свеж, и приятная прохлада, наполненная благоуханием осени,

поднимала охотничий задор гостей, которые с помощью шталмейстеров садились на лошадей. Издали уже слышались веселые звуки труб, и егери со сворами собак стояли наготове.

Король ехал в открытой коляске, сопровождаемый егермейстерами, гости следовали за ним на лошадях. Принцесса Шарлотта грациозно и крепко держалась в седле, сжимая поводья своей прекрасной серой лошади. Зеленая амазонка обрисовывала ее стройный, гибкий стан, а прекрасные темные волосы прикрывала маленькая шляпка с белым пером. В руке она держала изящный хлыст.

Принц Этьен на дорогом буланом коне гарцевал подле нее, переговариваясь с ней по-французски. Вороной конь Эбергарда, слушаясь хозяина, следовал на некотором расстоянии за придворными.

В стороне принц Вольдемар пытался укротить свою беспокойную лошадь, отказавшись от помощи шталмейстера. Его, видимо, забавляло молодое горячее животное, беспрестанно подымавшееся на дыбы.

– Это вы виноваты, барон! – крикнул он камергеру Шлеве, который быстро подскочил к принцу.

– Прошу извинения, ваше королевское высочество!

– Ничего, вы доставляете мне этим удовольствие! Все ваши выдумки имеют какую-то особую прелесть, я люблю такие шутки!

– Вы весьма милостивы, ваше королевское высочество, к своему преданнейшему слуге! – отвечал барон, и хитрое выражение его лица уступило место выражению крайней преданности.

– Скажите, барон, что за человек этот новоявленный граф? – спросил принц полусшепотом, наклоняясь к своему поверенному. – Я его совершенно не понимаю. Мне показалось даже, что мой августейший дядя при выходе из вагона протянул ему руку и тот ее дружески пожал.

– Я тоже заметил, ваше высочество, и тем более изумился, что этот странный незнакомец слывет возмутителем народа. Этому графу угодно не замечать меня, но зато я с полным бескорыстием посвящаю ему все свое время! – отвечал камергер с улыбкой, которая придавала его желтому морщинистому лицу неприятное выражение.

– Оригинально, как и всегда! – проговорил принц, смеясь.

– Господин граф заслуживает особого внимания, как ни странно, случай мне, кажется, благоприятствует. Я надеюсь еще сегодня собрать некоторые сведения о нем.

– Сегодня, каким образом? – спросил принц.

– Дело в маленьком rendez-vous¹, которое я, рассчитывая на позволение вашего королевского высочества, назначил в павильоне, что находится вот там, на опушке леса.

– Снова интересное приключение? В самом деле, барон, вы неистощимый мастер на выдумки; без сомнения, вы ожидаете даму.

– Конечно, ваше королевское высочество, но только в надежде получить от нее сведения, которые могут заинтересовать и вас.

– Мне бы очень хотелось застигнуть вас в павильоне, чтобы посмотреть, кто та дама и не нарушите ли вы программу своего rendez-vous. – Принц многозначительно посмотрел на камергера. – Но вы знаете, что я подвергнусь немилости, если до окончания охоты оставлю своего августейшего дядю.

– Одного взгляда было бы достаточно, ваше высочество, чтобы убедиться, что лишь любознательность составляет цель этого свидания, так как дама, которая будет ожидать меня в павильоне...

Камергер шепнул принцу на ухо какое-то имя, и затем оба быстро поскакали к коляске короля.

---

¹ Свидание (фр.).

Уже вечерело. Золотистые лучи заходящего солнца еще освещали верхушки деревьев и играли на листьях. Кругом было тихо. Летний вечер мало-помалу спускался на землю. Принцесса Шарлотта с наслаждением глядела на окружающую природу.

– Посмотрите, какой очаровательный красный цвет, господин граф, – обратилась она к Эбергарду, после того как король подозвал к себе принца Этьена, может быть, даже с тем, чтобы оставить свою племянницу в обществе графа Монте-Веро. – Какая цветовая гамма! Должна сознаться, только сейчас вижу всю бедность нашей раззолоченной столичной роскоши. Как ласкает взор темная зелень ветвей, облитых красноватыми лучами заходящего солнца!

– Красота и тайны природы всегда составляли мою единственную радость, – отвечал Эбергард. – Я рос, окруженный ею, я любил ее, как дитя любит свою мать.

– Полагаю, со мной было бы то же самое, если бы я чаще видела ее.

– Исполнить это желание не так трудно, ваше высочество. Но мне кажется, что после удовольствий богатой придворной жизни вас не удовлетворит скромная и тихая природа.

– Напротив, граф, такая перемена была бы мне очень по сердцу. Мы одни. Сознаюсь, мне крайне надоели весь этот этикет и потоки зауценных приторных фраз.

– Мне кажется, я понимаю вас, принцесса, – сердечно ответил Эбергард.

– Так сбросим же с себя личину светскости, которую оба так ненавидим, пока находимся вне общества поклонников этого идола. Я счастлива, что нашла в вас человека, который с первой же встречи произвел на меня впечатление своей благородной правдивостью.

– Как приятно и утешительно мне это слышать, принцесса!

– Поверьте, это от души! Отстанем немного от кавалькады, или, может быть, вы страстный охотник и я злоупотребляю вашим вниманием, удерживая вас!

– Даже охота на диких зверей дальнего юга не может заменить для меня этот час, принцесса. Или, может быть, вы думаете, что я разделяю все те благородные страсти, которые составляют идеал большей части придворных? Нет-нет, доставьте мне удовольствие остаться подле вас.

Эбергарду было действительно приятно в обществе очаровательной Шарлотты; ему нравились ее чистосердечие, ее грация и доверие, которое она питала к нему.

Он, который имел случай изучить до тонкости женское сердце, ценил в молодой принцессе ее врожденную непринужденность, откровенность и с удовольствием беседовал с нею.

Увлеченные разговором, граф и принцесса выпустили из рук поводья, предоставив своим лошадям самим следовать за кавалькадой. И они не заметили, как на перекрестке лошади их свернули вправо на дорогу, которая вела к темному лесу. Сначала вдали слышались шум голосов и лай собак, но вскоре замер последний звук, выдававший присутствие королевской свиты, и прекрасная пара осталась наедине, окруженная полумраком и тишиною леса. Вдруг послышались выстрелы; граф и принцесса остановили лошадей и тут заметили, что находятся возле глубокого оврага.

Почти в ту минуту, когда замолкли выстрелы, ветви кустов, подле которых остановилась принцесса, неожиданно раздвинулись и на лошадь девушки с яростью метнулся олень, вероятно, раненный или испуганный выстрелом.

Лошадь принцессы, увидев взбешенное животное, взметнулась на дыбы, чтобы одним скачком увернуться от удара оленя; но она находилась только в нескольких шагах от пропасти, и, сделай лошадь скачок назад, глубокая пропасть стала бы могилой и ее и молодой всадницы.

Принцесса вскрикнула в смертельном страхе.

Олень на мгновение замер, но затем, опустив рога, снова бросился на лошадь, чтобы по крайней мере недешево продать свою жизнь.

Эбергард молнией соскочил с коня, выхватив на ходу охотничий нож, и вцепился левой рукой в поводья испуганной лошади.

Шарлотта, лишившись чувств, упала на мох, а Эбергард, зажав в руке нож, ожидал нападения неожиданного врага. Яростное животное ринулось на обнаженное оружие; одним ударом граф сразил оленя, который, захрипев, свалился на землю.

Теперь Эбергард мог позаботиться о своей прекрасной спутнице; бледная, как мрамор, она лежала на мху подле пропасти. Здесь было темно от высоких деревьев, вокруг никого не было, и только теперь Эбергард понял, что совершенно отделился от прочих охотников.

Привязав лошадей к одному из ближайших деревьев, он подошел к безжизненной принцессе, но все старания привести ее в чувство оказались напрасны.

Эбергард не знал, что и делать; но тут, придя почти в отчаяние, он заметил шагах в ста от себя крышу дома, проблескивавшую в последних лучах вечерней зари. Вероятнее всего, это был лесной павильон, какие часто встречались в королевских угодьях. Если даже там и не было лакеев или горничных, домик этот мог послужить убежищем для безжизненной принцессы.

Не теряя ни секунды, граф осторожно поднял Шарлотту на руки и быстро понес в домик. Он не ошибся: это был действительно один из тех лесных павильонов с несколькими комнатами и входами, которые часто во время охоты или прогулок двора служили местом отдыха. Эбергард со своей прекрасной ношей подошел к ближайшей застекленной двери и, отворив ее, внес девушку в большую комнату, где стояли легкие стулья и оттоманка. Осторожно опустил он бесчувственную принцессу на подушки. Веки ее были закрыты, темные волосы рассыпались по плечам. Она едва дышала, обморок был продолжительным и глубоким.

Граф стал искать холодную воду, чтобы смочить лоб принцессы, но ничего не нашел в этом необитаемом павильоне. В отчаянии он вдруг вспомнил, что по дороге сюда видел ручей, и, оставив принцессу, поспешил за водой, к счастью, при нем была хрустальная кружка.

Выйдя из павильона, он заметил барьер, но оставил его без внимания, да и в эту минуту ему было бы все равно, кому бы ни принадлежал этот павильон, пусть даже принцу Вольдемару.

Вечер превратился в ночь, когда граф достиг ручья; а когда он, наконец, возвратился с водой, луна уже бросила свои первые серебристые лучи на живописный лес. С часто бьющимся сердцем подошел он к павильону и тихо отворил дверь.

Он вздохнул с облегчением, когда увидел, что принцесса приподнялась на оттоманке. Она казалась еще очень слабой.

– Что со мной, где я? – прошептала она. – Не сон ли это? Я сейчас слышала голоса...

– Милая принцесса! – проговорил Эбергард, тихо подходя к ней.

Шарлотта подняла на него свои прекрасные глаза, и счастье озарило ее лицо, на которое через высокое открытое окно смотрела луна.

– Вы здесь? – проговорила она, слегка краснея. – Где моя мать? Где мои придворные дамы, где гости?

Эбергард почтительно рассказал ей о случившемся и подал холодную воду, чтобы она могла освежиться.

– Я благодарна вам за участие, господин граф! Право, я не заслужила такой заботы!

– Я лишь исполнил свой долг, принцесса! – отступив назад, поклонился Эбергард. В эту странную минуту он не мог произнести ничего, кроме этих обыденных холодных слов.

– Надеюсь, я теперь в состоянии вернуться в замок Шарлоттенбрун. Слышите? Мне кажется, доносятся звуки труб, давайте поспешим к лошадям.

– Прошу вас смелее опереться на мою руку, – сказал Эбергард своей прекрасной спутнице, для которой эти слова, вероятно, имели особое значение, так как ее милое лицо оживилось румянцем и дрогнула рука.

– Это сейчас пройдет, – проговорила она шепотом. – Небольшая слабость, ее снимет свежий ночной воздух.

Эбергард отворил двери и повел принцессу через лужайку к освещенной луной дороге, где в некотором отдалении стояли их лошади.

На другой стороне, у опушки, был маленький пригорок. И вдруг граф Монте-Веро остановился, не веря собственным глазам, будто перед ним предстало страшное привидение.

Принцесса взглянула в ту же сторону и оцепенела.

На опушке леса, освещенная луной, словно языческая богиня, стояла Леона. Гордо выпрямившись, с ледяной улыбкой на прекрасных губах, мрачно смотрела она на принцессу и Эбергарда.

Чуть в стороне, в тени деревьев, прятался камергер Шлеве.

Принцесса Шарлотта в испуге крепче прижалась к своему сильному спутнику, взгляд которого все еще был прикован к Леоне, будто он хотел убедиться, что воображение не обманывает его.

– Пойдемте, пойдемте отсюда, граф! – умоляла принцесса. – Я боюсь этих людей!

– Успокойтесь, ваше высочество, – отвечал граф Монте-Веро. – Я с вами!

– Что это за ужасная женщина? – спросила Шарлотта.

– Это мисс Брэндон, царица львов, – ответил Эбергард и направился с принцессой к лесной дороге.

Позади раздался полуторжествующий-полугрозный смех, который так страшно прозвучал в тишине ночи, что дрожь пробежала по телу принцессы.

Наконец они достигли нетерпеливо ржавших лошадей и через несколько минут нашли на лугу озабоченных придворных. По лесу уже разослали егерей с факелами и трубами на поиски принцессы.

– Мы сами во всем виноваты, – сказал король с милостивой улыбкой, – или, скорее, господин фон Тримпшейн, завтрак которого так затянулся. Но представьте себе, господин граф: тот прекрасный олень, которого нам так расхвалил господин обер-гофмейстер, бесследно куда-то скрылся, и все наши усилия оказались напрасными.

– Он лежит убитый вон там, недалеко от павильона, ваше величество, – отвечал Эбергард, – господа оберегермейстеры найдут его.

– Значит, вы герой дня, – поздравляем вас, граф! Вернемся в замок.

VI. Перед образом Божьей Матери

Спустя полчаса после того, как Эбергард и принцесса Шарлотта отстали от группы придворных, камергер Шлеве, расставшись с принцем Вольдемаром, поспешил к месту свидания. Барон боялся опоздать, так как ему известна была гордость мисс Брэндон. Сколько пришлось потратить усилий, чтобы уговорить ее согласиться на это свидание, и если теперь он опоздает, то гордая красавица не станет ждать и все его надежды рухнут. Барону помогло имя Эбергарда. Только благодаря тому, что в изящной записочке, посланной им Леоне, упоминалось о графе, с которым у нее, видимо, были свои счеты, она согласилась на свидание.

Камергер Шлеве имел какие-то планы относительно прекрасной мисс Брэндон – недаром он беспрестанно обращал внимание принца на таинственную незнакомку, которая своей смелостью приводила в изумление жителей столицы.

Барон стремился взять принца Вольдемара в руки в надежде не только увеличить этим свою власть, но и нажить состояние. Он был весьма опытен и хитроумен в составлении и осуществлении разных планов и здесь также ловко и напористо принялся за дело.

Вскоре он уже был возле павильона, что находился на границе парка, привязал лошадь к дереву и, прихрамывая, побрел к стеклянной двери домика.

Мисс Брэндон еще не было, так что он, пододвинув кресло к окну, стал нетерпеливо поджидать царицу львов.

Павильон состоял из четырех обособленных комнат, в каждую из которых вела самостоятельная дверь; но камергер не сомневался, что мисс Брэндон войдет именно туда, где сидел он, так как эта комната находилась ближе всего к дороге, что вела в парк.

Его болезненно-желтое лицо, расплата за развратное прошлое, почти всегда, когда он оставался наедине с собой, имело хитрое выражение. Однако, как только он оказывался в обществе того, в ком нуждался или кого хотел прибрать к рукам, оно становилось ласковым и заискивающе-покорным. Даже в его голосе появлялись добродушие и благосклонность, которые могли обмануть всякого, кто его не знал. Таким образом он сумел снискать себе доверие не только принца Вольдемара, что придало ему большое влияние при дворе.

Но вот серые глазки его заблестели – он увидел Леону, которая соскочила с лошади и, передав поводья своему провожатому, в котором камергер узнал ее страстного обожателя Гэрри, слепое орудие воли укротительницы, направилась к павильону.

Барон встал, отодвинул кресло и отворил дверь. Безупречная красота приближавшейся женщины, ее стройный стан вызвали у камергера немой восторг. Черное платье с длинным шлейфом выигрывало обрисовывало прекрасную фигуру и делало ее выше ростом. Лицо ее немного раскраснелось от езды, но сохраняло мраморную холодность. В его чертах читались властолюбие, отвага и железная воля. Ее римский нос с горбинкой, четко очерченный рот, сочные губы, как-то дико и гордо глядящие глаза, на первый взгляд, противоречили ледяному спокойствию этой натуры. Казалось, сердце этой женщины не способно на горячую и искреннюю любовь.

Она холодно поклонилась барону, который ввел ее в комнату и затворил дверь.

– Господин камергер, я намерена, – проговорила Леона, опускаясь в кресло, – побыть здесь весьма недолго. – Небрежно, но рассчитанным движением она отбросила шлейф своего тяжелого черного платья. – Вы пригласили меня сюда – я хотела бы узнать цель этого таинственного свидания.

– Прошу простить меня, милостивая мисс Брэндон, что я избрал этот отдаленный домик местом нашего разговора, но его не должно слышать третье лицо, – стараясь быть предельно любезным, отвечал Шлеве. – Разговор столь важен, что я даже не осмелился доверить его бумаге.

– Вы в самом деле возбуждаете мое любопытство, говорите скорее. В вашем любезном письме было упомянуто имя...

– Имя графа Монте-Веро.

– Так что же?

– Мне кажется, ваши отношения с ним могли бы помочь нам в осуществлении нашей общей цели.

– Отношения? В самом деле, – отвечала Леона, внимательно следя за выражением лица барона и стараясь понять, что ему нужно от Эбергарда.

– В таком случае вы, может быть, изволите сообщить мне некоторые сведения о графе.

– Какого рода, господин камергер?

– Сведения, которые бы немного рассеяли тайну вокруг этого человека.

– Значит, вы... приняли сторону противников графа! – быстро проговорила Леона. Она едва не сказала: «Вы ненавидите графа», и еще более заинтересовалась разговором.

– Понимайте, как хотите, прелестная мисс Брэндон. – Камергер с саркастической улыбкой следил за выражением лица Леоны и понял, что она готова стать его союзницей. – Услуга за услугу, дорогая мисс. Помогите мне прибрать к рукам графа Монте-Веро, и я передам в ваши прекрасные маленькие руки весьма высокопоставленное лицо. Вы любите властвовать, я это знаю. Я доставлю вам, которая сумела сделать рабами своей воли царей пустыни, случай показать свою силу и ловкость и в другом, не менее легком деле; я ни минуты не сомневаюсь, что вы отлично справитесь с ним.

– Называйте вещи своими именами, любезный барон; полагаю, мы пойдем друг друга.

– Принц Вольдемар до безумия влюблен в вас, от вас зависит сделать его чувство еще сильнее. Прежде вы должны мне позволить поднести ему дикий цветок, который он увидел здесь за городом и хочет сорвать, но я обещаю вам, что цветок этот скоро завянет для него! Принц – странная натура! Он с тем большей страстью преклонит колени перед вашим скипетром, чем скорее будет исполнено его желание сорвать тот дикий цветок.

– Перейдем теперь к сути вашего предложения, – сказала Леона.

– Вы имеете в виду графа? О, какое нетерпение! Это похоже на отвергнутую любовь.

Леона наказала дерзкого таким презрительным взглядом, что барон Шлеве, как бы прося прощения, смущенно склонил перед нею голову.

– К чему вы ведете весь этот разговор? Хотите всего лишь сказать, что принц меня любит? Я жду главной причины, побудившей вас пригласить меня сюда. Простите за откровенность, но ради этого сообщения мне не стоило предпринимать столь далекую поездку.

– В таком случае я буду говорить прямо: мы оба ненавидим графа! – Фон Шлеве понял свою собеседницу. – Я тоже люблю откровенность: мы оба ненавидим графа, – повторил он. – И вы должны передать его в мои руки, услуга с моей стороны – принц!

Леона неприязненно улыбнулась. Уже совсем стемнело; мисс Брэндон, величественная, словно королева из древних времен, стояла перед камергером, с нетерпением ожидавшим ответа.

– Значит, предлагаете заключить союз? – проговорила она, наконец, шепотом.

Барон невольно впился в нее взглядом.

– Непременно, милостивая государыня, и я надеюсь, что он пойдет нам обоим на пользу.

– Так сделаем же первый шаг!

– Прежде всего я должен просить вас сообщить мне сведения о графе Монте-Веро, они, вероятно, такого рода, что его падение будет неизбежно.

– Только падение? – спросила Леона, и барон понял смысл ее вопроса.

– Его гибель, мисс Брэндон, если прикажете, – уточнил камергер, рассчитывая, что тем самым скорее склонит Леону на свою сторону.

– Когда, завтра?

– Завтра вечером, а теперь – сведения!

– Они несложны, господин барон. Если граф Монте-Веро останется жив, я не могу принять предложения принца.

– Я понял, сударыня. Значит, завтра вечером графа надо завлечь в западню; он так же силен, как ленок и умен.

– Вы думаете, необходимы особые приготовления, чтобы заставить его прийти? – спросила Леона, но затем быстро прибавила: – Назначьте место, даю вам слово, что граф явится!

– Один?

– Если хотите, один.

– В таком случае потрудитесь устроить, чтобы он завтра вечером явился на перекресток дорог, находящийся близ рощи.

– Отлично! А вы имеете верного слугу?

– Я найду его. Есть человек, который охотно затевает ссоры и при этом обыкновенно прибегает к оружию; он меня не знает, но я знаю его; товарищи называют его Кастеляном.

Глаза Леоны заблестели.

– Место, назначенное вами, достаточно безлюдное и уединенное? – поинтересовалась она.

– Весьма уединенное. Потрудитесь назначить графу явиться в шесть часов вечера, уже будет достаточно темно. Могу ли я быть уверен в вашей услуге?

– Несомненно, барон, и на будущее можете смело располагать мною, – отвечала коварная красавица. – У меня тоже есть человек, который не остановится ни перед какими препятствиями, лишь бы сделать мне приятное.

– Вы имеете в виду преданного вам Гэрри?

– Угадали! Только он слишком вспыльчив и безрассуден, поэтому я только заставляю его, не говоря с какой целью, написать приглашение, которое, я надеюсь, достигнет своей цели.

– Вы волшебница, сударыня, – воскликнул он и, увидев, что Леона собирается к отъезду, добавил: – Через несколько дней я буду иметь честь справиться о вашем здоровье.

Эти слова смутно, как бы во сне, услышала в соседней комнате принцесса, придя в себя после обморока.

Когда Леона и барон Шлеве вышли наружу, на освещенную луной лужайку, последний обратил внимание своей спутницы на то, что слышал звуки, доносившиеся с другой стороны павильона или с опушки леса. Мисс Брэндон, которую Эбергард называл «графиней Понинской», поднялась на взгорок, чтобы оттуда обозреть всю местность; камергер, стараясь, по возможности, скрыть свою хромоту, последовал за ней.

Мы уже знаем, что они вдруг увидели перед собой того самого человека, которого только что поклялись убить, и не одного, а в сопровождении особы, появление которой привело камергера в неопишное изумление.

После того как принцесса и граф Монте-Веро скрылись в лесу, Леона, демонически улыбаясь, подала своему единомышленнику руку в знак нерушимого союза. Содрогание вызвала бы эта ужасная пара, освещаемая бледным светом луны, у каждого, кому довелось бы их сейчас видеть.

Когда на следующее утро Эбергард проснулся в своей спальне в столице, куда королевский поезд прибыл уже далеко за полночь, перед его постелью, которая помещалась в большой прохладной комнате позади известного уже нам кабинета, стоял негр Сандок. Он походил на статую из черного мрамора. Черные руки в белых перчатках держали золотой поднос.

– Что это у тебя, Сандок? – спросил Эбергард по-португальски.

– Очень важное письмо, господин граф! – отвечал негр, многозначительно моргнув глазами.

– Уже письмо! – удивился Эбергард. – Кто и когда принес его?

– Какой-то неизвестный человек четверть часа назад.

Эбергард встал и схватил письмо, почерк был ему незнаком. Быстро развернув листок, он пробежал его глазами; с каждой строкой лицо его выражало все большее удивление.

Письмо было следующего содержания:

Господин граф! Я слышал, что вы ищете свою дочь, которую мне передала дама почти четырнадцать лет назад. Если вы желаете узнать подробности о ее местопребывании, потрудитесь явиться сегодня вечером в шесть часов без провожатых на перекресток дорог близ роши. Если же вы явитесь не один, то труд ваш будет напрасен – вы никогда не услышите обо мне, так как я сегодня же вечером уезжаю отсюда.

Фукс, бывший канцелярист.

Эбергард, исполненный радости, перечитывал письмо человека, которого столько искал, он один только мог ему сказать, где его ребенок. И граф решил идти на предложенное ему свидание. На минуту у него мелькнула мысль, не довести ли это до сведения суда. Но тогда он, как сказано в письме, мог бы навсегда лишиться возможности узнать что-либо о своей дочери. Осторожная Леона хорошо обдумала свой план и, нужно отдать ей должное, исполнила свое дело мастерски.

Еще никогда для графа Монте-Веро время не тянулось так долго, как сегодня. Он было пробовал заняться делом в своем кабинете, но его мучило нетерпение. Да и могло ли быть иначе! Он должен был, наконец, получить известие о своей дочери, которую искал уже столько лет!

Под вечер Эбергард, прихватив на всякий случай оружие и накинув на плечи легкий плащ, покинул свой дворец на Маршгальской улице, не взяв с собой Мартина и не сказав никому, куда отправляется.

Вскоре он был уже на улице, в многочисленной толпе. Солнце уже начинало заходить – и он поспешил по направлению к заставе, чтобы через Мельничную улицу выйти на отдаленный перекресток дорог.

Закатное солнце огненным шаром повисло над самым горизонтом. Багровые облака неслись по вечернему небу, а ветер играл ветвями деревьев, росших по сторонам дороги. Эбергард жадно вдыхал свежий аромат приближающейся ночи. Станные чувства наполняли его душу в то время, как он шел по пустынной дороге. Возбужденные письмом надежды одушевляли его. Фукс был единственным человеком в мире, который мог ответить на его вопрос. Сколько времени искал он его, сколько было потрачено энергии и сил. И вот теперь настал счастливейший час его жизни.

Скрылись последние лучи заходящего солнца, вокруг распространился мягкий полумрак. На расстоянии ста шагов от себя Эбергард увидел густой кустарник, в тени его стоял образ Богоматери, предоставляя усталому путнику удобное место для отдыха и молитвы.

Эбергард невольно остановился, затем тихо приблизился к образу, но вдруг снова замер: перед образом на коленях молилась девушка, она была так прекрасна, что Эбергард долго не мог оторвать от нее глаз. Прохладный ветер играл ее золотистыми кудрями, черное платье стягивало стройную фигурку. На вид ей было не более шестнадцати лет.

Не смея мешать молившейся, благоговейно устремившей взор на лик Богоматери, Эбергард пошел по мягкому песку дальше. Ему казалось, что чудное видение сейчас исчезнет, и он решил еще раз увидеть это прекрасное создание. Какая-то невидимая сила так и тянула его к кустарнику, откуда он мог наблюдать за ней. Погруженная в молитву, девушка не замечала графа. Наконец Эбергард достиг деревьев, последний луч заходившего солнца осветил чудное лицо девушки. Ее темно-голубые глаза, опущенные Длинными ресницами, были устремлены на образ, слеза, как перл, блестела на них. Прелестное лицо было грустным, легкий румянец

играл на ее щеках, губы шептали тихую молитву. Эбергарду казалось, что он видит перед собой не простую смертную, а какое-то высшее существо, ангела, который молится за спасение душ человеческих.

И, действительно, по странному стечению обстоятельств, эта девушка невольно стала его ангелом-хранителем.

На башнях отдаленного города пробило шесть часов. Эбергард ничего не слышал. Как зачарованный, стоял он перед чудной картиной, не смея дышать. Мир и тишина царили вокруг, ничто не нарушало святости этого часа.

В эту минуту из груди девушки вырвался глубокий вздох, она перевела глаза на кустарник, заметила фигуру человека и быстро вскочила.

Эбергард хотел удержать ее, но она проскользнула через кусты шиповника. Он звал ее, кричал, хотел броситься следом, но напрасно, она скрылась в сгущавшейся темноте.

Ангельское виденье исчезло, и он с унынием долго глядел ему вслед.

В эту минуту ему послышался крик о помощи и шум голосов, он выскочил из куста на дорогу, но вокруг опять все стихло.

Теперь только Эбергард заметил, что час, назначенный ему для свидания, давно прошел, и потому, удостоверившись, что оружие при нем, поспешил к месту встречи.

Во мраке леса ему слышалось какое-то хрипенье, но Эбергард не знал страха, он продолжал путь по пустой, безлюдной дороге, между тем как звуки эти становились все тише, раздавались реже и, наконец, совсем стихли.

Луна скрылась за тучами, ночной ветер глухо завывал в ветвях, но кругом было тихо.

Эбергард взял в правую руку револьвер, чтобы каждый миг быть готовым к защите, – тот, к кому он шел, был опасным человеком.

В лесу сделалось так темно, что ничего не было видно и в шаге от себя, и Эбергард подумал, что, быть может, и спрятавшийся где-нибудь за кустом Фукс теперь может не заметить его.

– Фукс! – громко закричал он.

– Фукс! – отозвалось эхо в лесу.

Всякий другой не решился бы оставаться здесь в такую пору, но Эбергард, привыкший к опасностям, только удивился, что Фукс так долго не откликнулся.

Он решил идти дальше и снова позвать Фукса, который должен был находиться поблизости. Вдруг он задел ногой какой-то предмет, лежавший поперек дороги. Что это могло быть? Ужасное предчувствие шевельнулось у Эбергарда. Он нагнулся, чтобы ощупать этот предмет, так как ничего не мог рассмотреть в непроницаемом мраке.

Рука Эбергарда ощутила лицо человека. Он подумал, не хитрые ли это замыслы преступника, и быстро схватил труп второй рукой на случай, если Фукс окажется мнимым мертвецом. Однако вскоре Эбергард убедился, что держит в руках действительно безжизненное тело; он понес его на более открытое место, чтобы осмотреть лицо. Из глубокой раны над сердцем на песок стекала кровь.

Эбергард подозревал в этом преступлении Фукса, который, не дождавшись его, вероятно, бежал; он еще раз позвал преступника по имени, затем решил доставить труп в столицу, чтобы там по этому поводу провели расследование.

Убитым оказался Гэрри.

Когда Леона диктовала ему письмо к Эбергарду, в котором за подписью Фукса приглашала его на роковое свидание, в уме Гэрри пробудилось подозрение, что эта женщина, которую он любил до безумия, назначает тайное свидание Эбергарду, и потому окольными путями он пробрался в назначенный час на перекресток дорог и тут-то попал в руки того ловкого злодея, которого камергер Шлеве называл Кастеляном.

Волею судьбы Эбергард, пропустивший время свидания, созерцая молитву молодой и невинной души, спас свою жизнь.

Как граф должен был быть ей благодарен! Но он и не подозревал, что совершившееся преступление имеет под собой романтическую почву.

VII. Пансионат госпожи Фукс

Если бы только граф Монте-Веро догнал бежавшую от него девушку и заговорил с ней, они оба избавились от многих слез и страданий! Но судьба распорядилась иначе: им надо было пройти через горькие испытания, перенести тяжкое горе. Просим читателя последовать за нами в большой столичный город.

С наступлением осени вы видите на мостах и углах многолюдных улиц мальчиков и девочек, предлагающих проходим своим товарам раздирающим душу криком:

– Грош за овечку, сударыня, купите, только грош! Подходя ближе, вы видите несчастных, дрожащих от холода детей, одни держат на коленях коробочки, в которых лежат маленькие деревянные овечки. Другие – бегут вслед за прохожими и предлагают им жалобными голосами маленькие букетики цветов, чтобы потом на вырученные деньги купить себе еду.

Две девочки, с корзинками в руках, быстро шли по оживленным улицам по направлению к заставе. Стоял сырой и холодный сентябрьский вечер. На башенных часах давно уже пробило девять.

Одна из девушек, высокая и стройная, была лет шестнадцати, другая – маленькая дурнушка – помладше.

– Накрой корзинку платком, Лина, – сказала старшая, – Воздух сырой, и пряники, которые ты опять не продала, размокнут; смотри, чтобы тетя Фукс тебя за это не поколотила.

– Помоги мне, Маргарита, корзина такая тяжелая, да еще на этой руке у меня палец болит!

Маргарита, которая продала все полученные для продажи букеты и апельсины, накрыла корзину своей спутницы концом ее платка.

– Мне холодно! – жалобно произнесла младшая девочка.

– Давай мне твою корзину, я ее понесу, а ты возьми мою, закутайся платком, и давай поспешим.

– Ты такая добрая, Маргарита, если бы не ты, мы бы умерли с голода! Вот идут Фриц и Антон, не позвать ли их?

– Нет, Антон очень злой!

– Зато у него много денег, – прошептала младшая. – Знаешь, что мне вчера Фриц про него рассказал? Третьего дня в цирке он украл у одного господина из кармана часы; такому ловкому воровству он научился у господина Фукса.

– Говори тише и не рассказывай об этом никому другому, Лина, а то тебя посадят в чулан на три дня и на три ночи!

– Ох, уж этот чулан! – тяжело вздохнула младшая. – Там так много крыс, я чуть не умерла со страху, когда меня посадили туда в прошлый раз за то, что у меня из корзины украли пряники!

– Я знаю, ты так кричала, что несколько дней не могла говорить! Тебе еще больно?

– Иногда вот тут! – Девочка показала на свою впалую грудь, прикрытую дырявым платком.

– Сегодня вечером и завтра я постараюсь дать тебе побольше хлеба! Пусть Фриц и Антон идут себе, не смотри на них, мы их опередим!

Маленькая девочка, поглядывая иногда на мальчиков, шедших в стороне, следовала за Маргаритой. Они миновали, наконец, заставу и вышли на Мельничную улицу, где сгрудились дома рабочих и малоимущих людей; иногда их теснили фабричные корпуса.

Улица становилась все уже, дома по сторонам все меньше и ниже. Вскоре девушки вышли на шоссе. Они поравнялись с забором, за которым еще цвели георгины и розы, на воротах перед

маленьким домом, обвитым плющом, крупными буквами значилось: «Садоводство». Вдруг за деревьями что-то зашевелилось, младшая из девушек боязливо прижалась к своей спутнице.

– Успокойся, Лина, это, верно, Вальтер!

– Ты угадала, Маргарита – раздался голос из-за кустов. – Здравствуй. Вот уже час, как я жду тебя.

Вальтер был учеником садовника. Крепкого телосложения паренек, в соломенной шляпе и чистом полотняном сюртуке, ласково смотрел на девушку, которую знал уже не первый год. Она приходила в сад за цветами, которые покупала госпожа Фукс.

– Вот еще новая порция, – сказал он, высыпая в корзину девушки цветы и листья. – Вчера, связывая букеты, ты опять так хорошо пела, Маргарита. Твоя песня была такая грустная, прямо сердце разрывалось.

– Это мое единственное удовольствие, Вальтер. Поздно вечером, окончив работу, я забираюсь куда-нибудь подальше в глушь, тогда песни поются сами собой! Однако прощай, нам надо поторопиться. Позади идут Фриц и Антон, я не хотела бы с ними встречаться!

– Я провожу вас до Морской улицы.

– Нет-нет! Они непременно привяжутся к тебе.

– Думаешь, я их боюсь? Я готов на все, чтобы защитить тебя, Маргарита.

– Но тебе завтра рано вставать, оставайся!

– Я останусь в саду и буду следить за вами до тех пор, пока вы не дойдете до дома.

Простившись с Вальтером, девушки пошли дальше по шоссе и вскоре свернули на песчаную дорогу, которая вела к роще, за нею на холме был дом, где они жили. Если это полуразвалившееся жилище можно было назвать домом.

Дверь приотворилась, показалась женщина лет сорока, с черными распущенными волосами, орлиным носом и толстыми губами на злобном лице. Вылинявшая красная шелковая юбка, вероятно, наследие лучших и давно минувших времен, делала ее толстую фигуру еще необъятнее. Вероятно, ей помешали наводить туалет. Это и была госпожа Фукс, которая, живя в разлуке со своим преследуемым, но находящимся на свободе мужем, продолжала держать его пансион.

Читатель поймет, что она имела в виду под этим названием, если мы скажем, что кроме Маргариты и Лины в этой хижине находилось еще около двадцати мальчиков и девочек самого разного возраста, которые каждое утро должны были отправляться в город продавать цветы, овечек, апельсины и пряники, и затем с наступлением ночи отдавать вырученные деньги госпоже Фукс, за что получали кусок хлеба, несколько картофелин и вдосталь воды. Но дети эти, не знавшие ни отца, ни матери, выросшие с колыбели в нищете и страхе, были рады, когда получали эту скудную пищу, которой лишались довольно часто, если не выручали достаточно денег.

Госпожа Фукс заперла дверь на замок и вошла вместе с девушками в комнату. Посреди нее стоял грязный стол, а возле него несколько худых стульев. На стеле рядом с тускло горевшей лампой красовалась бутылка с каким-то крепким напитком, который госпожа Фукс употребляла якобы против болей в желудке.

Зеркало на стене, старый шкаф и комод о трех ножках, над которым висела картина, изображавшая сцену из священного писания, составляли все убранство жилища.

Низенькая дверь вела в другую комнату, которая служила местом пребывания детей и откуда в эту минуту слышались приглушенные голоса.

Маргарита и Лина поставили свои корзины на стол и стали считать деньги.

– Как, негодная тварь, – закричала госпожа Фукс, увидев, что корзина Лины почти полна, – с четырех часов ты ушла из дому и принесла всего только восемь грошей? погоди, я научу тебя быть прилежнее!

– О милая тетя Фукс, – взмолилась девочка, припав к ее ногам, – , только не сажайте меня в чулан, я заходила во все пивные лавки и каждому предлагала свой товар.

– А, так ты боишься чулана? Ну, так я, наконец, знаю средство тебя исправить! Маргарита, поди посади ее туда!

– Она больна, я не могу сделать этого!

– Как, ты смеешь возражать?

– Накажите меня вместо Лины.

– Ты свое дело сделала, да и к тому же ты теперь достаточно взрослая и завтра вечером поедешь вместе с Луизой и со мной. Пора тебе узнать лучшую жизнь!

– Я принесла на десять грошей больше, чем следовало! – сказала Маргарита. – Пусть это будет долей Лины!

– Опекун ты ей, что ли? Уж не думаете ли вы, что я стану даром кормить вас и одевать? Поди, нарежь им хлеба, – госпожа Фукс кивнула на соседнюю комнату, а я сама запру в чулан эту лентяйку. Пойдем, негодная! – Она потащила за собой Лину.

Маргарита с жалостью посмотрела ей вслед. «Потом постараюсь принести ей ужин», – подумала она и пошла в соседнюю комнату, где сидели и лежали на сене грязные и худые мальчишки и девочки. Жадно брали они из рук Маргариты хлеб, запивали его водой из расколотых кружек и тут же укладывались спать.

Вот как содержались пансионеры госпожи Фукс!

Возвратившись в первую комнату, Маргарита застала там госпожу Фукс, уже исполнившую свое недоброе дело.

– Завтра вечером ты уже больше не пойдешь торговать на улицу, ты теперь уже взрослая, фигура у тебя сносная, да и лицо ничего, – проговорила госпожа Фукс, – так что будешь теперь выходить со двора только со мной!

Маргарита промолчала, но при последних словах содержательницы притона она ощутила какой-то неосознанный страх. К тому же госпожа Фукс обыкновенно по вечерам куда-то исчезала. Юная девушка смутно чувствовала, что над нею нависла грозная туча. Куда уходила госпожа Фукс, было для нее тайной. Одни говорили, что она навещала в эту пору своего мужа, который нигде не смел показываться, другие же уверяли, что она посещала сомнительные балы, заводя там весьма недвусмысленные знакомства.

Последнее, вероятно, было ближе к истине. Вот и сейчас, с помощью Маргариты, она тщательно зачесала свои черные волосы, поддурманила желтые щеки, подкрасила жиденькие брови и, накинув темный платок, вышла из дому.

Маргарита постоянно должна была запираť за нею дверь, а утром, когда она возвращалась, открывать ее.

Перед уходом госпожа Фукс погасила лампу и заперла на ключ шкаф и комод, где у нее хранились деньги. На Маргариту она вполне полагалась – у девушки был чуткий сон, к тому же она вообще не делала ничего, заслуживавшего порицания.

Было уже поздно, когда ушла госпожа Фукс, довольная тем, что завтра отправится в свои ночные похождения уже не одна. Она хорошо понимала, что Маргарита будет для нее неисчерпаемым источником дохода, если только не ускользнет из ее рук, но за этим она зорко следила. Маргарита находилась на ее попечении уже почти четырнадцать лет, а потому она считала себя вправе пустить в дело ее прекрасную внешность. Случалось и так, что девушки, выросшие у нее, достигнув зрелого возраста, убегали, и она теперь пристально следила за тем, чтобы этого не случилось и с Маргаритой, которая красотой превосходила всех ее прежних воспитанниц.

Вскоре после ухода госпожи Фукс Маргарита осторожно отперла дверь и неслышно вышла на двор. С несколькими кусками хлеба и кувшином воды в руках она направилась туда, откуда слышался жалобный плач Лины. Дойдя до старого, развалившегося забора и отворив дверь в нем, она очутилась в низеньком сарае. Воздух здесь был сырым и зловонным – бедный

ребенок, завидя Маргариту, бросился к ней навстречу. Кроме Лины в этом ужасном чулане сидела еще семилетняя девочка, попавшая сюда за то, что, мучимая голодом, съела один из пряников, данных ей для продажи.

Маргарита накормила обеих, принесла соломы, чтобы им не лежать на сырой, грязной земле, и дала свой платок прикрыться. Девочки повисли у нее на шее, со слезами на глазах целовали ее и не хотели отпускать. Оставив их, она пошла мимо своей хижины к кустарнику, который тянулся от Морской улицы до шоссе, обсаженного по обе стороны деревьями. Луна вышла из-за туч и чудно светила с ночного неба, усеянного звездами.

В бледном свете луны Маргарита была особенно хороша. Ветер играл — ее чудными золотистыми волосами; простое черное платье подчеркивало развившиеся формы девушки. Ее нельзя было назвать худой. Как ни странно, тяжелая жизнь в доме Фуксов не отразилась на ее облике. Белокожая, с легким румянцем и большими голубыми глазами и длинными ресницами, она останавливала на себе взгляды; маленький нос был так же изящен, как и маленький рот с пухлыми губами, между которыми виднелись ее ослепительно белые зубы.

Маргарита напевала вполголоса, пробираясь к большим, обросшим мохом камням, лежавшим недалеко от шоссе в тени густого кустарника. Тут она часто сидела, пела и мечтала, и именно тут несколько дней назад, проезжая мимо, увидел ее принц Вольдемар.

Освещенная мягким светом луны, она села на камень и запела народную песню. Тайная грусть слышалась в ее голосе. На сердце у нее было тяжело. Вдруг она замолкла. Какие-то небывалые чувства наполнили ее сердце, оно готово было разорваться — в такие часы к ее душе подкрадывалось дотоль неведомое ей чувство любви. Маргариту никто не любил, никто не понимал, она никому на свете не принадлежала.

С детства, с тех пор, как она помнила себя, она не видела других людей, кроме госпожи Фукс и подобных ей несчастных детей, у которых также не было родных. Прежде Маргарита никогда об этом не задумывалась, но теперь в ней проснулась мысль о том, что существует на свете любовь!

Она видела на улицах, как заботливо кутали матери своих детей от холода, с какой любовью они целовали своих малюток — ей неведомо было это счастье! Какое, должно быть, блаженство, когда есть кому сказать «мама», когда заботливая и нежная рука матери обнимает тебя и прижимает к своей любящей груди.

Как-то раз вечером Маргарита спросила госпожу Фукс о своей матери.

— К чему тебе знать о своих родителях, глупая девчонка, — сказала госпожа Фукс с видимой досадой, — заботься лучше о своих букетах. Знай — твоих родителей давно уже нет в живых.

— Они умерли? — прошептала Маргарита едва слышно, ей стало так тяжело и страшно. — Как жаль! Но все эти дети, — утешала она себя, — разделяют мою горькую судьбу. Бог нам всем отец!

Прежде Фукс днем учил ее читать и писать, и она была так любознательна и прилежна, что у бывшего канцеляриста скоро истощился весь запас его знаний. Потом господин Фукс исчез, и, верно, он занимался недобрыми делами, так как только изредка прокрадывался ночью домой.

Грустно и одиноко протекала ее жизнь, так шли дни, месяцы и годы. Наконец, она стала почти взрослой, и какая-то тоска давила ее молодое отзывчивое сердце. Ей чего-то не доставало. Весь мир казался ей пустым. Бродя по улицам с корзинкой цветов в руке, она видела других девушек. Они гуляли под руку с молодыми людьми, которые счастливо улыбались, устремляя на них любящие взгляды, ее же никто не любил, никто не говорил ей ласковых слов, никто не пожимал ей дружески руку, никто не смотрел на нее любящими глазами.

По вечерам она уходила из дома и направлялась к образу Богородицы, перед которым ее накануне видел Эбергард, или просто бродила по пустынной дороге, когда все было тихо кругом. Из груди ее невольно рвались звуки какой-нибудь жалобной песни, какое-то непреодо-

лимое желание наполняло ее. Шелест деревьев, темное небо, усеянное звездами, уединенное место в тени кустов – все это благотворно действовало на ее душу – только тут она оживала, сюда ее влекло!

Прежде она думала, что всей душой привяжется к доброму Вальтеру, который всегда ласково и откровенно говорил с ней, будет верить ему все свои сокровенные мысли и искать в нем утешения.

Но нет! Вальтер был добр и ласков, но она могла только благодарить его за это, в нем чего-то недоставало впрочем, она не могла себе объяснить – чего, она только чувствовала, что не нашла в нем того, что искала.

Как-то в субботу, по дороге домой, с ней заговорили девушки, быть может, они увидели на ее прекрасном, мечтательном лице тайную грусть или выражение безысходного горя. На них были яркие платки, а волосы украшали приколотые цветы. Это было так соблазнительно и очень понравилось Маргарите. Девушки эти много смеялись между собой и уговаривали ее пойти с ними в ярко освещенный сад, где, по их словам, были танцы и веселье.

– Но на мне старое платье! – смутилась Маргарита.

– О, это не беда, вот там живет госпожа Робер, она даст тебе прекрасное платье на одну ночь.

– Но у меня нет денег!

– А ведь у тебя в кармане что-то звенит?

– Это не мои!

– Так возьми часть из них, а после, когда у тебя будут деньги, ты положишь назад из своих. Пойди и посмотри, какое там веселье, там настоящая жизнь!

После долгих колебаний Маргарита вошла в прекрасный сад и подошла к зале, где под громкие звуки музыки бешено кружились танцевальные пары. Она посмотрела в окно и увидела, как те девушки, которые уговаривали ее идти с ними вместе, с молодыми мужчинами присоединились к кружившимся парам, она видела, как они целовались с ними, как беззаботно предавались веселью, и вдруг схватила свою корзину и быстро, не оглядываясь, ушла.

Только отойдя довольно далеко, Маргарита немного успокоилась. Виденное поразило ее. Не этого жаждало ее сердце! Ей казалось, что надо избегать встреч с теми девушками, и каждый раз, когда замечала их издали, старалась спрятаться от них, чтобы не быть замеченной. В то время, как они предавались веселью, Маргарита отправлялась к образу Богородицы или на свое заветное место близ шоссе, над которым сверкали звезды и веял ночной ветер.

Вот и сегодня она сидела тут, плела венки и напевала, до того погруженная в свои мысли, что не слышала странного шелеста и движения со стороны шоссе-ной дороги.

На башнях отдаленной столицы глухо пробило одиннадцать часов. Маргарита сидела на камне и смотрела то на цветы в руках, то вдаль. Что-то шевельнулось в кустах, она не обратила на это внимания, а продолжала петь свою любимую песню.

Вдруг ветки кустарника раздвинулись, и среди них показалось бледное улыбающееся лицо; осторожно и с любопытством придвигалось оно к ней; глаза сладострастно оглядывали прекрасный стан девушки.

– А, вот где ты, прекрасная маленькая богиня! – раздался шепот.

Маргарита обернулась и вскрикнула от страха, увидев это бледное, искаженное страстью лицо.

Она перекрестилась – так ужасно было это виденье!

Но вот из-за ветвей показались и плечи, а затем и весь человек предстал перед испуганной девушкой. Это был какой-то знатный господин – на руках его были белые перчатки, а под мышкой он держал изящную камергерскую шляпу.

Маргарита не потеряла присутствия духа и быстро вскочила, ее сердце лихорадочно билось, она чувствовала, что ей угрожает опасность.

– Подожди, голубка! – прошептал незнакомец, которому на этот раз удалась попытка поймать прекрасную фею, и потому он не желал упустить ее из рук! – Одно слово, только одно слово, очаровательная маленькая сирена! – воскликнул он, протягивая руку к Маргарите, при этом мужчина так отвратительно улыбался, что по всему было видно: недобрым намерением загорелся он. Серые глаза блестели, губы были бледны от волнения. Никого не было вокруг в этом уединенном месте. Прелестная девушка произвела впечатление не только на принца, но и на него самого. Он уже касался ее стана, его руки уже чувствовали сквозь платье ее юное тело, он жаждал во что бы то ни стало исполнить свое сладострастное желание.

– Только одно слово, голубка, – прошептал он, – полно, не стыдись!

Камергер, не щадивший ни времени, ни труда на подобные приключения и добивавшийся именно этого дикого цветка, как он ее называл, уже обвил рукой стан молодой девушки, но только он хотел прижать к себе Маргариту, как вдруг она, собравшись с духом, крикнула изо всех сил:

– Фриц! Антон!

Камергер Шлеве, боясь в этом и без того небезопасном месте встретить известных ему мошенников, которых Маргарита назвала по имени, выпустил свою добычу из рук.

Фрица и Антона давно уже не было на дороге; они свернули в сторону или направились в парк на очередной грабеж.

Маргарита, подхватив свои цветы, перепрыгивая через камни, быстро убежала от своего врага.

Камергер, скрежеща зубами, хотел погнаться за девушкой, забыв про свою хромоту, но вовремя опомнился и, кряхтя, поплелся вслед за этой легкой серной, которая, подобравши свое платье, уже скрылась в кустах.

– Ты не уйдешь от меня, маленькая колдунья, – бормотал он, тщетно стараясь найти след убежавшей девушки. – Один Бог знает, как я сегодня жажду овладеть тобой! Знать бы, где живет эта очаровательница.

В это время луна скрылась в облаках, все погрузилось во мрак, и Шлеве не мог разглядеть видневшейся хижины.

– Она действительно прекрасна! Я давно не встречал ничего подобного! Завтра же попрошу содействия госпожи Робер, ты должна быть моей, маленькая, робкая богиня, или фея, как называет тебя принц!

В то время, как господин Шлеве, разговаривая с самим собой, осматривал камни, на которых сидела девушка, и затем, осторожно прислушавшись, направился домой, Маргарита достигла хижины. Она опустилась на колени, грудь ее сильно вздымалась; скрестив руки, она горячо благодарила небо за спасение от страшного человека.

Она вошла в дом, заперла накрепко дверь и легла на свою бедную постель. Вскоре сон одолел ее и избавил от страданий. Она сладко улыбалась во сне прекрасному юному офицеру, который любезно разговаривал с ней и обещал свое покровительство; это сновиденье было так замечательно, что она желала вечно видеть его! Ей казалось, что теперь желание ее было удовлетворено и для полного счастья ей нечего и желать.

Но горькая действительность скоро вернула ее на землю. Чудное виденье исчезло, счастье ее было слишком призрачным.

VIII. В цирке

Когда, доставив труп Гэрри в полицию, граф Монте-Веро возвращался к себе во дворец, он вдруг заметил на Маршгальской улице свой экипаж, запряженный четверкой вороных; на козлах, подле кучера, сидел Сандок в ливрее.

Граф удивленно улыбнулся, так как не давал на этот счет никаких распоряжений. И тут же к нему подошел Мартин.

– Слава Богу, наконец-то я вас нашел, господин Эбергард, мы так встревожены, – сказал капитан «Германии». – Никто не знал...

– Куда я скрылся; ну, любезный Мартин, такого впредь не случится, я никогда более не забуду сообщать, если куда-нибудь отправлюсь один, – шутливо произнес граф. – Однако, что же случилось?

– Полчаса назад во дворце флигель-адъютант короля...

– Ну, и что же? Ты так торопишься, что никак не доберешься до сути.

– Он был расстроен, что не застал дома ваше высочество.

– Господа придворные легко расстраиваются! Что же угодно было господину флигель-адъютанту?

– Он приехал от имени короля пригласить господина графа в цирк; король желает видеть сегодня вечером в своей ложе господина Эбергарда и непременно при параде, так как там будет новый русский посланник, князь Долгорукий!

– Странно! – пробормотал Эбергард.

– Посланный не вдавался в подробности – он спешил, но я так понял, – сказал Мартин, – что король желает, чтобы граф Монте-Веро затмил своим великолепием русского князя.

– Как здесь, в столице, ты прислушиваешься к каждому слову! – рассмеялся граф, потрепав Мартина по плечу и вместе с ним направляясь к portalу своего дворца. – Я вполне полагаюсь на твои наблюдения и потому приготавлиюсь.

– Карета, как вы изволили видеть, готова!

После всего происшедшего этим вечером графу не очень хотелось показываться в обществе, тем более в цирке, где дебютировала Леона, но Мартин был так настойчив, а приглашение короля так почетно, что он должен был ехать, хотя мысли его были заняты разбитой надеждой получить известие о своем ребенке.

Он надел увешанный орденами мундир, накинул сверху шитый золотом полуплащ, который спереди застегнул булавкой с бриллиантом такой величины, какой не видавали еще в Европе. Он стоил много миллионов.

Не прошло и часа, как Эбергард уже мчался в своей великолепной карете к цирку; когда карета остановилась, негр соскочил с козел и отворил дверцы.

Сопровождаемый негром, Эбергард направился к ложе короля.

В аванложе он раскланялся с камергерами; флигель-адъютант, обрадованный его приездом, с поклоном отворил ему дверь королевской ложи.

В лакейской, где остался Сандок, Эбергард заметил двух казаков, так что предположение Мартина не было лишено оснований.

Войдя в обширную королевскую ложу, граф Монте-Веро оглядел присутствующих. Возле королевы сидела какая-то иностранка, принцессы Шарлотты с матерью не было; далее сидел принц Август, французский посланник, несколько министров и генералов, а подле королевы – господин во фраке, увешанный орденами, которого Эбергард принял было за еврейского банкира. Однако именно этот господин и оказался русским посланником, князем Долгоруким, а иностранка, сидевшая подле королевы, особа лет двадцати четырех, была его дочь, княжна Ольга.

Когда король заметил Эбергарда, он подал знак всем присутствующим кавалерам встать, и князю Долгорукому, разумеется, тоже пришлось последовать общему примеру. Это движение заставило оглянуться и молодую княжну, она обратила свои большие темные глаза на вошедшего, который, по ее мнению, должен был быть по меньшей мере принцем королевской крови.

– Я очень рад, что вы исполнили мое желание, граф, и отозвались на мое приглашение. Я, было, думал, что вы не явитесь, так как у вас во дворце сказали моему адъютанту, что вы неизвестно куда отлучились, – проговорил король. – Мы попросили вас в нашу ложу не только для того, чтобы вы были свидетелем удивительного зрелища, как дама покорила своей воле царей пустыни, но и потому, чтобы иметь случай познакомить вас с князем Долгоруким!

Король был очень доволен впечатлением, которое русский князь не мог скрыть, невольно заметив булавку Эбергарда – бриллианты на ней превосходили все бриллианты на его орденах и диадеме княжны Ольги, вместе взятые.

– Меня всегда интересовала отдаленная обширная империя, которой предстоит великая будущность, князь, – обратился Эбергард к посланнику, между тем как король с удовольствием слушал его. – Она имеет так много общего с той страной, где расположены мои владения; больше того, во многом они схожи: у них одни и те же достоинства и недостатки.

– Что же это за страна? – спросил князь с любопытством.

– Бразилия – страна, где, к сожалению, имеются невольники, как и в России крепостные². Они заговорили о крепостном праве.

Короля, по-видимому, очень занимал разговор этих двух совершенно не схожих людей. Князь Долгорукий был человеком лет пятидесяти, придерживавшимся строго аристократических взглядов, граф Монте-Веро был гораздо моложе его и слыл поклонником высоких гуманных идей.

– Страх и строгость, – заключил Эбергард, – порождают ненависть и измену; история имеет тому множество примеров, князь. Образование и гуманность порождают любовь и уважение! Или вы полагаете, что между крепостными, между этими белыми невольниками, нет умов, восприимчивых к образованию, к нравственному развитию? Неужели вы думаете, что в этом классе нет людей, достойных внимания и уважения? Вспомните предков семейства Демидовых. Мне кажется, это яснее всего подсказывает, что и под суровой оболочкой этих без причины презираемых людей бьются сердца с высокими устремлениями, как и в нас, родившихся в своем звании лишь благодаря случаю.

Князь Долгорукий вопросительно посмотрел на графа.

– Если бы только теория оказывала такое благотворное действие на практику! – произнес он, пожимая плечами. – Известно, что кажется возможным теоретически, то часто неисполнимо на практике, и наоборот.

– С графом Монте-Веро вы в этом не сойдетесь, – засмеялся король, которому стычка этих двух крайностей доставляла удовольствие. – Он либерал! Но отложите ваш интересный разговор до будущего раза; сейчас начнется второе отделение, и мы желали бы представить графа прекрасной княжне; но отец должен зорко наблюдать за своей дочерью, чтобы и ее сердце тут не заговорило!

Эбергард пропустил эту шутку короля; но князь Долгорукий, почтительно поклонившись, сказал:

– У молодой княжны каменное сердце, ваше величество, оно слишком крепко и холодно; при воспитании не доставало нежной материнской руки! Лучшие в мире учителя, которых я пригласил для нее, посвятив ее в тайны науки, развили ее ум, но оказались не в состоянии развить ее сердце.

---

² Ко времени действия этой части романа в России еще не было отменено крепостное право.

– Мы понимаем вас, князь, но все-таки это не мешает пожелать вам найти человека, который был бы способен растопить ледяное сердце вашей дочери, человек этот должен быть магом и волшебником, так как княжна достойна прекрасного, возвышенного сердца! Граф Монте-Веро ждет чести быть представленным вашей очаровательной дочери!

Король обратился к своей супруге, между тем как князь и Эбергард подошли к креслу молодой княжны. Она была высока, стройна и величава. Некоторая полнота и серьезное, холодное выражение лица делали ее старше – княжне Ольге минуло двадцать лет. Ее черные как смоль волосы украшала бриллиантовая диадема. У нее был высокий лоб, довольно тонкий нос и тот русский тип лица, который бывает особенно привлекательным. Но ее большие глаза смотрели на мир с гордой холодностью. Черные локоны ниспадали на ослепительно белую шею и плечи. Изумрудное ожерелье покрывало ее полную грудь, касаясь белого атласного платья. Юбка была подобрана белыми цветами, так что был виден ее белый атласный башмачок, украшенный изящной золотой пряжкой.

Она улыбалась, беседуя с графиней Аренштейн, когда князь и Эбергард подошли к ней. Надо сказать, ее холодная улыбка удивительно шла к ее прекрасному лицу. Эбергард, взглянув на девушку, должен был сознаться, что без этого сурового выражения юная княжна считалась бы королевой красоты. Отец попросил у нее позволения представить ей графа Монте-Веро.

Эбергард прочел на ее лице разочарование и неудовольствие, когда она обернулась к нему. Она холодно посмотрела на него, и глаза ее на миг остановились на богатой одежде и благородном лице графа; Эбергард поклонился.

Король внимательно следил за всей сценой.

Княжна не сочла нужным что-либо проговорить, хотя за ней было слово для первого знакомства.

– Это небольшое беспокойство я причинил вам по желанию короля, ваше сиятельство! – произнес Эбергард звучным голосом.

Княжна с удивлением проницательно посмотрела на графа.

– Вы будто извиняетесь, любезный граф, и мне это кажется, простите, довольно странным, – проговорила гордая княжна.

– Каждый кавалер обязан извиниться перед дамой, если замечает, что его присутствие вызывает у дамы досаду.

Слова эти как-то странно подействовали на княжну: граф осмелился говорить с ней так, как говорил каждый кавалер с каждой дамой.

– Простите, если столь обыкновенные вещи мне неизвестны, – проговорила княжна, саркастически улыбаясь.

– То, что сделано без умысла, не требует извинения, – отвечал Эбергард коротко, но весьма вежливо.

Княжна почувствовала, как в ней закипает раздражение, но она улыбнулась, – такого рода разговор был для нее в новинку.

– Колокольчик звонит, ваше сиятельство, позвольте мне поместиться позади вашего кресла.

– Как кавалеру подле своей дамы, это благосклонность, которую...

– Которую оказываешь не каждому, – прибавил Эбергард. – Если вам неприятно, ваше сиятельство, я не претендую на эту благосклонность.

– Не называйте ее в этом случае благосклонностью, господин граф, – улыбнулась княжна, – и сделайте это против моей воли.

– Это было бы непростительно, ваше сиятельство, я имею честь...

– Вы мешаете, уже начинают! – прошептала княжна, быстро указывая своему странному собеседнику на кресло подле себя.

Но в ту же минуту княжна раскаялась в своем порыве и решила, что гораздо лучше будет вовсе не обращать внимания на графа.

Пока шло представление клоунов и других артистов цирка на арене. Эбергард рассматривал публику, сидевшую в ложах.

В ложе дипломатов он увидел принца Этьена и лорда Уда, турецкого посланника Магомета-Ахари-Бея и грека Мимоса.

Принц Вольдемар, по причине легкого недомогания, не явился вместе со своим камергером. Напротив ложи дипломатов граф заметил пожилую даму с седыми буклями, она сидела между своими двумя довольно странно одетыми дочерьми.

«Это достопочтенная госпожа Болиус, – сказал про себя Эбергард, – вывезла в свет прекрасную Кору и соблазнительную Лидию. Как усердно молодой лорд Фельтон с принцем Этьеном лорнируют невинно улыбающихся дам. Любезнейший лорд Фельтон, опомнитесь, вы должны иметь двух отцов миллионеров, если заведете знакомство с одной из этих красавиц».

Вдруг заиграла громкая музыка, амазонки и турки в богатых блестящих нарядах на прекрасных лошадях выехали на арену и стали в кадрили.

Соблазнительные формы амазонок в коротких юбках приковывали взоры всех мужчин, а особенно приводили в восторг принца Этьена и Магомета-Ахари-Бея, которые не спускали с них глаз.

Еще один выход, и затем ожидалась царица львов, мисс Брэндон, отчаянная иностранка, приведшая в восторг громадный город.

Прекрасные лошади, которых вывели после кадрили, несмотря на их удивительную дрессировку, не в состоянии были умерить нетерпение публики: все с трепетом ожидали отважную иностранку, сумевшую сделать своими рабами страшных царей пустыни.

Наконец отворились двери, что вели из конюшен на арену, отсюда обычно выходил Гэрри в серебряном трико, чтобы с помощью лакеев вкатить на середину арены большую золотую клетку с тремя сильными львами и затем железным шестом привести диких зверей в ярость, – сегодня же Гэрри не было, и один из наездников заменил его.

Разъяренные львы со страшным ревом бросались из стороны в сторону к решетке, которая дрожала под ударами мощных лап.

Приведя зверей в дикую ярость, наездник ушел. Занавес распахнулся, и на арену с гордостью королевы вышла хозяйка тех, кто звался царями пустыни.

Громадное здание цирка огласилось громкими аплодисментами, все с любопытством смотрели на женщину, осмелившуюся играть со львами.

Только Эбергард оставался спокоен, глаза его были устремлены на смелую укротительницу.

При ней не было оружия, в изящной руке она держала только хлыст, какой употребляют наездницы. Черное длинное платье увеличивало ее рост, подчеркивало прекрасную фигуру, высокий лоб и орлиный нос придавали ее лицу выражение недюжинной энергии и силы воли.

Леона гордо поклонилась сначала королю, а потом публике; графа Монте-Веро она, похоже, не заметила.

Увидев свою повелительницу, еще минуту назад свирепо ревели львы боязливо прижались в угол клетки; Леона улыбалась, торжествуя победу.

Резкие черты лица мисс Брэндон кого-то напоминали, в дипломатической ложе шушукались, пытаясь определить, кого именно, но так и не смогли догадаться.

– Посмотрите на профиль, – шепнул, наконец, французский атташе, обращаясь к молодому лорду Фельтону. – Припомните моего великого императора и взгляните еще раз на ее лицо.

– Вы правы, – сухо отвечал англичанин, – я тоже нахожу в ней сходство с Бонапартом.

Все взоры в тревожном ожидании устремились на мисс Брэндон, которая смело отворила дверцу и в воцарившейся мертвой тишине с холодным спокойствием и улыбкой вошла в клетку ко львам. Щелкнув хлыстом и не говоря ни слова, одним движением руки она заставила диких зверей лечь у ее ног.

Говорят, и это подтверждают охотники и поселенцы Южной Америки, что есть люди, взора которых звери не могу выносить. И эти люди укрощают кровожадных хищников, превращая грозных властителей пустыни в покорных рабов.

Мисс Брэндон, кажется, также обладала таким взором, потому что с того времени, как вошла в клетку, она не спускала глаз с трех львов, ползавших у ее ног.

Всех присутствующих занимала мысль, что если в одном из этих кровожадных зверей пробудится сознание собственной силы и он кинется на беззащитную женщину, то в одну минуту превратит ее в кровавое месиво.

Но укротительница львов улыбалась так спокойно и самоуверенно, как будто имела какую-то тайную неограниченную власть над этими могучими животными; она играла с ними, сердито смотрела на них своим повелительным взором, если один из львов хоть на секунду позволял себе ослушаться ее приказания, она садилась на спину одного из них, а других ставила по сторонам подле себя, и они стояли так неподвижно, словно были изваяны из мрамора. Прекрасный стан ее обрисовался во всей соблазнительности, когда она прилегла поперек львов, как бы покоясь на оттоманке.

Леона резко вскочила – ей предстояло заключить представление.

Присутствующие в лихорадочном волнении следили за каждым ее движением. Она снова щелкнула хлыстом – львы с ворчанием поднялись. Отчаянная мисс Брэндон улыбалась. Еще щелканье хлыста. Разъяренные львы заматались в клетке, рев их огласил здание цирка, казалось, вот-вот их терпение истощится и они бросятся на свою повелительницу. Глаза животных налились кровью.

И тут удивительная сила взгляда женщины оказала свое действие. Леона, стоя перед разъяренными львами, глазами удерживала их на месте; сама она, между тем, была так спокойна, словно имела дело с кошками.

Но эта ли уверенность или ненасытное честолюбие побудили ее отвести взгляд на трепетно замершую публику?

Вдруг Леона побледнела, пошатнулась и протянула руки, как бы защищаясь, – она увидела Эбергарда. Она решила, что перед нею ужасный призрак, – ведь, по ее расчетам, этого человека более не было в живых. Этого минутного замешательства было достаточно, чтобы один из львов, самый сильный и крупный, вскочил, огласив цирк ужасным рычанием.

Все замерли – еще мгновение, и эта очаровательная женщина окажется в когтях кровожадного зверя.

Но тут с арены послышался громкий смех – укротительница, отступив на шаг, встала перед диким животным, и лев смиренно улегся у ее ног. Зрители восприняли все это как заранее подготовленный эффектный финал.

Нескончаемые возгласы радости и аплодисменты сотрясли здание цирка, публика разразилась такими овациями, каких не удостаивались даже короли и герои!

Это удовлетворило честолюбие Леоны. Она торжествовала. С улыбкой вышла она из клетки, словно из будуара, и быстро отыскала глазами Эбергарда, чтобы убедиться, что он действительно жив. Затем она еще раз поклонилась и оставила арену.

Овации не умолкали, зрителей потрясла ее последняя выходка.

Но хорошо, что никто не видел Леону в ту минуту, когда она возвратилась в свою уборную, дрожа от ненависти, и прерывающимся от волнения голосом прошептала: «Он жив!» Страшно представить даже такую меру ненависти в женщине.

Королевская чета и за нею вся свита поднялись со своих мест и направились к экипажам. Король, покидая ложу, сказал несколько милостивых слов молодой княжне Долгорукой, королева любезно беседовала с Эбергардом. Раскланявшись у портала, королевская чета направилась к своей парадной карете.

Князь повел дочь к экипажу, рядом стоял Эбергард. Князь поклонился ему, но его гордая дочь заранее уже решила для себя не кланяться графу.

Однако она невольно подняла глаза на графа Монте-Веро и против собственной воли поклонилась ему, как королю, и это случилось само собой и так быстро, что она не успела даже опомниться.

Отец помог Ольге войти в экипаж; негр Сандок отворил дверцы кареты графа. Через минуту экипаж Эбергарда, запряженный четверкой вороных, промчался мимо кареты русского князя.

Граф Монте-Веро возвратился в свой полный роскоши дворец, в то время как в кустарнике у дороги звучала известная уже нам печальная песня.

IX. Паучиха

– А, входите, пожалуйста, дорогая госпожа Робер! – говорила на следующий день госпожа Фукс, отворив на громкий стук дверь и увидев перед собой женщину, которая, по-видимому, с трудом добралась до хижины, так как тяжело дышала. – Входите и присаживайтесь!

– Да, я сяду, я должна сесть! – прерывисто проговорила сгорбленная старуха. – Эта одышка – моя смерть!

– И притом вы все-таки неутомимы, с утра и до поздней ночи все на ногах, – госпожа Фукс подала гостье свой лучший стул. – Думаю, вы уже сколотили себе порядочный капиталец?

– Капиталец? Полноте! От всех хлопот не имеешь ничего, кроме страха потерять последнее! – быстро проговорила старуха, которую обычно весьма оживляли разговоры о деньгах. – Вот отдашь за несколько грошей хорошие, дорогие вещи и то наверное не знаешь, получишь ли их когда-нибудь назад!

– Думаю, ни одна из ваших покупательниц от вас не ускользнет, госпожа Робер!

– О, когда они могут причинить мне хоть какой-нибудь вред, для них это большая радость! – проговорила старуха и села, тщательно смахнув со стула пыль. – Они называют меня Паучихой и обманывают на каждом шагу.

– Но на мне же вы постоянно наживались?

– Наживалась? О, Господи помилуй! Едва наживешь на соль, и то имеешь еще столько неприятностей и страху, что Боже упаси. Эта одышка – моя смерть!

И сгорбленная старуха снова закашлялась.

Госпоже Робер на вид было лет семьдесят. Редкие седые волосы покрывала старомодная соломенная шляпа, ее широкие поля заслоняли по сторонам все лицо. На плечи был накинут большой клетчатый платок, из-под которого виднелось вылинявшее коричневое платье. В одной костлявой руке она держала большой красный зонт, служивший ей палкой, поэтому она всегда носила его с собой.

Лицо госпожи Робер могло бы послужить прекрасной моделью для гуттаперчевого шелкунчика, беззубый рот ее совершенно ввалился, а потому длинный орлиный нос почти доходил до острого, выступающего подбородка. Впалые щеки и большие безжизненные глаза довершали «красоту» этого лица. К тому же старуха ходила постоянно сгорбившись, сверля всех своим пытливым взглядом, так что вполне заслуженно получила прозвище Паучихи – оно было так удачно, что каждый, кто ее видел, непременно должен был с ним согласиться.

Паучиха была весьма известна во всех кругах общества, больше того, по-своему она была влиятельной особой. К ней с известными поручениями обращались не только высоко поставленные мужчины. Множество дам каждодневно искали встречи с Паучихой для важных и тайных переговоров. Эта женщина была способна на всякую гадость. Она, не задумываясь, продала бы и честь собственной дочери, если бы за это ей предложили кругленькую сумму.

Госпожа Робер, как мы уже видели, давала под залог платья и другие вещи. Дамы, которые хотя бы на одну ночь желали блеснуть, брали у нее роскошные шелковые платья, золотые украшения и веера, даже башмаки, юбки и прочие принадлежности туалета. Плата за это производилась вперед, да и Паучиха так хорошо знала почти всех дам, что могла быть уверена – вещи ее не пропадут. Она постоянно обвиняла дам в том, что платья приносились измятые и в пятнах, за что и получала деньги сверх того; ей ни в чем не отказывали, так как в ней постоянно нуждались.

Говорили, что Паучиха очень хитра, скупа и ненасытна, и мы будем иметь случай убедиться, правы ли были люди.

– Ну, теперь к делу, милая Фукс, – сказала она после сильного кашля. – Мне необходима помощница, хотя это мне не по карману, но иначе нельзя. Я должна иметь помощницу! Хватит мне одной возиться с делами.

– Вам бы лучше сдать все ваши дела и отдыхать.

– Ну, что вы говорите! Как будто я имею для этого достаточно средств! Едва наешься досыта иной раз! Я должна работать, должна мучиться!

Паучиха опять закашлялась.

– Мне необходимо, – прибавила она жалобно, – иметь помощницу, человека подле себя. Ночи! Ах, эти ночи, милая Фукс! Вот уже несколько лет я страдаю бессонницей. А эта одышка – моя смерть! И вот поэтому я ищу теперь девушку, которая помогла бы мне.

– Ну и прекрасно, госпожа Робер, возьмите себе помощницу!

– Вот потому я и пришла к вам, милая Фукс! Я уже думала о вашей старшей – как ее зовут? Кажется, Маргарита?

– А! – воскликнула госпожа Фукс, не подавая вида, что она поняла мысли Паучихи.

– Знаете ли, дорогая госпожа Фукс, у меня к вам большая просьба, не можете ли вы обойтись без Маргариты и уступить ее мне, я так нуждаюсь в хорошей помощнице.

– Обойтись без нее? Нет! Но уступить ее вам, госпожа Робер, – это другое дело! Маргарита девушка прилежная, верная и, что несомненно, хороша собой – между нами будь сказано, лучшая из моих воспитанниц!

– Да, это дитя мне нравится!

– Она больше уже не дитя, госпожа Робер. Слава Богу, я ее вырастила, и теперь она может вызывать восхищение! О, она мне дорого стоила, ее красота и румяные щечки доказывают, что она вскормлена не хлебом и картофелем!

Паучиха поднялась.

– Должна вам признаться, – продолжала госпожа Фукс, – я многого ожидаю от Маргариты! Она рождена для знатных господ! Такого врожденного изящества и грации, такого благородного лица вы не найдете ни у одной девушки!

– Ну, в таком случае, я ошиблась, милая Фукс! Я думала, – сильный, продолжительный кашель снова прервал речь Паучихи, – я думала, вы будете рады избавиться от лишнего дармоеда! Но вы говорите о каком-то восхищении, на что, впрочем, ваша питомица неспособна, да и в мои намерения это не входит.

Госпожа Фукс недоверчиво улыбнулась.

– Давайте говорить откровенно, госпожа Робер! Вы имеете свои планы относительно этой девушки.

– Ничего другого, кроме того, что хочу иметь в ней помощницу!

– И я тоже имею свои планы на счет этой невинной красавицы!

– Невинной? – повторила Паучиха с таким хитрым взглядом, что дотоле скрываемые замыслы старухи стали ясны, как день.

– Я ручаюсь за это, госпожа Робер, совершенно невинной.

– Можно ли, дорогая, ручаться за это? Но разговоры в сторону, милая Фукс.

– Вы сами не хотите об этом говорить, потому что сами все отлично знаете!

– Полно, это меня не касается, я хочу иметь в ней только помощницу!

– Для вас главное – деньги, признаюсь, для меня тоже! Маргарита так прекрасна, что посредством ее я могу нажить себе состояние. Надеюсь, вы поняли меня милая Робер?

– И к тому же будете иметь даровую квартиру!

– Ну, уж об этом я похлопочу!

– Выгодное это дело, милая Фукс! Мне только жаль, что я напрасно шла к вам, я и понятия не имела, что вы хотите сделать это невзрачное дитя золотым рудником! – язвительно про-

изнесла Паучиха и повернулась к двери. – Одно слово! Даю вам за эту девушку десять талеров. Берите скорее, милая Фукс, я поторопилась, берите, пока я не раздумала!

Госпожа Фукс улыбнулась, в ее широком лице с толстыми губами в эту минуту было что-то хищное.

– Десять талеров? Не теряйте слов! Все останется по-старому!

– Вы думали, больше? А что, если эта девушка пропадет у вас и вы за нее ничего не получите? Что вы тогда скажете?

– Тогда я непременно найду ее!

– Где же она теперь?

– Тут, в доме!

Глаза Паучихи заблестели, она раскрыла свой старый пестрый мешок, висевший у нее на руке, и вынула из него сверток, вероятно, с деньгами.

– Вот берите пятнадцать талеров, и пусть она идет со мной!

Госпожа Фукс поняла, что старуха во что бы то ни стало хотела приобрести Маргариту.

– Прибавьте к этим пятнадцати еще пятьдесят талеров, тогда вы ее получите!

Паучиха едва не обомлела.

– Это, значит, шестьдесят пять талеров? Откуда же мне взять такую громадную сумму? О милая Фукс, это безбожно с вашей стороны!

– Решайтесь скорее, я не могу вам обещать, что завтра цена будет такой же, как сегодня!

– Шестьдесят пять талеров! Это ужасно! Уступите хоть эти пять!

– Я сказала.

– Это нечестно, Фукс! – захныкала Паучиха, отсчитывая требуемую сумму и трижды переворачивая каждый талер.

– А вы сделали выгодное дело, госпожа Робер!

Паучиха пожала плечами и с сожалением посмотрела на деньги.

– Уберите их скорей с моих глаз! Где же девушка? Я хочу сейчас же взять ее с собой, подумать только – шестьдесят пять талеров!

Госпожа Фукс убрала деньги и позвала Маргариту.

– Теперь ты оставляешь мой дом и будешь жить у госпожи Робер; смотри же, будь ей верна и послушна, – сказала она удивленной девушке. – Госпожа Робер будет о тебе заботиться!

Бедная девушка опасливо посмотрела на не вызывавшую симпатии старуху, что-то похожее на страх шевельнулось в ее груди, но она безропотно покорилась своей участи.

Госпожа Робер, между тем, внимательно оглядела свою покупку и решила, что она совершила выгодную сделку.

Она пожалела, что раньше не догадалась взять Маргариту к себе в дом, – тогда она досталась бы ей дешевле; теперь же знатный господин указал ей на этот бесподобный «дикий цветок».

Маргарита и не подозревала о сделке, походившей на торг белыми невольниками, – она думала, что поступает в услужение к этой маленькой старушке и была рада избавиться от тетки Фукс, жестокое обращение которой часто доводило ее до слез.

И все же ей стало грустно, что она должна покинуть этот бедный дом, некому теперь будет заботиться о детях, и не посидит она больше в поле на своем заветном местечке. Подойдя к госпоже Фукс, Маргарита поблагодарила ее за попечение в продолжение стольких лет.

– Хорошо, хорошо, дитя мое, я охотно делаю добро, – с достоинством отвечала госпожа Фукс и пожала девушке руку. – Ты всецело принадлежишь теперь госпоже Робер, которая в состоянии сделать для тебя больше моего!

«Потраченные деньги еще принесут мне проценты!» – сказала про себя Паучиха и прибавила вслух:

– Пойдем, дитя мое, со мной!

При этом своими костлявыми пальцами она так крепко сжала тонкую ручку Маргариты, словно боялась, что добыча ускользнет от нее.

– Потрудитесь объявить, что Маргарита больше у вас не живет, милая Фукс!

– Я сделаю все, как полагается; ваша племянница переходит теперь в ваши руки, для вас будет благодеянием иметь при себе родственницу!

«Племянница, родственница?» – подумала Маргарита и широко раскрыла глаза.

– Да-да, милое дитя, ты приходишься мне родственницей, – подтвердила Паучиха. – Я тебе при случае объясню, как обнаружилось наше родство!

Маргарита хотела сказать, что она счастлива, что нашелся человек, который признает ее своей, который, быть может, полюбит ее, но, взглянув в хитрое лицо Паучихи, осеклась. Она чувствовала, как крепко старуха держит ее за руку, обнаруживая такую силу, какой в ней нельзя было и подозревать.

Маргарита простилась с госпожой Фукс, которая проводила их до дороги.

– Помогите мне, дитя мое, – ласково сказала старуха. – Мне тяжело, а эта одышка – моя смерть!

Паучиха закашлялась и велела мнимой племяннице нести большой красный дождевой зонт и вести себя.

Так они дошли до Мельничной улицы и затем свернули в сторону, на Кладбищенскую улицу, которая вела на громадное городское кладбище. Серые ветхие дома здесь населял большею частью рабочий люд. Дома были одноэтажные, с подвалом, в который вела маленькая грязная дверь, из низких окон по всей замусоренной улице распространялся чад. Паучиха, шедшая с Маргаритой, уже не первой своей жертвой, держалась ближе к домам, чтобы не обращать на себя внимание. Наконец, она остановилась у одного из последних домов и велела девушке отворить обитую мешковиной дверь, которая вела на крутую, узкую лестницу.

– Скорей, скорей! Ты чего с таким удивлением оглядываешься? Иди вперед! – шептала старуха, слегка подталкивая девушку сзади, и, кряхтя, последовала за ней.

Дойдя до самого верха, старуха до того утомилась, что с трудом дышала, дрожащей рукой вынула она из мешка ключ и подошла к низкой, но крепкой двери.

Маргарита не знала, что ее ожидает, и боязливо следила за движениями Паучихи, но ей хотелось надеяться на лучшее.

Бедная девушка и не подозревала о той пропасти, которая уже зияла перед ней, готовая поглотить эту прекрасную и невинную жертву.

Старуха отворила дверь, и они оказались в комнате. Комната, куда они вошли, была небольшой, но, по сравнению с квартирой госпожи Фукс, казалась роскошной. У одной стены стоял обитый пестрой материей диван, у другой – высокая кровать. В простенке между окнами с занавесками помещалось зеркало в золоченой раме, которое, вероятно, перешло к ростовщице из будуара какой-нибудь метрессы; под ним была этажерка с красивыми безделушками, а перед диваном стоял стол, покрытый вязаной скатертью, на котором были спичечница и пепельница. Изящный умывальник и вешалка, тоже, вероятно, кем-то заложенные, довершали убранство.

Стеклянная дверь вела в комнату побольше, где валялись платья и громоздилась разного рода мебель.

– Сейчас четыре часа, – сказала Паучиха, закрыв за собой дверь. – Он обещал приехать в пять – это хорошо! Сними с меня платок и сложи его аккуратно, я уверена, ты скоро привыкнешь к новой обстановке и, надеюсь, будешь довольна, если отличишься ласкою и послушанием. Скоро придет один господин, будь с ним вежлива и любезна – он очень богат, а деньги имеют великое значение в жизни! С деньгами все можно сделать, им все подвластно, за деньги можно купить и любовь, и роскошь, и дружбу, и счастье, этот господин очень богат! Но помни, таких господ надо принимать ласково!

Маргарита с удивлением слушала Паучиху, которая, спрятав свой мешок, принесла из соседней комнаты голубое шелковое платье и стала осматривать его со всех сторон перед окном.

– Это хорошо, что Роза никогда не испортит вещи, на этом платье, например, она не сделала ни одного пятнышка, прямо как с иголки, – бормотала она. – Платье это действительно прекрасное, чудный фасон! Впереди корочка, а сзади длинный шлейф, притом настоящие кружева! Дитя мое, сними с себя свое черное платье, сложи его аккуратно и примерь вот это. Оно тебе наверняка понравится – это чистый шелк! Думаю, ты первый раз в жизни надеваешь шелковое платье?

Маргарита хотела спросить, почему она должна надеть это дорогое платье, но женская любовь к тряпкам взяла верх. Она быстро сняла с себя старое и начала надевать платье, поданное старухой. Паучиха помогала ей своими дрожащими костлявыми руками, и вскоре девушка окончила свой туалет.

Госпожа Робер зажгла лампу и с удовольствием смотрела, на прелестную Маргариту. Платье еще более оттеняло ее белокурые волосы, темно-голубые глаза с длинными ресницами, восхитительный рот с белыми зубами и подчеркивало стройность девушки. Смелый вырез позволял видеть ее чудные формы во всей их красоте.

Улыбавшаяся сгорбленная старуха поправляла костюм своей жертвы, чтобы та казалась еще соблазнительней!

В эту минуту послышался стук колес. Госпожа Робер прислушалась – экипаж остановился. Она поставила лампу на стол и зажгла еще свечу.

Маргарита стояла перед зеркалом и – это было простительное женское кокетство – с удовольствием осматривала чудное платье, не задумываясь о темных намерениях Паучихи. Она рассматривала материю и кружева, и ей казалось, что она каким-то чудом переродилась.

Послышался стук в дверь – Маргарита вздрогнула.

Паучиха отворила.

В дверях показалось – кровь застыла в жилах девушки – то же самое лицо, которое явилось перед ней в кустах; она не в состоянии была пошевелиться.

Камергер Шлеве, серые глаза которого сладострастно заблестели при виде желанного «дикого цветка», как он ее называл, легко вошел в комнату, улыбаясь от удовольствия.

– Вот ты где, прекрасная Лорелея, маленькая сирена! – проговорил он, с нежностью глядя на испуганную девушку. – Как она прекрасна, даже лучше, чем при свете луны.

Человек подошел ближе, и Маргарита догадалась; что ее привели сюда для того, чтобы она сделалась его жертвой; теперь ей стало ясно, почему ее нарядили в голубое шелковое платье. Мучимая страхом, она искала, как убежать от приближавшегося врага. Бедная девушка чувствовала, что ей грозит гибель, но не видела выхода.

Паучиха, догадавшись, что Маргарита порывается бежать от знатного гостя, поспешила к двери, ведущей в соседнюю комнату, и встала перед ней, как бы предупреждая бегство девушки.

– Несносная девчонка! – шептала она, толкая Маргариту. – Я же тебе говорила, что ты должна быть ласкова и предупредительна! Знатный господин обращает на тебя свое благосклонное внимание! Уж простите ей эту глупость, – обратилась Паучиха к Шлеве. – Она изменится, это совершеннейшая невинность!

– Совершеннейшая невинность! – повторил Шлеве, самодовольно улыбаясь. – Вы правы, и это извиняет ее естественное сопротивление! Отчего же ты бежишь от меня, глупенькая? Ты все равно попадешь ко мне в руки!

Маргарита видела, что Паучиха вне себя от досады подталкивает ее тайком, а сладко улыбающийся господин подходит все ближе; она чувствовала, что должна во что бы то ни стало

увернуться от него. Сердце ее тревожно билось, она с трепетом искала убежища и защиты. Кого позвать на помощь? Никого поблизости не было!

Паучиха стала что-то поправлять у двери, взяла со стола лампу и вышла в соседнюю комнату, заперев за собой на ключ дверь.

Маргарита осталась наедине с ненавистным ей человеком, в котором теперь видела своего смертельного врага.

Приближаясь к девушке сбоку, камергер рассчитывал оттеснить ее к окну, где она неминуемо оказалась бы в его руках; он не мог и подумать, что она способна позвать кого-нибудь на помощь из окна.

Сердце несчастной девушки забилося сильнее, грудь ее вздымалась, она искала глазами убежища! Она метнулась ко входной двери в надежде избавиться от своего сладострастного преследователя.

Он с улыбкой следил за всеми движениями своей жертвы – она тщетно пыталась открыть замок. Паучиха заперла дверь, а ключ спрятала. Видя свое близкое падение, несчастная девушка не знала, на что решиться: бегство ее было заранее предусмотрено – ей преградили путь. Неужели покориться своей участи и погубить свою честь из-за этого ненавистного человека? Что же делать?

Камергер, проходя мимо стола, погасил свечу, и в ту же минуту Маргарита почувствовала, что он обнял ее.

Крик ужаса вырвался из груди девушки, ненавистный человек пытался заглушить его, прижимаясь своими холодными губами к ее рту, но Маргарита изо всех сил старалась высвободиться из его объятий.

Барон Шлеве часто покорял такое сопротивление, он даже любил подобную борьбу – она распаляла его страсть.

Маргарита ощутила в себе в эту минуту достаточно сил, чтобы защищать свою честь, и с безумным отчаянием отталкивала его от себя. Барона же забавляла эта борьба маленькой сирены и только разжигала его животную страсть.

В комнате было совершенно темно. Позволяя Маргарите сопротивляться, камергер незаметно отступал все ближе к дивану – таков уж был его расчет! Злодей берег свои силы, чтобы потом совершенно завладеть изнемогшей девушкой.

Маргарита не замечала его уловок. Вдруг не дав ей опомниться, камергер поднял ее, и она очутилась на диване. Крик отчаяния, невольная утрата сил последовали за неожиданными для девушки действиями. Барон торжествовал.

Паучиха за стеной самодовольно улыбалась: она любила подобные проказы!

Все усилия Маргариты высвободиться из объятий злодея, казалось, были напрасны, она почувствовала уже на своем теле дерзкую руку, слышала горячее дыхание, но вдруг в эту решительную минуту в ней проявилась неимоверная сила.

Послышался громкий удар, вслед затем другой...

Барон Шлеве ощутил, как вспыхнули его щеки, посыпались искры из глаз, голова закружилась...

Он закрыл лицо руками, и Маргарита с такой силой оттолкнула его от себя, что он едва не свалился.

В следующую минуту она, совершенно оправившись, стояла перед растерявшимся бароном. Руки маленькой сирены жестоко наказали его.

– Змея, – прошипел он. – Я тебе покажу...

– Оставьте этот дом или я позову на помощь, – громко и решительно произнесла Маргарита.

– Думаешь, если тебе на этот раз удалось освободиться, то все уже позади, ошибаешься. Ты еще меня узнаешь! – проговорил барон, поправляя свой туалет, и взялся за шляпу. – Вы

своим платьем загасили свечу, – сказал он громко. – Зажгите ее немедленно и посветите мне вниз!

Маргарита с удивлением посмотрела на злодея; но она так глубоко презирала его, что не считала нужным что-либо отвечать. Паучиха исполнила за нее приказание; держа лампу в руках, она вошла в комнату.

– Без свечки? Ай-ай! – произнесла она с гадкой улыбкой.

Камергер указал на Маргариту.

– Это дикая и бессовестная особа, – я уйду!

– Вы, кажется, сердитесь, господин барон? – спросила старуха. – Вам, вероятно, жарко, щеки ваши пылают. Боюсь, вы можете простудиться! Или это румянец от здоровья?

– От здоровья! Впрочем, мой экипаж меня ждет.

Камергер вышел. Паучиха светила ему.

Внизу зазвенело, будто отсчитывали деньги.

Оставшись одна, Маргарита после пережитого страха и волнения горько разрыдалась; в самую тяжелую минуту у нее проявилась такая решительность, что всякий на ее месте невольно бы ей позавидовал, но теперь ею овладело полное отчаяние и уныние, она поняла, в каких руках находилась.

Но где искать выход?

Боже, куда она попала?!

Паучиха в сущности не очень сердилась за недавнюю сцену. Она хотела достигнуть с этой доставшейся ей красавицей многого. По меньшей мере зацепить принца.

Она обходилась с Маргаритой ласково, одобрила ее поступок и на следующий день старалась вкрасься в доверие молодой девушки. Она сожалела, что племянница ее до сих пор видела так мало радости, но теперь, якобы найдя ее, обещала вознаградить за все перенесенные беды.

Начались какие-то приготовления, и наконец Паучиха сообщила юной, неопытной девушке, что отправляется с нею на маскарад, который дается в знакомом ей доме.

Маргарита столько была наслышана об удовольствиях на подобных празднествах, что не могла не обрадоваться.

Она была так молода, так прекрасна, так доверчива, что, несмотря на недавний случай, не понимала планов подлой старухи.

Хотя госпожа Робер скрывала от девушки свои темные дела, от ее внимания не ускользало многое, что заставляло ее задуматься и пробуждало сострадание. К тому же она сознавала, что у госпожи Фукс девушке грозила участь еще ужаснее теперешней.

Цели этих двух темных личностей были одинаковы.

Х. Похищение с маскарада

Близ заставы, недалеко от столицы, возле самого парка, который летом переполнен экипажами, амазонками и гуляющими, находился большой замок, где любила бывать аристократия. И зимой и летом здесь можно было получить столько развлечений, что, не побывав там, нельзя себе представить их великолепия.

Парк с тенистыми деревьями, которые украшали золотые шары и зажженные по вечерам газовые лампы, с дивными цветами летом представлял собой прекрасное место отдыха или прогулки в антрактах между действиями опер или комедий, даваемых в роскошных залах.

Зимой же, когда происходят описываемые нами события, зады замка привлекали многочисленную публику. На костюмированных балах тут можно было встретить не только принцев и герцогов, но и дам высшего света, которые хотя бы раз хотели вкусить прелесть этого запретного плода: балы были весьма оживленными, вызвали какой-то особый интерес, имели какую-то притягательную силу.

Первый из этих восхитительных вечеров был уже назначен – наступивший холодный октябрь так и манил к зимним удовольствиям.

Около десяти часов вечера по освещенной дороге от заставы к замку, высокие окна которого были завешены, мчалось множество элегантных экипажей. Все спешили сюда хотя бы считанные минуты провести в царстве вечной весны, где веяло особой свободой и раскованностью.

Покои замка в самом деле были восхитительны.

Мы входим в залы одновременно с белым домино, которому негр помог выйти из экипажа. Он высок ростом, прекрасно сложен, и наряд его отличается изысканностью. На лице его черная шелковая маска, а на голове – шляпа.

Когда он миновал ярко освещенную переднюю, где тут и там толпились болтающие маски, лакеи поспешили отворить ему высокие двери.

Белое домино вошел в рыцарскую залу. Стены ее украшало оружие, в нишах стояли рыцарские доспехи; бесчисленные газовые рожки распространяли ослепительный свет.

Маски парами и поодиночке гуляли взад и вперед, громкая музыка доносилась из театральной залы, в которую вели два огромных портала. Тут кипела жизнь.

Арлекины с удивительной ловкостью лазали по стенам, управляясь со своими бубнами; глаза разбегались от ярких нарядов: каменный гость прохаживался под руку с дон Жуаном, маленькие гномы, играя, подкатывались под ноги веселым маскам.

Театральная зала, с изящными колоннами, громадными люстрами и мастерской росписью на стенах, могла вместить в себя более двух тысяч человек. Оркестр помещался на сцене, ложи пестрели масками, желавшими тайно поговорить друг с другом или с возвышения обозреть пеструю толпу; несколько сильфид сидели в нишах за зелеными шелковыми портьерами, заманивая к себе прохожих.

Из этой громадной залы через маленькую слабо освещенную залу можно было пройти в зимний сад.

Вы вдруг будто по мановению волшебной палочки переносились в лучшее время года. Здесь били фонтаны, в аромате душистых цветов манили к себе гроты.

Широкий и длинный сад магически освещался сверху так, что не видно было ни единого огонька, кроме разноцветных шаров в беседках. Птицы щебетали в листве деревьев, на которых висели созревшие плоды.

В мраморном бассейне плавали редкие морские животные и черепахи, а громадное зеркало на задней стене расширяло площадь этого сада до бесконечности.

Проходя мимо первого фонтана, белое домино увидел в стороне странную пару.

Изящная собирательница винограда, юность которой обнаруживала особая легкость движений, хотя черная маска скрывала ее лицо, шла под руку со старой сторбленной колдуньей.

Эбергард, а именно он скрывался под маской белого домино, невольно остановился – так на удивление хорош был костюм этой старой маски. Темно-красный плащ с капюшоном был накинут на плечи сторбленной колдуньи, а лицо скрывала безобразная старая маска. Одной рукой она крепко держала свою спутницу, а другой плотнее запахивала свой плащ. При этом она очень внимательно следила за всеми масками.

В прекрасных золотистых волосах собирательницы винограда были розы. Коротенькая, изящная юбка белой шелковой материи была отделана розовыми лентами; тонкие шелковые чулки и маленькие розовые башмаки обтягивали ее изящную ногу; юбка была до того коротка, что открывала очаровательные ножки, и можно было смело сказать, что эта маска была царницей бала. Даже двое эльфов в еще более коротких кисейных юбочках не могли сравниться с прекрасной собирательницей винограда, державшей в руках корзинку с плодами и цветами. Розовый шелковый корсаж слегка стягивал только что развившиеся формы; ее шея и руки были ослепительной белизны.

Эльфы с завистью осматривали юную виноградаршу с ног до головы и затем подошли к белому домино, потешаясь над тем, что он так внимательно смотрит вслед ей.

Эльфы, вероятно, были сестрами; они были в одинаковых масках, белых кисейных юбках, подобранных белыми же цветами, весьма коротких, со смелым вырезом в корсаже, их костюмы дополняли драгоценные ожерелья и изящные белые перчатки. Черные глаза их, сверкавшие из-под черных масок, кокетливо посматривали на Эбергарда.

– Ты любишься виноградаршей, белое домино? – прошептала одна из эльфов, проходя мимо Эбергарда. – Несчастный! Знаешь ли ты, кто ее провожата?

– Нет, прекрасный эльф, скажи мне это!

– Это Паучиха, ха-ха-ха, заманившая в свои сети нового жука! – сказала маска.

– Паучиха? – повторил Эбергард.

– О, белое домино, неужели ты не знаешь Паучихи? – проговорила одна из эльфов, между тем, как другая обратила ее внимание на элегантного рыцаря, только что вошедшего в сад.

– Бьюсь об заклад, что это лорд Фельтон, – прошептала она, уводя за собой свою спутницу.

«Это Кора и Лидия Болиус!» – сказал про себя Эбергард, глядя им вслед и не выпуская из виду сторбленную колдунью, которую эльфы называли Паучихой.

Рыцарь, пробравшись сквозь толпу масок, раскланялся с обеими дамами, которые со смехом написали ему на ладони большое Ф. Он нашел то, что искал, и вскоре уже сидел с соблазнительной Корой и очаровательной Лидией за шипучим шампанским в одной из прекрасных беседок, где сыпались шутка за шуткой.

В ту минуту, как белое домино, преследуя собирательницу винограда, входил в театральную залу, он заметил в стороне испанца, которого сопровождал хромой цыган, внимательно искавший кого-то глазами.

– Ваше королевское высочество, вы можете быть уверены, что тот разбойник – не кто иной, как принц Этьен, – прошептал цыган. – Он идет вслед за черным домино, которое, по всей вероятности, скрывает интересную личность – какой величественный рост!

Испанец ничего на это не ответил, но кого-то усердно искал; серые глаза цыгана зорко следили за ним, маска скрывала его хитрую усмешку.

– Господин барон, вы обещали мне привести сегодня ту невинную девушку, которую, наконец, с таким трудом разыскали.

– Разумеется, мой принц, я привел бы ее к вашему королевскому высочеству уже несколько дней тому назад, если бы маленькая Лорелея не была такой робкой! Я потерпел фиаско при последней попытке! – сказал хитрый камергер.

– Так предоставьте мне самому испробовать свое счастье!

– Потрудитесь последовать за мной.

– Так соблазнительная сирена в самом деле тут?

– Через несколько секунд она будет к вашим услугам, мой принц!

Камергер Шлеве, пройдя мимо белого домино, подошел к сгорбленной колдунье.

– Слушай, Паучиха, – сказал он так тихо, что Маргарита, или же виноградарша, не могла расслышать его слова и не узнала его. – Приведи твою спутницу в первую беседку сада – принц Вольдемар желает видеть ее.

– Хорошо, господин барон! – Паучиха с благодарностью пожала руку камергера. – Поспешу! Знаете ли вы того турка, который нас рассматривает?

– Это старый лорд Уд, чего же ему смотреть? Вот и это белое домино тоже не спускает с вас глаз! Маски часто ошибаются. Стало быть, в первой беседке налево!

В то время как цыган весьма бесцеремонно повернулся к ней спиной, Паучиха повела свою спутницу в сад; Маргарита следовала за ней, не подозревая ничего дурного, так как госпожа Робер выразила желание присесть.

– Посмотри на эти роскошные беседки, моя дорогая, – тихо проговорила хитрая старуха, – не правда ли, нам здесь будет прекрасно.

Старая колдунья уже заранее рассчитывала, как щедро наградит ее принц.

Маргарита, которую Паучиха крепко держала за руку, прошла мимо цветущих пальм и апельсиновых деревьев, и затем они обе вошли в беседку, сверху донизу обвитую плющом. С дорожек сада беседку эту нельзя было разглядеть, тем более что вход был завешен зеленой портьерой. Колокольчиком, висевшим на стене, можно было призвать слуг. Изящный стол, над которым висела красная матовая лампа, множество кресел и элегантное зеркало составляли убранство этого уютного кабинета.

После того как Паучиха со вздохом и кашлем уселась и Маргарита сняла с себя маску, так как было очень жарко, с дорожки, окруженной деревьями, довольно ясно послышались слова:

– Идите вперед, господин барон, а я тем временем сумею оценить вашу находку!

Цыган подошел к беседке, в которой сидели Маргарита с Паучихой. Увидав незнакомого господина, девушка попросила сгорбленную старуху сыскать другую беседку.

– Это отчего, милое дитя? – спросила госпожа Робер. – Ведь мы первые заняли эти места! Да и цыган не причинит нам никакого зла!

Цыган с поклоном подошел ближе; на этот раз следовало быть поосторожней, так как принц находился поблизости, но ему очень хотелось испугать девушку, оказавшую сопротивление. Он уже готов был свалить всю вину на нее в случае, если Маргарита при близком знакомстве с принцем вздумает донести на него.

Паучиха встала, чтобы ответить на поклон камергера, который снял маску. Улыбка искажала его лицо, Маргарита не ошиблась: хромой цыган был тем самым злодеем, которого она несколько дней назад оттолкнула от себя! Он, казалось, все еще готов был преследовать ее: улыбка его была так хитра, так вкрадчива, что Маргариту при взгляде на него обдало холодом.

– Вы опять побледнели, маленькая сирена, – прошептал он. – Разве я так страшен?

Паучиха хрипло захохотала, Маргарите стало так страшно рядом с этими двумя злодеями, которые отлично понимали друг друга, что она, вырвавшись из костлявых рук старухи, хотела было бежать – Паучиха жадно протянула за ней руки, барон удержал ее, указав на аллею, что вела к беседке.

Маргарита увидала перед собой юношу в элегантной одежде испанца, он снял маску, приветливо глядя на нее. Маргарите показалось, что это сон – она остановилась как вкопанная: человек, которого она увидала, который ласково протягивал ей руку, был тот самый юноша, которого она когда-то видела во сне, в этом не было сомнения. Сердце ее сильно забилося, между тем как язык отказывался ей служить.

Странная встреча!

Принц, исполненный удивления при виде прекрасной девушки, подошел ближе.

– Наконец-то я вас нашел! – прошептал он, схватив маленькую руку Маргариты. – Я видел вас однажды на дороге, и с тех пор ваш образ преследует меня днем и ночью! Войдемте в беседку! Ваш взгляд, ваше молчание говорят мне, что вы не откажете мне в моей просьбе!

– Защитите меня от того господина, который уже в третий раз преследует меня! – едва слышно проговорила Маргарита, входя с принцем в беседку.

– Моя племянница Маргарита! – представила девушку старуха.

– Прекрасная Маргарита – царица бала, и это высокое отличие как нельзя более подходит ей одной! – иронически прибавил камергер.

Маргарита была так удивлена встрече, что не обратила внимание на эти слова и все не спускала глаз с принца, как бы желая сохранить в своей памяти эти дорогие для нее черты. Она была сильно взволнована; какой-то тайный голос нашептывал ей: «Вот кого недоставало до сих пор в твоей жизни!»

Она покраснела, когда взоры их встретились; радость ее была безгранична, и вскоре, собравшись с духом, она могла отвечать на все его вопросы. Она рассказала ему, как образ его был неразлучен с ней с тех пор, как она в первый раз увидела его, как она мечтала о нем и днем и ночью. Он радовался, глядя на нее; в эту минуту она показалась ему еще прекраснее прежнего, но скоро радость его сменилась тайной грустью, так как он увидел, что ее сопровождает госпожа Робер, дурная репутация которой была ему известна!

Камергер Шлеве был прав, называя принца странным человеком. Его никогда не беспокоила частная жизнь знакомых дам, однако на него так неприятно подействовала мысль, что Маргарита находится в руках госпожи Робер, что он поручил барону переговорить со старухой, решив освободить девушку из когтей этой старой колдуньи.

Хитрый камергер несколько не удивился приказанию принца, он уже предвидел последствия и радовался, что принц все больше и больше запутывается в его сетях. А если принцу удастся без труда завладеть этой девушкой, что сильно занимало его в последнее время, каприз его будет удовлетворен, и тогда настанет время, когда принц будет в его полном распоряжении.

Он оказывал принцу, беседовавшему с Маргаритой, двойную услугу тем, что удалился из беседки вместе с Паучихой. Надев маски, они оба пошли к фонтану – он, уговорившись со старухой обо всем, оставил ее одну, после того как взял с нее обещание оставить маскарад.

Он хотел воспользоваться свободной минутой для очень важных переговоров. Камергер искал глазами величественное черное домино, которое прошло в театральную залу вместе с принцем Этьеном. Хотя он не обмолвился с нею ни словом, однако ни на минуту не сомневался, что это домино – мисс Брэндон, его союзница.

Напрасно он искал ее в беседках сада, между гулявшими по залам масками. Но камергер Шлеве не любил останавливаться на полпути! Рядом с Эбергардом, шедшим с кавалером де Вилларанка, он прошел на балюстраду, вдоль которой в стенах были уютные ниши, завешенные портьерами.

Прислушавшись несколько минут у одной ниши, он отправился ко второй; казалось, он напал на след – из второй ниши раздавались звуки, которые привлекли его внимание. Полумрак, царивший здесь, благоприятствовал тому, что он незаметно и неслышно подошел сбоку к тому месту, где половины портьеры образовали едва заметную щель; торжествующая улыбка просияла на его бледном лице – в нише стояла прекрасная Леона, а перед ней – принц Этьен. Оба были без масок.

– Наконец-то я имею счастье видеть вас одну и говорить с вами, гордая и недостижимая женщина, – в волнении говорил французский принц. – Я ослеплен вами. Не будьте так жестоки, мисс Брэндон, не улыбайтесь так холодно, будто вы издеваетесь над человеческими страстями – такое испытание выше моих сил!

– Вы очень несдержаны, мой принц! – тихо проговорила Леона с такой соблазнительной грацией, что и камергер должен был сознаться, что эта женщина создана для того, чтобы не только львы, но и все мужчины лежали у ее ног.

– Я долго таил в себе непреодолимое желание объясниться вам, Леона, но теперь, после того как вы удостоили меня блаженства держать вашу руку, было бы танталовыми муками потребовать от меня спокойствия и холодности! Нет-нет, прекрасная Юнона, знай же, я люблю тебя со всей силой своей души, со всей своей страстью! – принц опустился на колени, целуя ее руку.

Черное домино, скрывавшее до сих пор стан Леоны, распахнулось, и взволнованный поклонник увидел перед собой чудные формы этой холодно улыбавшейся женщины, слегка стянутые платьем.

– Я знаю, что я сумасшедший, – продолжал принц, – но не откажи, дорогая, мне прикоснуться к твоему стану, – проговорил принц и, возбужденный страстью, еще ниже склонился, чтобы поцеловать ее божественную ножку.

– Мой принц, нас могут подслушать!

– Есть степень страсти, когда никто и ничто не может остановить или удержать человека; позволь тебя обнять, знай, я пожертвовал бы всем, решительно всем, чтобы только иметь блаженство хоть на час забыться в твоих объятиях.

Лицо Леоны выражало в эту минуту странную смесь торжества и презрения; она видела у ног своих высокопоставленного, умного, прекрасного человека, низвергнутого в прах силой страсти – снова ей удалось повергнуть к своим ногам гордого сановника! Никто не мог противостать ей, никто не имел силы быть равнодушным к ее прелестям, кроме одного, с которым однажды связала ее таинственная клятва, которого она ненавидела больше всего на свете и погубить которого было ее единственной целью.

– Возвратимся в залу, мой принц, – проговорила она, наконец, протягивая руку стоящему на коленях принцу. – Рано или поздно вы будете иметь случай продемонстрировать мне, было ли ваше признание только пустой фразой или вы действительно готовы доказать Леоне вашу искреннюю дружбу!

– Не спрашивайте – приказывайте, Леона, и – наградите!

– У вас не будет оснований жаловаться на мою скупость. А сегодня я и так допустила уже слишком много, мой принц. Проводите меня в залу.

Убедившись, что мисс Брэндон вполне оправдала его ожидания, камергер Шлеве тихо сошел с лестницы в театральную залу; он надеялся в этот вечер непременно переговорить с Леоной и узнать от нее, каким образом граф Монте-Веро был спасен Гэрри.

Тут камергер, к своему удивлению, увидел сторбленную колдунью, которая, по его расчету, должна была быть уже на дороге домой. Ее сопровождал турок, под маской которого скрывался старый лорд Уд.

Какое дело мог иметь к Паучихе обыкновенно сухой и холодный англичанин?

Камергер Шлеве вспомнил, что госпожа Робер уже прежде упоминала о турке, который, по ее словам, не спускал глаз с Маргариты. Без сомнения, они говорили о вещах, которые могли бы интересовать барона, и он решил незаметно понаблюдать за ними.

– Я говорю об очаровательной блондинке, – вполголоса сказал лорд Уд, обращаясь к госпоже Робер. – Я видел ее прежде с вами и не мог налюбоваться! Прелестный ребенок! Ради Бога, скажите, куда она исчезла?

– Не могу, не смею, ваше превосходительство, это секрет! – с важностью ответила Паучиха.

– Я очень беспокоюсь о ней, – сознался старый лорд. – Вы знаете, госпожа Робер, я в состоянии платить! Я пожертвовал бы порядочной суммой, если бы только мог поговорить с прелестной блондинкой! Назначайте любую сумму, госпожа Робер.

«О, лорду Уду тоже понравилась маленькая сирена, число ее поклонников увеличивается! Вот теперь-то этот вечер становится интересным!» – подумал камергер.

– Посоветуйте же мне что-нибудь, любезная волшебница! – продолжал лорд, воображая, что никто не узнает его в костюме турка.

– Остается только похитить ее! – хрипло засмеялась Паучиха.

– Похитить? Превосходно! Мой экипаж внизу, не надо терять ни минуты, я сгораю от нетерпения!

– Вижу, вы не шутя влюбились в мою прелестную племянницу, я в самом деле завидую ей и вспоминаю с неудовольствием собственную юность, что прошла совершенно иначе.

– Окажите же мне содействие, пойдемте к вашей племяннице! Похищение – великолепная мысль!

– Но ее не так-то легко привести в исполнение, ваше превосходительство!

– Это отчего? Что может меня удержать?

– Подле моей племянницы в первой беседке сидит очень знатный и богатый поклонник!

– Знатный и богатый? – удивился лорд. – Какую же сумму он вам обещал?

– Пятьсот талеров, ваше превосходительство! – ответила хитрая старуха.

– Черт возьми, но девушка эта истинная жемчужина. Должен сознаться, маленькая блондинка очаровательна! Я тут же даю вам вдвое больше, если вы окажете мне содействие при похищении!

Камергер Шлеве заметил, что слова лорда произвели на колдунью желанное действие.

– Это очень затруднительно, ваше превосходительство! Но моя уверенность, что вы ошастливите мою племянницу, придает мне решимости. Я не хотела бы доверить это милое, очаровательное дитя дурным людям, а на вас я надеюсь, вы не сделаете ей хуже и, по всей вероятности, долго сохраните привязанность к этой невинной девушке, а потому надо...

– Ну, что же надо? – прервал лорд в нетерпении.

– Надо постараться непременно освободить мою племянницу Маргариту из рук ее теперешнего поклонника. О, не пугайтесь, этот богатый и знатный господин увидал ее в первый раз только полчаса тому назад!

– Он нам может помешать!

– Нет, ничего, дело уладится! Выслушайте меня, ваше превосходительство! В то время, как вы будете приказывать кучеру подавать, я пойду в беседку! Поклонник ее воспользуется этой минутой, чтобы также сделать нужные приготовления к отъезду, следовательно, оставит ее одну со мной! Ваше превосходительство потрудится затем войти к нам, а все остальное предоставьте мне! Я доведу очаровательную Маргариту до вашей кареты, она немного дичится, но со временем это пройдет! Кучер погонит лошадей, и вы увезете мою племянницу!

– Превосходно! – Лорд был вне себя от радости.

– Если же дело примет дурной оборот, то я постоянно к вашим услугам, чтобы оправдать даже перед судом ваше похищение!

– Вы превосходная, умная женщина, только не теряйте ни минуты! Я сам схожу к Адаму, моему кучеру, отошлю камердинера, который может только помешать мне, с приказанием приготовить мне в моем дворце ужин, а затем возвращусь к вам в беседку! – с удовольствием произнес старый лорд. – Это презабавно! Я похищаю маленькую соблазнительную блондинку!

Паучиха тоже смеялась вместе с его превосходительством, который сунул ей в руку две ассигнации, и отправилась, не оглядываясь, в сад, между тем как лорд поспешил через рыцарскую залу, чтобы отдать нужные приказания кучеру. Камергер Шлеве со смехом смотрел им вслед, но вскоре лицо его приняло серьезное выражение – он принимал твердое решение.

Паучиха не ошиблась! Когда она вошла в беседку, принц Вольдемар выразил намерение удалиться на несколько секунд, так как барон Шлеве долго не возвращался. Он извинился

перед Маргаритой и попросил подождать его – он не в состоянии лишить себя удовольствия довести ее до дома в своем экипаже.

Проходя мимо фонтана, принц увидел цыгана, очевидно, поджидавшего его.

– Где вы пропадали, господин барон? – тихо спросил принц. – Потрудитесь приказать кучеру подавать!

– Одну минуту, ваше королевское высочество, – улыбнулся камергер. – Одну минуту, тут разыгрывается восхитительная интрига!

– Говорите, но скорее, я намерен отвезти очаровательную блондинку в свою виллу близ парка!

– Две мили ночью...

– Если бы их было десять, господин барон, и если бы я был принужден сам править лошадьми – для меня это не составило бы труда, – произнес принц с таким энтузиазмом, какого у него камергер Шлеве прежде никогда не замечал. Очевидно, принц не на шутку влюбился в прелестную Маргариту.

– Это что-то вроде похищения? – с улыбкой заметил Шлеве.

– Вы переговорили уже с госпожой Робер обо всем? – спросил принц, не слышавший последнего замечания камергера.

– Да, ваше королевское высочество, но старый лорд Уд намерен опередить вас! Он приготовил уже свой экипаж! Вот и он сам в костюме турка! Он войдет в беседку к прекрасной сирене, которую поведет к экипажу с помощью колдуньи, и...

– Не с ума ли сошел этот старый англичанин?! – воскликнул принц Вольдемар. – Он имеет намерение...

– Похитить Маргариту, да, действительно, ваше королевское высочество!

– Этого не должно произойти, или я этого лорда Уда...

– Его превосходительство – английский посланник, ваше королевское высочество, – напомнил ему камергер.

– Вы правы: он направляется к беседке; я сниму с себя маску, и тогда у него пройдет охота к похищению!

– Не предпочтете ли вы похитить эту очаровательную добычу из-под носа старого лорда Уда? – спросил Шлеве.

Принц остановился.

– Разумеется, но каким образом?

– Ваше королевское высочество сказали сейчас, что вам нетрудно было бы самому править лошадьми, – проговорил камергер. – Мне кажется, было бы презабавно, если бы...

И тут барон, нагнувшись к принцу и говоря ему что-то на ухо, прошел вместе с ним через театральную залу. Предложение, очевидно, понравилось, так как принц от души смеялся над выдумкой камергера. В то время как оба незамеченно прошли сквозь толпу масок через залы к экипажам и камергер наконец нашел карету английского посланника, лорд Уд, в веселом расположении духа подходил к беседке, где сгорбленная колдунья сидела с очаровательной виноградаршей, которая очень понравилась старому лорду. Прекрасная фигура, чудные золотистые волосы, голубые глаза – все это так увлекло англичанина, что он был вне себя от радости, увидев, что хитрой госпоже Робер удалось устранить ее первого поклонника.

Войдя в беседку, турок поклонился госпоже Робер как старой знакомой, а затем смело поцеловал руку Маргарите и шепнул что-то на ухо Паучихе, которая поспешно взяла Маргариту за руку, чтобы оставить беседку.

– Пора, милое дитя! – сказала она, внимательно высматривая между масками, нет ли поблизости принца. – Мы воспользуемся услугами этого господина, который выразил желание довести нас до дому, так как идет сильный дождь!

Девушка хотела было что-то возразить, но слова Паучихи были так решительны, что она повиновалась; она глазами искала того прекрасного юношу, который обещал возвратиться, но его нигде не было.

Английский посланник радостно шел за старой колдуньей, уже заранее предвкушая все прелести наслаждения обществом прелестной блондинки.

Двери отворились, множество масок направлялись к экипажам, так что на портале стало тесно.

Турок быстро, насколько ему позволяли немолодые ноги, сошел вниз по ступеням, позвал кучера, обернулся к Маргарите и сам отворил дверцы. Девушка, не подозревая, что сделалась жертвой коварной сделки, села в элегантный экипаж, лорд последовал за ней. Паучиху оттеснила от них нахлынувшая толпа.

Маргарита хотела выйти, но турок запер дверцы, лошади тронули, и лорд Уд остался наедине с очаровательной виноградаршей!

Все это было делом одной минуты!

Девушка хотела позвать на помощь, отворить дверцы, но турок просил ее успокоиться, уверяя, что отвезет ее назад к госпоже Робер. Между тем лошади так быстро мчались мимо парка, что Маргарита, растерявшись, не знала, на что решиться. Дрожащим голосом просила она своего спутника, которого не знала, но почтенная наружность которого вызывала в ней доверие, везти ее домой на Кладбищенскую улицу.

Лорд Уд, ласково улыбаясь, обещал ей это и стал утешать отчаявшуюся девушку. Он был так ласков, а седые волосы его так благоприятствовали его уверениям, – что Маргарита, наконец, доверилась ему.

Седина старого ловеласа обманывала ее. Произнося отечески ласковые речи, лорд рисовал в своем воображении, какое наслаждение принесет ему общество этой очаровательной девушки. Он видел уже, как в своем особняке, сидя рядом с ней на оттоманке, подносит ей шипучее шампанское, даже придумал, что будет говорить в утешение прекрасной девушке, и был уверен, что когда она увидит всю роскошь его обстановки, то будет счастлива своим новым положением.

Экипаж остановился перед роскошным особняком английского посольства, лакеи поспешили отворить дверцы.

Старый лорд Уд сделал им знак отойти и сам выскочил с ловкостью молодого человека. Затем обратился к прекрасной виноградарше. В ту же минуту лошади тронули. Лорд стал звать слуг, но с козел его кареты громко и насмешливо послышалось:

– Это маскарадная шутка, лорд Уд. Имею честь...

Экипаж умчался. Чей это был голос? Его превосходительство приказал лакеям погнаться за каретой и остановить ее. Он был безутешен.

– Адам поехал к конюшням, ваше превосходительство! – отвечал удивленный Лакей.

Лорд Уд с унынием смотрел вслед умчавшейся девушке, которую ему не удалось похитить. И ему некому было даже сказать о причине своего гнева. Вся злоба его обратилась на лакеев, которые подавали ужин. Его превосходительству пришлось ужинать в одиночестве.

На следующее утро кучер, которого Шлеве уговорил уступить свое место испанцу, принес разгневанному лорду письмо следующего содержания:

*«Податель сей записки вовсе не причастен к маскарадной шутке
вчерашней ночи. Потому надеюсь, ваше превосходительство не окажет ему
немилости!*

Преданный вам Вольдемар».

«Стало быть, принц сыграл со мной эту шутку, принц похитил у меня очаровательную девушку, и, может быть, по ее желанию», – говорил про себя с горькой усмешкой лорд Уд. Он

даже не смел выгнать кучера, так как тем самым рассердил бы принца Вольдемара, который сделал бы его предметом всеобщих насмешек.

XI. Трактир «Белый медведь»

Прошло несколько недель после рассказанного нами в предыдущей главе. За холодной и суровой осенью последовала зима, еще более холодная, земля оделась в белоснежный наряд, небо покрывали низкие темные тучи, казалось, оно никогда более не прояснится.

Эта мрачная погода оказывала сильное влияние на Эбергарда, и без того потрясенного до глубины души. Он стоял посреди кабинета, выронив перо, его глаза были задумчиво устремлены вдаль; он мысленно рисовал себе картины, которые сильно волновали его, он видел свою дочь в нужде и нищете, слышал, как она жалобным голосом зовет отца и мать, как на каждом шагу встречает искушения.

– Пойдем, следуй за мной, – манил ее чей-то голос. – Отчего ты терпишь нужду, отчего проливаешь слезы? Ты прекрасна, ты будешь счастлива, если последуешь за мной! Ты отворачиваешься? Хочешь оставаться в нужде и горе, между тем как все вокруг наслаждаются? Жизнь коротка, опомнись, пока еще есть время!

Эбергард видел, что его потерянная дочь готова поддаться искушению, с какой радостью она смотрела на предлагаемые ей золото, шелка и серебро, как, улыбаясь, слушала рассказы об удовольствиях жизни.

– Дитя мое! – воскликнул он, принимая сон за явь. – Бедное дитя мое, не слушай, не следуй искушению!

Но искушение имело желанное действие на прекрасную девушку – чтобы забыть нищету, нужду и горе, она слепо ринулась в бездну удовольствий.

– Дитя мое! – восклицал Эбергард в отчаянии. – Сжальтесь, сжальтесь над моей бедной дочерью!

– Она погибла, – прозвучало над ним, – уже поздно!

Картины, что рисовало воображение, исчезли. Мартин вошел в кабинет. Граф Монте-Веро обратился к своему верному слуге:

– Ну что, Мартин? – спросил он дрогнувшим голосом.

– Сегодня господин Эбергард должен встретить в том трактире Фукса.

– Ты знаешь человека, который дал тебе это обещание?

– Как вам сказать, господин Эбергард, – отвечал Мартин в некотором смущении, – его зовут Дольман, я был с ним однажды в компании. В нем мало хорошего!

– Но ты полагаешь, он сдержит слово?

– Могу поклясться!

– Так пойдем с наступлением ночи в тот отдаленный трактир; принеси мне платье, которое я обыкновенно надеваю в таких случаях, – приказал Эбергард и, когда Мартин вышел, прибавил: – Даст Бог, на этот раз мои старания не будут напрасными!

Начало смеркаться, ветер глухо завывал, швыряясь по сторонам хлопьями снега; люди плотнее кутались в шинели и плащи, поспешно направляясь по домам. Извозчики, стоявшие на углах улиц, поминутно вытаскивали бутылки с ромом и хлопали руками, чтобы согреться; на мостах раздавались жалобные голоса детей госпожи Фукс, дрожавших от холода.

В этот мрачный, суровый вечер по одной из глухих улиц столицы двое быстро шли к заставе, чтобы через предместье выйти в открытое поле. Они торопились, так как ночная стража, которой у них были основания бояться, уже занимала свои места. Оба были высокого роста и крепкого сложения, и на обоих была потертая, поношенная одежда.

– Ну, вот мы и на площади, – сказал один из них, на голове которого была надета испанская шляпа, которую он, подходя к знакомому ему месту, сдвинул со лба, так что можно было видеть темные глаза, опущенные длинными темными ресницами, и черную густую бороду, обрамлявшую его лицо.

– О, да ведь это церковная площадь, там на углу есть надпись! – отвечал ему пропитым голосом другой, одутловатое лицо которого свидетельствовало о его пристрастии к крепким напиткам. – Ночь будет очень холодной, Дольман, для нас настает плохое время!

– Ну, так что же, что холодно, этой беде можно помочь, доктор, надо изнутри подавать больше жару в «Белом Медведе», тогда будет тепло!

– Если бы только всегда хватало денег заплатить! Трактирщик Леопольд такой скряга, и тупоумный Рольф тоже, они ничего не дают взаймы, времена настали скверные!

– Надо сделать опять что-нибудь, чтобы какое-то время жить без нужды! Так, как сделал Фукс три месяца назад.

– Но за ним следуют по пятам!

– Он ничего не боится, вот уже неделя, как он каждый вечер ходит в «Белого Медведя»! Ну, а первый, кто осмелится подойти к нему, останется на месте, он только с виду такой кроткий, – возразил Дольман. – В делах у него какой-то секрет, похоже, этот лысый вредит мне – он тоже занимается удушением!

– Ты кричишь о себе больше, чем делаешь. Я знаю, ты душил только собак!

– Это ремесло не в моем вкусе, пусть этим занимается палач!

– Твой брат? Но он же тебе платит!

– Не даром же, но тише! С тобой надо быть поосторожней, ты пьяным родного отца предал! Сам ты отделался даровой квартирой на пять лет, а он не вынес мучений и умер! Это похоже на тебя! Я и сам, если взбешусь, если чем-нибудь завладею, так уж ни за что не выпущу из рук!

– С бутылкой и я такой же! – отвечал, смеясь, тот, которого Дольман назвал доктором. Смех его был так отвратителен, будто он хотел этим заглушить слова Дольмана.

Дома, мимо которых они проходили, становились все меньше и ниже; здесь уже не встречалось фонарей.

Эти двое, обыкновенно проводившие ночи в парке вместе со многими подобными им бездомными, среди которых были и женщины всех возрастов, вышли наконец на дорогу, тянущуюся вплоть до парка. Эта пустынная песчаная дорога называлась Тополевой аллеей. Строений на ней не было, лишь изредка кое-где встречалось что-то вроде сараев, а дальше совершенно отдельно находился трактир, или постоялый двор «Белый Медведь», но для постоя сюда никто не являлся. Этот трактир служил скорее местом сходимки темных людей, оставаться среди которых было крайне опасно, особенно если в кармане звенело хотя бы несколько грошей. Когда оба мошенника вышли, наконец, на Тополевую аллею, ветер особенно уныло завыл в деревьях.

– Надо хорошенько выпить сегодня! – сказал доктор, плотнее закутываясь в свой дырявый летний сюртук и согревая в карманах окоченевшие руки.

Из далекого города донесся бой башенных часов. Пробило одиннадцать.

– Тс, не идет ли там человек? – прислушался Дольман.

– Кажется, там двое, – возразил доктор. – Наверно, не чужие!

Теперь справа от дороги виднелся трактир. Это была низенькая, полуразвалившаяся лачуга, с худой крышей, маленькими подслеповатыми окнами и покосившейся от ветхости дверью. По обеим сторонам двери торчали шесты, к которым была прибита вывеска с едва заметными очертаниями белого медведя. Позади дома тянулся полуразвалившийся забор. Фонаря не было. Хозяин, или трактирщик Леопольд, как его звали все, занимавшийся укрывательством краденого, знал, что гости его и без фонаря найдут его дом!

Из-за темноты Дольман и доктор сочли одного человека, несшего мешок, за двоих.

– О, да это сам хозяин! – сказал Дольман. – Откуда он так поздно? Ведь он не очень-то любит оставлять трактир на одного тупоумного Рольфа, верно, опять сделал выгодное дельце – что-то тащит!

– Добрый вечер, господин Леопольд, – сказал доктор, снимая шапку. – Вы должны заплатить тут таможенные пошлины!

С этими словами толстый доктор, который в самом деле когда-то учился медицине, встал в дверях, не пропуская хозяина. Старик, казалось, не обратил на него внимания, а подойдя ближе к Дольману, заглянул через дырявую занавеску внутрь.

– Воздух чистый, там сидит Фукс! – заметил Дольман.

– Вот и хорошо! Сегодня он пришел вовремя, – проговорил тощий Леопольд хриплым голосом. – Ну, пустите!

– Вы сегодня в дурном расположении духа – один с такой тяжелой ношей! – заметил доктор, с любопытством ощупывая его мешок.

– Не трогайте и не суйте во все нос! – огрызнулся Леопольд. Он вошел в прихожую и, отворив дверь маленькой комнатки, уложил там мешок и запер дверь на ключ.

Отвратительный запах обдал их при входе в комнату, но все трое, казалось, не чувствовали его.

В низеньком помещении, полном дыма, было двое гостей. Один, которого Дольман назвал Фуксом, сидел задумчиво за столом; перед ним стоял стакан с водкой и тарелка с остатками колбасы. Он был невысокого роста, худощавым. На нем был светло-коричневый сюртук, темный жилет, застегнутый до верха, на столе подле него лежала старая серая шляпа.

Лицо Фукса казалось совершенно спокойным, а между тем человек этот был опасным преступником, который обвинялся во множестве убийств, совершенных в последнее время. Позже мы узнаем биографию этого злодея. У него была большая лысина, сизые усы его были редкими, но, по-видимому, составляли немалую гордость владельца, так как он постоянно поглаживал и закручивал их; щеки его были впалыми и желтыми, что говорило о его болезненности, только серые, живые глаза Фукса свидетельствовали, что он вовсе не так спокоен, каким кажется.

Второй гость «Белого Медведя» сидел поодаль от Фукса за другим столом. На нем была грязная белая шапка, какие носят гимнасты и которую он, вероятно, нашел на гимнастической арене и носил за неимением другой.

Он был еще молод, но у него было лицо закоренелого преступника; в его глубоко ввалившихся, воспаленных глазах с пытливым взором было что-то отталкивающее. Жесткая рыжая борода и усы дали ему кличку Рыжий Эде. Когда Рыжий Эде был при деньгах, он мог казаться истым джентльменом; к тому же он обладал изысканным красноречием. В настоящую минуту дела его были плохи. Грязно-белая шапка, неряшливый нанковый сюртук, не подходившие к этому времени года, и дырявые сапоги не позволяли ему пускаться на промысел. Рыжий Эде ждал только удобного случая, чтобы, подобно Фуксу, при помощи одного отчаянного дела выпутаться из стесненного положения.

Но прежде чем посмотреть, что происходило в эту ночь в трактире «Белый Медведь», мы должны упомянуть еще об одной личности, сидевшей в комнате, наполненной дымом, о Рольфе, правой руке хозяина Леопольда.

Рольф был человеком лет тридцати, маленького роста, сутуловатым, но с огромными руками и ногами. Хотя он походил на идиота, но несколько не заслуживал такого названия; он был глухонемым и потому оказался незаменимым для старого скупщика краденого. К тому же он обладал удивительной физической силой, что тоже было очень важно для слабого, дряхлого хозяина. Откуда он попал к нему – никто не знал.

Рольф постоянно сидел за прилавком, который находился у задней стены, возле двери, которая вела во двор и в поле. Только его голова и широкие плечи виднелись из-за прилавка, откуда он подымался, протягивая руку за деньгами, если посетитель подавал ему знак. Рольф превосходно понимал эти знаки, тем более что выбор кушаний и напитков здесь был невелик. Хлеб, колбаса и несколько бутылок рома, водки и пива – вот и весь товар. Лицо его было

полным и безбородым, глаза – без всякого выражения, только когда он сердился, они краснели и становились дикими.

Лицо Рольфа омрачилось, когда в двери показался хозяин, – он ненавидел Леопольда, но, конечно, скрывал это. Хозяин пожелал своим гостям доброго вечера и любезно кивнул Фуксу; они, казалось, были старыми знакомыми.

– Ну, что ты сегодня притащил? – спросил Рыжий Эде. – Наверно, уж все припрятал?

Рыжий Эде знал все углы трактира, чего не каждый удостоивался. Он видел кладовую и комнату самого Леопольда, когда некоторое время назад, находясь при лучших обстоятельствах, пил там вино с доктором и другими друзьями.

Старый скупщик ничего не ответил, доктор и Дольман, подсевшие к Рыжему Эде, заметили, что хозяин в дурном расположении духа. Леопольд взял у Рольфа несколько вырученных грошей, окинул взглядом съестные припасы и подсел к Фуксу, только что допившему свой стакан.

– Подлец, – прошептал он. – Кастелян отобрал у меня все деньги на пустяки! Он ни на что не годится! Вот теперь надо бы обделать дельце!

– Да говори же ты толком, старик! – проворчал лысый человек с серыми глазами.

– Есть на примете богатый, очень богатый человек; некоторое время назад он был здесь и раздавал деньги и вещи – Дольман назвал его Эбергардом, – вот здесь можно было бы пожить!

– Эбергард? – повторил Фукс, пожимая плечам».

– Дольман его знает, а где он живет – можно разведать, он имеет деньги!

Фукс молчал.

– О, да ты еще важничаешь! – подхватил скупщик, заметивший расточительность Эбергарда и пожелавший использовать ее с выгодой для себя. – Верно, ты опять зарыл пакеты с деньгами в роще?

– Молчи, старина, или...

В эту минуту дверь отворилась. Увидев вошедших, тощий Леопольд не поверил собственным глазам и быстро шепнул Фуксу:

– Это и есть Эбергард!

Фукс с ног до головы осмотрел высокого господина в светло-коричневом пальто, с густой русой бородой и в высокой испанской шляпе, который вошел в сопровождении рослого, по-видимому, очень сильного человека и поздоровался с присутствующими.

Трое мужчин, сидевших за столом в углу, также обернулись к вошедшим; Дольман, не вставая, поклонился подошедшему к нему Мартину.

– Старик в барыше, если его навещают такие гости! – сказал он.

Мартин подал Дольману руку и подсел к нему, Эбергард последовал его примеру. Он подозвал к себе Леопольда и приказал принести бутылку рома и стаканы.

В то время как тупоумный Рольф по знаку Леопольда подносил гостям вино, Эбергард оглядел комнату. Затем он встал и заплатил хозяину талер. Между тем доктор и рыжий Эде пили за него и развеселились. Глаза Леопольда заблестали, когда он увидел, что странный гость имеет при себе полный кошелек денег, при этом он принял такой смиренный вид, якобы был честнейшим человеком в мире. Дольман, усердно налегавший вместе с друзьями на ром, казался опаснее его.

Когда Эбергард возвратился к столу, Мартин, улучив удобную минуту, шепнул:

– Вот это Фукс. Дольман не обманул нас.

Эбергард осторожно посмотрел на указанного человека, который, в свою очередь, не спускал с него глаз, так как видел при нем деньги.

Эбергард присоединился к разговору, завязавшемуся за столом, и делал вид, что вовсе не замечает ни Леопольда, ни Фукса, хотя внимательно осмотрел бывшего канцеляриста, кото-

рый мог сообщить ему сведения о дочери. Только человек с таким твердым характером, как у Эбергарда, мог скрыть свое внутреннее волнение.

– Его дела то хороши, то плохи! – сказал Дольман, указывая на Рыжего Эде, который ждал удобного случая, чтобы выпросить у Леопольда карты и обыграть новых гостей, имевших в кармане деньги.

– Теперь же его дела никуда не годные, как и у меня! – прибавил доктор пропитым голосом.

– Каким же ремеслом вы занимаетесь? – спросил Эбергард, обращаясь к Рыжему Эде.

– Ремеслом? Гм! Одним словом, мое ремесло – мой язык! – отвечал рыжебородый, сняв грязную белую шапку и отложив ее в сторону.

– Он заманивает добычу! – пояснил Дольман.

В эту минуту дверь снова быстро распахнулась и в комнату вбежал человек без шапки и бледный, как полотно.

– Сегодня рация – они идут! – проговорил он, с трудом переводя дыхание; он явился для того, чтобы предостеречь своих ночных товарищей. – Через четверть часа они будут здесь! Живей!

Слово рация, очень хорошо известное каждому из них, произвело магическое действие.

Это значило, что полиция посетила парк, чтобы изловить бродяг и преступников, укрывшихся в лесу. Такая рация производилась так неожиданно, что она всегда имела успех: не только парк, но дороги и дома, а тем более трактир при этом подвергались тщательному осмотру. Трактирщик был очень осторожен с укрываемыми краденными вещами, за гостей он не отвечал.

– Кастелян! – воскликнул Рыжий Эде, вскочив прежде, чем человек показался в дверях. Свое прозвище кастелян, вбежавший в комнату, заслужил тем, что, будучи когда-то кузнецом, всегда имел при себе много ключей, с помощью которых ему часто в ночное время удавалось отпирать без шума чужие двери.

Скоро мы ближе познакомимся с этим молодцом, но сегодня он исчез так же быстро, как и появился.

Рыжий Эде, быстро нахлобучив шапку, вскочил на стул, потом на стол, опрокинув бутылку. Леопольд закричал, так как бутылка разбила несколько стаканов, сейчас никто не обратил на это внимания; доктор и Дольман также вскочили и бросились к выходу. Все они опасались встречи с полицией, хозяин тоже быстро вышел в соседнюю комнату, чтобы лучше запрятать принесенный мешок. Общее смятение не затронуло только одного из гостей, он спокойно встал и допил свой стакан, как будто ему не нужно было спешить. В следующей главе мы увидим, кто был этот гость.

ХII. Эбергард и Фукс

Есть преступники, которые занимаются своим промыслом так спокойно, как будто им нечего бояться, как будто они уверены, что совершают преступление по праву и закону. К такого рода людям принадлежал и Фукс. Этот человек, которому надо было бы бежать от полицейских быстрее других, остался в трактире долее всех.

Эбергард встал – наконец настала давно желанная минута. Он быстро и решительно подошел к Фуку, который с удивлением посмотрел на Незнакомца.

– Вы бывший канцелярист Фукс? – Обратился он к нему.

– Да, но я спешу.

– А я нет!

Лысый отступил на шаг и проницательно посмотрел на человека, ставшего ему поперек дороги.

– Если вы из тайной полиции, то покажите мне ваш билет! – произнес Фукс, порываясь выйти.

– Ни с места до тех пор, пока вы мне не скажете, где тот ребенок, которого вам четырнадцать лет назад отдала дама, – и Эбергард тихо назвал ее по имени, наклонясь к уху преступника.

– Я с удовольствием объясню вам все, что хотите, – проговорил Фукс с улыбкой, – только не здесь. Я спешу, следуйте за мной, только скорее и один!

– Я готов исполнить ваше желание! Ожидай меня тут, Мартин, ведь тебе нечего опасаться господ полицейских! Я зайду за тобой!

– Слушаю, господин Эбергард! – ответил Мартин, между тем как Фукс бросился к задней двери, которую ему с готовностью отворил тупоумный Рольф.

Эбергард следовал за ним по пятам. Вдали с аллеи послышались голоса.

Полицейские приближались к трактиру.

– Следуйте за мной! – шепнул Фукс и быстро прошел мимо полуразвалившегося забора через засохший кустарник; глубокий мрак способствовал бегству. Позади кустарника была канава шириною в четыре фута, Фукс ловко перескочил через нее, Эбергард без труда последовал его примеру.

Фукс поспешил через поле к густому кусту, который темнел во мраке. Фукс замедлил шаг, Эбергард, занятый мыслью о дочери, не обратил внимания на то, что его спутник ищет что-то правой рукой в своем жилете.

– Вот присядьте тут – в тени этого куста нас никто не найдет, даже если полицейские станут обыскивать поле.

Ветви кустарника, образуя хорошо скрытую беседку, склонились так низко, что для того, чтобы пробраться под них, надо было нагнуться. У Эбергарда мелькнуло опасение, когда он хотел войти в это скрытое место, вероятно, хорошо известное Фуку; в тот же самый момент он заметил подозрительное движение следовавшего за ним человека и, обернувшись, увидел, как что-то блеснуло в его занесенной руке. Фукс толкнул Эбергарда с такой силой, какой нельзя было и подозревать в этом с виду худосочного злодея, и занес руку с ножом к горлу Эбергарда.

В кустах царил такой мрак, что Эбергард не мог следить за движениями своего врага; но все же он сумел схватить злодея за горло, слегка ссадив себе ножом руку. Еще секунда – и было бы уже поздно, так как Фукс не рассчитывал на такое сопротивление.

Страшная борьба завязалась в кустах; Фукс изо всех сил старался освободиться от руки графа и нанести ему смертельный удар. Но Эбергард левой рукой так крепко держал вооруженную руку злодея, а другой с такой силой сжимал ему горло, что Фукс стал выбиваться из сил.

– Фукс, – с улыбкой произнес Эбергард, видя, что враг его уже стонет от изнеможения. – К чему эта борьба? Вы сильнее, чем я воображал; я не принял никаких мер предосторожности и последовал за вами без оружия; но теперь вы меня знаете, вы испытали мою силу! Но у вас в руке нож! Не добивались ли вы этим тех немногих талеров, которые видели у меня? А ведь было бы гораздо разумней, если бы вы потребовали их от меня в вознаграждение за сообщение, я отдал бы их вам с удовольствием; но теперь вы вместо денег получаете на память то, чего не забудете всю свою жизнь!

Фукс стонал под могучей рукой победителя, ноги его подкашивались, он бил свободной рукой по воздуху и от изнеможения едва не падал.

– Сжальтесь! – произнес он с трудом. – Сжальтесь!

– А, это другое дело, Фукс, наконец-то вы нашли человека сильнее вас! Ну-ка, испытайте, каково умирать! Быть может, вы исправитесь!

– Я все скажу! – задыхаясь, простонал Фукс.

– Хорошо, посмотрим! Но прошу покорнейше отдать мне ваш нож! – Эбергард выпустил горло злодея, который, жадно дыша, невольно вручил победителю оружие.

– У вас дьявольская сила в руке, – проговорил он.

– Берегитесь ее, Фукс, если вы еще раз попадетесь, она не сжалится над вами.

– Не сжалится? – повторил Фукс. – Да, не каждый раз у вас будут такие важные вопросы!

– Мне непременно надо узнать, где тот ребенок, которого вам отдали четырнадцать лет назад?

– Ребенок этот теперь уже хорошенькая девушка!

– Вы хорошо все помните! У вас воспитывалось много детей!

– Как же! Такие важные вещи не забываются!

– Так скажите же мне, где находится эта девушка?

– Вы не расскажете в том, что познакомились со мной. Это, вероятно, ваша дочь, раз вы ищете ее с таким усердием? – глаза Фукса зловеще заблестели.

– Вы же знаете это, так как несколько недель назад пригласили меня на перекресток дорог близ роши!

– Я, господин Эбергард? Не сон ли это? Я сегодня только в первый раз имею удовольствие видеть вас!

– Припомните только – это было в тот вечер, когда вы уложили на месте наездника Гэрри!

– А, теперь я знаю! Вас тогда обманули, господин Эбергард; не я писал то письмо и не я совершил это преступление! Клянусь Пресвятой Девой, я никогда не даю ложной клятвы!

– Кто же вас заменил?

– Вы спрашиваете меня?

– Вы забыли, верно, о предсмертных муках. Почему спрашиваете вместо того, чтобы отвечать?

– Честь и слава вашей силе. Кто вам писал письмо от моего имени, я не знаю!

– Так скажите же мне главное: где та девушка? Ну, живее! – воскликнул Эбергард, выходя из терпения.

– Фукс благодарный человек! Он сам вручил бы вам эту прелестную девушку, если бы...

– Что, если бы?...

– Если бы она не была у той женщины, которую мне более всего надо избегать!

– Кто же это?

– Моя жена! Девушка находится у госпожи Фукс!

– Где же мне ее найти?

– Как победителю я вам скажу адрес: госпожа Фукс живет на Морской улице, дом номер нуль. Хотя я не живу с женой, но поддерживаю с ней знакомство, – сказал уже совсем оправившийся мошенник.

При последних словах злодея Эбергард заподозрил его в гнусном обмане.

– Подлец! – проговорил он, снова протягивая к нему свою руку.

– Каждое мое слово – священная клятва! Морская улица, номер нуль. Вы знаете Морскую улицу, господин Эбергард? Нет, но вы же знаете рощу.

– Было уже совершенно темно, когда я шел туда!

– Слушайте же! Вы найдете дорогу! Если отправитесь через заставу на Мельничную улицу, то через полчаса пешего хода достигнете дороги, подобной Тополевой аллее. Эта дорога, что называется Морской улицей и ведет к роще, пустынна и безлюдна; направо вы увидите несколько домишек, это какая-то бедная колония, а налево небольшой дом, тут живет госпожа Фукс!

– И тут я найду девушку, которую ищу?

– Без сомнения!

– Если вы меня обманули...

– О, я уважаю вашу силу, господин Эбергард, каждое слово, которое я говорю, могу клятвенно подтвердить.

– Помните, если вы меня обманули, то жестоко заплатите за это! Эта девушка мне дороже жизни, я должен ее найти во что бы то ни стало!

– Вы легко достигли цели – стоило только сжать мне горло!

– Вы изворотливый мошенник, горе вам, если вы меня обманули!

– Эта милая девушка, о которой вы говорите, на самом деле находится у моей возлюбленной жены, пойдите за ней, она не утаит ее от вас! Итак, спокойной ночи, господин Эбергард! – прибавил Фукс, видя, что граф намерен зайти за Мартином и с ним вместе возвратиться в город. – Я слишком утомлен и потому переночую здесь! Кланяйтесь моей жене!

В то время как Эбергард, одушевленный надеждой спасти дочь, удалился, Фукс, ложась под ветвями куста, прошептал ему вслед:

– Поди, глупец! Она давно уже продала твою дочь! Но я непременно должен снова достать эту девушку: она может стать для нас золотым рудником, если только ловко взяться за дело!

Эбергард, подходя к трактиру, видел, как полицейские гнали перед собой по крайней мере пятьдесят бродяг, которых препровождали в часть. Тут были и нищие, и старухи, расфранченные мужчины и женщины. Но того человека, из-за которого были организованы поиски, тут не было: посетители трактира «Белый Медведь», предупрежденные кастеляном, вовремя скрылись. Было уже далеко за полночь, когда Эбергард дошел до трактира, где находился Мартин. Он решил этой же ночью отправиться на Морскую улицу, иначе Фукс мог опередить его.

Эбергард пришел уже слишком поздно.

Ему долго пришлось ждать; госпожа Фукс под утро, наконец, возвратилась и на его вопрос коротко ответила, что Маргарита достигла уже того возраста, когда она может сама заботиться о себе, и что она ушла от нее, но куда, не знает. Она не впустила мужчин к себе в хижину, и по всему видно было, что визит этот был ей весьма неприятен, хотя Эбергард сказал, что послан ее мужем. Все угрозы и обещания остались напрасными. Госпожа Фукс уверяла, что не знает о местопребывании девушки, но обещала узнать, для чего и пожелала записать имя и адрес Эбергарда.

Он не сказал ни того, ни другого, но обещал через некоторое время зайти и щедро вознаградить за каждое сообщение о его дочери.

ХІІІ. Прекрасная Маргарита

Когда юная виноградарша увидела себя освобожденной от лорда Уда, когда карета помчалась с ней дальше и она не знала, что с ней будет и куда ее везут, ею овладел ужас; она горько плакала, звала на помощь, пыталась отворить дверцы и выскочить из быстро несшегося экипажа.

Вдруг лошади остановились, человек, правивший ими, соскочил с козел и, весело улыбаясь, открыл дверцу кареты. Он снял с себя плащ и маску и любезно попросил позволения поместиться подле Маргариты.

Лицо девушки просияло от радости, так как она узнала того прекрасного юношу, о котором мечтала и которого только что встретила на маскараде.

В то время как слуга принца, приняв возжи, сел на козлы, принц просил сквозь слезы улыбавшуюся Маргариту не беспокоиться и довериться ему, обещая довезти ее до дома.

И девушка, не задумываясь и веря его словам, схватила его за руку и не спрашивала, куда он ее везет, – разве он мог сделать с ней что-то дурное?

Принц был тронут до глубины души ее доверием, он впервые в жизни испытывал такое чувство радости и не мог злоупотреблять ее отношением к себе.

В сердце принца зарождалась любовь, овладевшая им, как и Маргаритой, любовь чистая и непорочная. В принце росло желание никогда с ней не разлучаться, постоянно любоваться ею.

В миле от столицы, вблизи парка, находилась очаровательная вилла – сюда-то и вез принц свою спутницу, успевшую сделаться дорогой его сердцу, тут она должна была жить для него одного, вдали от преследований и опасности. Он надеялся весной устроить здесь для нее настоящий рай, какого она была достойна. А пока окружил Маргариту комфортом, исполнял малейшее ее желание для того, чтобы она полюбила свой новый дом, нанял для нее прислужниц. Каждый день он приезжал сюда, чтобы повидаться с ней и послушать ее, и тогда только он был весел и счастлив.

Мрачные зимние дни проходили; солнце поднималось все выше и выше; липы и каштаны, окружавшие виллу, зазеленели; садовник украсил балкон и террасу цветами; на полях уже раздавались голоса ласточек, предвестниц весны. Воздух теплел, небо светилось синей лазурью; появились первые лесные и полевые цветы; лес ожил от веселого щебета своих пернатых гостей.

В парке под ногами гулявших молодых людей шуршали прошлогодние листья, девушка в легком платье шла под руку с молодым красивым человеком в богато расшитом мундире. Он шел, держа за руку свою спутницу, и видно было, что часы, которые он проводил возле нее, вдали от стеснительного этикета, были лучшими в его жизни!

Белокурые волосы девушки, счастливо улыбавшейся и часто в разговоре со своим спутником подымавшей на него свои чудные голубые глаза, украшали первые нарциссы, которые он сорвал для нее. Ее прекрасное лицо сияло радостью, смеясь, она прыгала по тропинке, приподнимая юбку, отчего виднелись ее маленькие ножки, обутые в башмачки с голубой пряжкой.

– О, не срывайте этот цветок, мой принц! – просила она, увидев, что молодой человек наклонился, чтобы сорвать только что распутившийся цветок. – Это к слезам, и посмотрите сами, подходит ли он к этим белым цветам, фиалкам и красным бутонам?

– Ты права, прекрасная Маргарита, но позволь мне сорвать для твоего букета вот этот ярко-красный цветок, символ пламенной любви.

– Да-да, его возьмем мы с собой.

Прекрасная Маргарита и принц Вольдемар перебежали с одного места на другое, срывая цветы, попадавшиеся им по дороге. Смеху и шуткам не было конца.

Так вдвоем – даже Шлеве, по желанию Маргариты, не сопровождал принца в его ежедневных посещениях виллы – они весело болтали, шутили и играли в большом парке, не подозревая ничего дурного и не боясь ничего. Для Маргариты и принца эти весенние дни были счастливым временем, сердца их наполнялись несказанной радостью. Маргарита была вне себя от радости, встретив человека, который искренне говорил ей, что не оставит ее и готов во всем оказывать ей покровительство. И принц Вольдемар сдержал свое обещание. Часы, которые он проводил вне этого маленького рая, казались ему потерянными.

– Вы созданы для пастушечьих забав! – однажды позволил себе заметить Шлеве, все еще досадовавший, что ему не досталась эта очаровательная девушка. Однако больше он ничего не смел говорить, он видел, как серьезно относится принц к Маргарите.

Принц едва мог дожидаться часа, когда отправлялся к своей прекрасной Маргарите; визиты его с каждым днем делались дольше; сначала он приезжал к ней на несколько часов, затем на полдня, а теперь Маргарита уже рано утром видела поднимающуюся по дороге пыль, которая возвещала ее о приезде возлюбленного.

Сопровождаемая одной из служанок, она весело бежала через сад к ограде, чтобы встретить принца.

Маргарита была так счастлива, что желала видеть такими же счастливыми всех на свете. Она вспомнила Вальтера, бедного садовника, доброго и честного, которому так тяжело жилось на свете, и, желая облегчить его участь, хотела просить его переселиться к ней, чтобы смотреть за садом, окружавшим виллу.

Принц, которому она так простосердечно сообщила о своем намерении, одобрил ее план.

Маргарита приказала привести садовника на виллу, но когда он явился, то встретил ее не так, как бывало прежде. Вальтер любовался прелестью сада и виллы, а когда увидал Маргариту в изящном белом платье, грустно покачал головой, невольно подумав о ее будущем. Девушка приветливо и весело пошла навстречу и, как и прежде, протянула ему руку.

– Милый Вальтер, – произнесла она, – я призвала тебя сюда для того, чтобы предложить тебе один вопрос.

Вальтер был потрясен до глубины души, держа в своей грубой, жесткой руке маленькую нежную руку Маргариты; ему стало вдруг так грустно, что он готов был плакать, – девушка, которую он знал столько лет и искренне любил, была окружена такой пышностью и роскошью, что он почувствовал невольный страх за нее.

– Я хотела тебя спросить, не согласен ли ты оставить свою тяжелую работу и смотреть за моим садом, это было бы самым подходящим для тебя? Согласен ли ты?

– Нет, Маргарита, я не могу согласиться.

– Как, ты отказываешься? Я не ожидала этого от тебя, Вальтер.

– Я лучше останусь при своей работе, мне кажется, я не приживусь тут, Маргарита.

– Но разве сад этот не прекрасен? Или ты думаешь, что я не буду заботиться о тебе? Ты всегда был со мною ласков и добр, и я хотела бы отплатить тебе добром за это.

– Ну, что ты, я стоял бы тебе только поперек дороги, Маргарита. Меня как будто что-то гонит отсюда, и мне снова кажется, что мое присутствие необходимо, чтобы при случае защитить тебя! Но ты смеешься над этим, так как стала теперь богатой, знатной барыней, а я всего лишь бедный работник. И потому оставь меня на прежнем месте, не сердись, я не могу иначе поступить. Хотя ты не носишь больше своего бедного черного платья, не ходишь больше с корзинкой в руке по нашей пустынной дороге и не поешь ночью заунывных песен, хотя ты оставила хижину и сделалась богатой, я мысленно везде вижу тебя, и, признаюсь, тогда мне хорошо. Часто бывает, что я слышу твой чудный голос, но это ночной ветер колышет кусты у тех камней, на которых ты часто охотно сживалась в своем черном платье.

– У меня и до сих пор сохранилось это черное платье, Вальтер, – сказала девушка и задумалась над словами бедного садовника; она поняла его мысли, но вдруг продолжала: – Тут так прекрасно в парке, Вальтер, я и тут пою по вечерам.

– Мне нельзя тебя слушать.

– Если ты будешь смотреть за моим садом, то меня услышишь!

Вальтер колебался.

– Прощай, Маргарита! – быстро произнес он и отвернулся, чтобы скрыть свое волнение. – Может быть, мы когда-нибудь увидимся: да сохранит тебя Бог! Цветок, который я вижу в твоих волосах, прекрасен, но он скоро завянет... прощай... я не могу...

Вальтер быстро удалился; Маргарита с удивлением посмотрела ему вслед, она не могла понять значения его слов; в тревожном волнении она отправилась назад к террасе и тут увидела, наконец, поднявшуюся на дороге пыль; сердце ее радостно забилося: это приближался он – Вольдемар.

Тут же забыты были странные слова Вальтера, забыт был и его неблагодарный отказ! Весело сбежав по ступеням, она бросилась к решетке; принц соскочил с лошади, со счастливой улыбкой обнял свою возлюбленную и, весело беседуя, оба направились в дом, так как наступал вечер и в парке стало прохладно и сыро.

Они прошли в роскошную и уютную залу. Прислуга зажгла канделябры. Подали ужин, и Маргарита с принцем весело чокались. Потом юная красавица подошла к роялю. Принц пригласил к ней учительницу музыки, и Маргарита брала уроки фортепьяно и пения. Теперь, демонстрируя свои успехи, она сыграла несколько пьес и спела любимые принцем романсы.

Вольдемар слушал, стоя позади ее стула и не спуская глаз с прелестной девушки.

Очарованный ее пением, он обнял ее за талию, усадил рядом на оттоманку и стал шептать о своей бесконечной любви к ней. Она слушала его с бьющимся сердцем и со слезами радости на глазах. Уста молодых людей слились в долгом и нежном поцелуе.

– Я твой навеки, навеки, – говорил принц, – но будь же и ты моей до конца!

И Маргарита отдалась ему – исполненная бесконечной любви, она забыла обо всем на свете ради принца.

– Дитя мое, дитя мое! – раздался в полуосвещенной комнате чей-то голос. Был ли это голос Эбергарда, который предостерегал свою дочь в эту роковую минуту?

Прекрасная Маргарита не слышала ничего, она внимала только клятвам, которые шептал ее возлюбленный. Без сомнений и вопросов она отдалась ему.

– Прекрасная Маргарита! – раздался трепетный голос, как будто ее звал ангел-хранитель. Но было поздно!

XIV. Утраченное счастье

Камергер Шлеве, которого все еще не оставляла в покое мысль, что прекрасная Лорелея дважды ускользала из его рук, готовил в тиши свои темные планы. Сначала его неотвязно преследовало страстное желание пусть со временем, но все-таки овладеть Маргаритой, но потом оно сменилось глубокой ненавистью к ней. Когда у него пропала всякая надежда завладеть девушкой, он решил погубить ее. И ему представилось несколько случаев осуществить свои планы, когда король и придворные разъехались летом на воды. Камергер Шлеве был ловким Мефистофелем! Он не ошибся, когда говорил Леоне, что страсть принца к девушке ослабеет, как только ему удастся овладеть ею, это произошло, и теперь надо было занять принца чем-нибудь другим или очернить в его глазах Маргариту.

В один из дней ему представился превосходный случай – он получил от подкупленной им служанки Маргариты весть, которая привела его в восторг.

Принц ежедневно после обеда ездил со своим камергером в парк, а затем верхом отправлялся к Маргарите. Последнее время это случалось не каждый день, как сначала, что, разумеется, не ускользнуло от зорких глаз барона Шлеве.

– Как бы прекрасно ни было здесь, – сказал камергер, подъезжая с принцем в элегантном экипаже к парку, – я все же посоветовал бы вашему королевскому высочеству воспользоваться лучшим временем года и поскорее оставить пыльную столицу.

– У вас, без сомнения, уже и план приготовлен? – с усмешкой спросил принц.

– Должен признаться, ваше королевское высочество, что я не принял еще окончательного решения, я жду, на что решится одна дама, все более интересующая меня, дама, которая так же прекрасна, как и умна.

– Гм! Догадываюсь, кого так расхваливает барон фон Шлеве.

– Я жду решения этой дамы, она превратит в рай то место, где поселится.

– Так мисс Леона Брэндон оставляет столицу?

– Да, ваше королевское высочество, мне так говорили.

– Вы слышали это из достоверных источников?

Камергер улыбнулся.

– О, мисс Леона очень горда и холодна, мой принц, я имел честь побывать в ее салоне и говорить с ней, признаюсь, я ослеплен!

– Я слышал, она не будет более выступать?

– Да, мой принц, она не желает более показываться перед публикой.

– Жаль, она поистине чудо!

– Чудо – это именно то слово, ваше королевское высочество. Мисс Леона показывается со своими львами только перед избранными!

– Вам повезло, господин барон. Если я не ошибаюсь, та грациозная наездница, что галопом мчится нам навстречу, – предмет нашего разговора!

Камергер Шлеве поднял глаза. По широкой аллее, по сторонам которой тянулись дорожки для прогулки, приближалась наездница, на которую с любопытством и удивлением были устремлены взоры всех гуляющих и катающихся.

На превосходной белой лошади в длинной черной амазонке скакала прекрасная Леона. Она гордо и спокойно сидела в седле, держа в правой руке поводья, а в левой – изящный хлыст. Лиловый бархатный берет с белым страусовым пером украшал ее голову. На ней не было ни золота, ни других украшений, на сбруе лошади не было серебра. Леона отлично знала, что это лишнее, – у нее без того был царственный вид.

Чуть позади ее сопровождал шталмейстер.

– Вы правы, господин барон, – проговорил принц, приказав ехать тише, чтобы лучше рассмотреть лицо прекрасной наездницы. – Мисс Леона, действительно, необыкновенно интересна.

Шлеве обернулся, в его серых глазах блеснула радость.

Принц поклонился прекрасной наезднице, камергер последовал его примеру, многозначительно посмотрев на нее. Леона гордо и холодно ответила на поклоны.

– Странно, – размышлял вслух принц, – неужели мисс Брэндон в самом деле так неприступна и холодна? Это было бы неестественно!

– Она женщина, ваше королевское высочество!

– Что вы имеете в виду?

– А то, что она может быть настолько слаба, чтобы принадлежать всякому, кто сумеет ее покорить! Какая женщина в состоянии сопротивляться искушению, мой принц?

– Бывают исключения!

– Извините, если я усомнюсь в этом!

– Вы настолько опытни, господин барон, что я охотно верю вашим словам, но нет ничего труднее, как заглянуть в человеческое сердце!

– Вы найдете в женщине все, мой принц, кроме верности! И если вы даже поклянетесь, что нашли женщину, заслуживающую полнейшего доверия, и если она держит свои клятвы, так это только до первого случая, который ей представится, а затем ни одна не устоит против искушений.

– Я могу привести пример, который докажет вам несправедливость ваших слов!

– Я с удовольствием выслушаю вас, ваше королевское высочество! Однако должен предупредить вас, что если то исключение до сих пор сохранило верность, это не служит ручательством на будущее время! Могу вас уверить, пока ей не подвернулся искуситель, но она в свое время поддастся соблазну, – проговорил камергер с грустным видом. – Я всегда говорю правду, даже если разрушаю лучшие надежды, но мне кажется, что лучше предостеречь человека заранее, иначе разочарование будет особенно тяжелым!

– Ну, посмотрим! Я уверен, что та девушка, которую и вы знаете и которой я доверяю более всего на свете, оправдает мои слова не только теперь, но и впоследствии.

Барон улыбнулся, покачав головой.

– Вы сомневаетесь? – воскликнул принц, оживившись.

– Я прошу ваше королевское высочество не увлекаться раньше времени! Наслаждайтесь, принц, наслаждайтесь, сколько хотите и можете, но не надейтесь и не любите, это все представления, которые уже отжили свой век.

– Ваши слова побуждают меня убедиться, не ошибаюсь ли я в прекрасной Маргарите!

– Она прошла отличную школу у госпожи Робер, ваше королевское высочество; она дикий цветок, но я сомневаюсь в ее наивности.

– Так вы думаете, что все это притворство? Ее очаровательная улыбка заучена перед зеркалом?

– Я не был свидетелем, – отвечал камергер, пожимая плечами и иронически улыбаясь. – Но повторяю, не следует слишком доверять людям. А мой девиз – наслаждение! К чему вопросы, сомнения, доверие; наслаждение – вот венец жизни, и полагаю, я не ошибся, вы согласитесь со мной – ваше королевское высочество уже успели насладиться! – Камергер Шлеве плутовски засмеялся.

Принц невольно улыбнулся ему в ответ, но задумался над словами Шлеве.

– Я непременно хочу знать, каким образом меня могли обмануть, – сказал принц. – Это мне послужит на пользу для изучения людей. Обещаю вам, господин барон, что вы поедете со мной: если я ошибся в этой девушке, то в будущем всегда и во всем буду слепо доверять вам!

– Женщины умны, как черти, ваше королевское высочество. И эта прекрасная девушка устроит так, чтобы ее не застигли врасплох!

– В таком случае мы с вами вместе так часто и долго будем ездить к ней, пока вы не убедитесь в справедливости моих слов или пока не найдете доказательства противного!

– Лучше бы, ваше королевское высочество, я вам ничего не говорил...

– Это отчего же? Вы что, отказываетесь от своих слов?

Камергер улыбнулся, заранее уверенный в победе.

– Нет, мой принц, я хочу избежать неприятной сцены!

– О, обещаю вам, я только посмотрю, больше ничего! Только докажите мне справедливость ваших слов, и я успокоюсь! Довольно с вас этого?

– Совершенно, ваше королевское высочество! Я не выношу сцен, в которых виновная сторона прибегает к раскаяниям, клятвам. Мне ужасно неприятно быть причиной этих ложных клятв! Чего не сделаешь от страха и нужды, мой принц, и это меня беспокоит!

– Не тревожьтесь, господин барон! Начнем сегодня же. А, вот граф Монте-Веро, – прибавил принц, увидев приближавшийся элегантный экипаж, запряженный четверкой вороных. – Странно, что граф не отправился еще к его величеству в замок Солитюд!

В то время как Эбергард, почтительно поклонившись принцу, промчался мимо, камергер заметил:

– Граф Монте-Веро собирается в замок через несколько дней. Говорят, у него странная причина оставаться еще в столице!

– Вы, кажется, знаете все тайны двора, господин барон! И что же это за странная причина?

– Как будто бы граф Монте-Веро разыскивает свою дочь, которая находится в низших слоях общества!

– Это удивительно!

– Это почти романтическая, ваше королевское высочество, но все-таки правда! Мне казалось, что подобные приключения бывают только в романах, но в жизни случаются еще более невероятные вещи.

– Повернем к вилле, господин барон, этой аллеей мы пройдем прямо к ней!

– Но вы обыкновенно ездите по другой дороге?

– Но сегодня я избрал эту дорогу именно для своих наблюдений! Вы видите, какое глубокое впечатление произвели на меня ваши подозрения!

– Подозрения? – повторил камергер, приказав ехать по аллее, что зела к вилле. – Вы меня весьма огорчаете, ваше королевское высочество! Я позволил себе лишь сообщить вам о собственном опыте!

– Ваши слова не оставляют меня в покое, называйте это как хотите! Уже смеркается, так поздно я еще никогда не приезжал на виллу, и потому меня там не ждут.

Камергер был вне себя от радости и внутренне уже заранее торжествовал.

Счастье Маргариты, не подозревавшей подлых замыслов барона, было безмерным. Кто осудил бы эту всеми покинутую невинную девушку за то, что она отдалась тому, кто клялся ей в вечной любви и верности? Она не сомневалась в нем ни минуты, простосердечно слушала его и была рада, что нашла наконец человека, который полюбил ее.

Она любила принца со всею силой своей души, не вдаваясь в расчеты и сомнения! И как же могло быть иначе? У нее не было нежной матери, которая могла бы вовремя предостеречь ее, она пала, сама того не зная!

Теперь же, когда она по вечерам сидела одна в своей комнате, глядя вдаль, в тихую летнюю ночь, ею овладевала какая-то тревога, сердце ее сжималось, она готова была плакать – быть может, это потому, что возлюбленный ее порой заставлял себя долго ждать.

«Чего я боюсь, – говорила она себе после кратких раздумий, и ее прекрасное лицо снова озарялось радостью. – Что меня беспокоит? Он любит меня, в этом он мне клялся; сокровеннейшее желание моей жизни исполнилось, и все-таки мною овладевает какой-то необъяснимый страх. Странно! К чему же я наконец стремлюсь, чего желаю?»

Было ли это предчувствием горя, которое – увы! – слишком рано постигло ее?

Девушка невольно вспомнила слова Вальтера, которые он сказал ей на прощание: «Цветок в твоих волосах завянет».

«О, тогда он завтра же принесет мне другой», – хотела она тогда воскликнуть, зная своего нежно любящего Вольдемара.

Цветок завял, и принц иногда не являлся, чтобы поднести ей свежий!

«Он не может приехать, его, наверно, задержали, не сомневайся, – шептал ей тогда тайный голос. – Он любит тебя и всецело принадлежит только тебе!» – «Но он когда-то сказал, что теряет покой, если один день не может видеть меня, тогда он должен приехать даже ночью, чтобы хоть минутку побыть со мной! Как он обо мне заботится, мне иногда кажется, что я сказочная принцесса! Но как грустно и тихо идет время в его отсутствии».

Когда однажды вечером несколько дней назад она стояла у открытого окна и с грустью глядела на небо, на загоревшиеся звезды, ей вдруг послышались знакомые звуки заунывной песни, которую она пела, живя у госпожи Фукс. Звуки долетали до нее все яснее и яснее, и наконец она уже различала даже слова этой знакомой ей песни.

Невольные слезы покатались из ее глаз, она вспомнила прошлое, эта песня навела ее на глубокие раздумья. Ей было и грустно и хорошо. Это была ее любимая песня. Без сомнения, это пел Вальтер, добрый Вальтер! Он был с нею так ласков и искренен, а она не успела его за это ничем отблагодарить! Песня звучала как упрек; Маргарита забыла, что он отказался смотреть за ее садом, она хотела поблагодарить его за то, что он и теперь все еще думал о ней! Она решилась на это, не видя в этом ничего предосудительного!

Служанки ее видели, как она в позднее время, услышав эти звуки, вышла за ограду сада.

«Он так же грустен, бедный Вальтер, как прежде была я, – говорила она про себя, возвращаясь на виллу, – но он никогда не может быть для меня тем, чем являешься для меня теперь ты, – прибавила она, думая о принце. – Я люблю тебя, тебе одному я принадлежу, ему же я хотела бы просто помочь как брату».

– О Господи, – прошептала она, входя в свою роскошную спальню, – мне так страшно, сохрани и помилуй меня! Сохрани моего доброго Вольдемара и обрати его мысли ко мне!

Если бы принц слышал эти слова, несчастьем и горю никогда бы не бывать, но он, взволнованный словами хитрого Шлеве, отправился с ним вечером в виллу, и именно в то время, когда Маргарита разговаривала с Вальтером у решетки сада, прохаживаясь взад и вперед; она и не подозревала, что за ними наблюдают и что этой невинной встречей воспользуются для того, чтобы навеки разлучить ее с принцем! Она и не предчувствовала, какие грозные тучи собираются над ее головой; она была чиста и спокойна. Бедная девушка дорого поплатилась за свою отзывчивость.

Она утешала своего одинокого и покинутого друга, насколько могла, говорила, чтобы он уповал на Бога, не зная, что именно ее доставало ему для счастья, что он любил ее и она не могла принадлежать ему!

Но когда она протянула ему руку на прощание и сказала: «Вальтер, мы с тобой теперь помирились, ты остаешься другом бедной Маргариты, хотя отказываешься принять от нее помощь», – и когда Вальтер, дожав протянутую ему руку, твердым голосом ответил: «Я останусь им навеки!» – и быстро удалился, сердце Маргариты, возвращавшейся к калитке сада, вдруг сжалось от страха. Вокруг было темно, она остановилась, густые липы бросали такую густую тень, что на аллее нельзя было ничего разглядеть.

Но тут из тени выехал экипаж и сделал перед калиткой большой круг. Маргарита невольно приблизилась к нему на несколько шагов, в первую минуту она подумала, что это, быть может, экипаж принца, не заставшего ее дома. Но потом поняла, что это едва ли возможно, так как она все время не теряла из виду ворот, да и принц обычно приезжал к ней верхом. Вдруг из куста вышли двое мужчин и направились к экипажу.

Маргарита вскрикнула, она не ошиблась: это действительно был принц, а вместе с ним ненавистный ей человек. Она увидела, как Вольдемар остановился в нерешительности, и тут же услышала:

– Ваше королевское высочество, вы обещали мне избежать сцены!

– Раз вы сдержали слово, я тоже сдержу!

Принц и его спутник сели в экипаж – и тут из груди Маргариты вырвался громкий крик, тайный голос говорил ей, что в эту минуту она теряет все! Но она была так чиста и невинна, что не могла еще объяснить себе происшедшего.

На следующий день Маргарита напрасно ждала своего возлюбленного, день показался ей вечностью, тревога ее с каждой минутой возрастала. Она все еще не хотела верить, что Вольдемар оставил ее, разрушив их счастье.

Вечером после долгого ожидания на дороге она отправилась в спальню, но не могла сомкнуть глаз. Страшные мысли мучили: она снова была покинута, участь ее была еще хуже прежней. Слезы лились из глаз девушки, орошая шелковые подушки.

Утром она поднялась, как только первые лучи солнца блеснули сквозь шитые золотом занавеси, накинула белый пеньюар и дрожащей рукой написала принцу письмо, в котором говорила, какое горе он причиняет ей своими редкими посещениями; если и прочитав эти строки, он не приедет, значит, он забыл и покинул ее.

Маргарита ждала с все возрастающим нетерпением, то одушевляясь надеждой, то впадая в отчаяние. Ей казалось невозможным, чтобы Вольдемар, поклявшийся ей в вечной любви, вдруг отвернулся от нее.

В лихорадочном волнении она ждала его, день проходил, и со страхом и трепетом она встретила длинную ужасную ночь. Не находя себе места, она металась по комнате; служанки перешептывались, опасаясь недоброго. Маргарита не отвечала на вопросы, не слушала песни Вальтера, бродившего ночью у ее виллы, с напряженным вниманием следила она за дорогой, откуда должен был приехать ее возлюбленный. Не раз ей слышался вдали Топот копыт, и она со слезами радости бросалась к окну.

Напрасно, он не приезжал!

Под утро она без чувств упала на постель.

Очнувшись, она хотела было подняться, но ноги отказывались ей служить!

Служанки сбежались к ней в спальню. Она шептала какие-то бессвязные слова, а вскоре бледное безжизненное лицо молодой женщины запылало ярким румянцем. Она была без чувств, но любовь Маргариты была так сильна, что наполняла даже ее лихорадочные сны.

Душа ее всецело принадлежала тому человеку, который посвятил ее в тайны любви, чтобы теперь, отвернувшись, повергнуть в отчаяние.

XV. Любимец короля

Перед высокой серой стеной, которую украшали колонны с мраморными вазами, ходили двое часовых с ружьями на плече. Они встречались у широких распахнутых ворот, по сторонам которых стояли их будки, а затем снова расходились.

Эта старинная стена окружала прекрасный парк, где находился Солитюд, любимый замок короля. Каждое лето с наступлением жарких дней король с небольшой свитой отправлялся в этот восхитительный оазис, чтобы несколько недель прожить вдали от шумной столицы в тиши и уединении.

От широких ворот, по обеим сторонам которых стояли могучие каменные львы, вела прохладная и тенистая аллея. Она заканчивалась блестящей массой вода, посреди которой едва не до облаков бил мощный фонтан. Вода, ниспадая, разлеталась в блестящую пыль, в которой играла радуга.

Вокруг бассейна располагались обвитые густой зеленью беседки. Слева, скрытая зеленью, виднелась часовня, справа на холме, окруженный цветами и редкими растениями, стоял прелестный замок с двумя башнями. Его нижние этажи были увиты виноградными лозами.

Если бы перед замком не прохаживались двое часовых, замок можно было бы принять за особняк богатого частного лица. Цветущие апельсиновые деревья в кадках украшали лестницу, что вела к мраморному portalу, над которым красовался лепной королевский герб. Вокруг не было видно ни хозяев замка, ни стоявших без дела лакеев, только седой кастелян, в котором по покрытому шрамами лицу можно было сразу узнать старого воина, охранял из своего окна покой короля.

Наверху, в вестибюле, находился дежурный флигель-адъютант, иногда здесь проходил старый камердинер Биттельман, любимец короля, который днем и ночью должен был находиться возле него.

Старый кастелян, любивший рассказывать о своих подвигах еще в войне с Наполеоном, вдруг услышал на аллее шаги. Кто бы это мог быть, если король сейчас находился в своей любимой зеленой комнате, где не принимал никаких визитов?

Старик подошел ближе к окну. К замку твердым, спокойным шагом подходил высокий элегантный мужчина.

Его легкая летняя одежда состояла из изящного партикулярного платья и соломенной шляпы, что придавало его наружности несколько странный вид. На груди гостя сиял бриллиантовый орден, других украшений на нем не было.

Старый кастелян не знал этого господина с темно-русой бородой и тонкими, благородными чертами лица и потому вышел на портал.

Высокий незнакомец, еще раз окинул взглядом парк, который только что миновал, и направился ко входу.

– К кому вы идете? – отрывисто спросил старик со свойственной ему воинской строгостью.

– К королю! – ответил незнакомец.

– Его величество всем без исключения не дает здесь аудиенции, это должны были сообщить вам уже при входе в парк!

– Но для меня его величество сделал исключение, – улыбнулся незнакомец. – Можете смело меня пропустить!

– Это каждый может сказать о себе – мне дано приказание не впускать в покои короля никого незнакомого!

– Вы надежный сторож, так потрудитесь доложить обо мне наверху господину адъютанту, я граф Монте-Веро!

– Извините, ваше сиятельство, – смутился кастелян, невольно становясь по старой привычке во фронт, – я никогда не имел чести, я не мог вообразить...

– Не иначе, вы ожидали встретить графа Монте-Веро в роскошном мундире, а между тем видите его в простом партикулярном платье. Я сказал вам, что составляю исключение!

– Единственное исключение, пожалуйста, ваше сиятельство, и не сердитесь на меня! Я должен нести свои обязанности, – прибавил он. – Надеюсь, что не заслужу вашей немилости.

– Любезный друг, как я могу сердиться, когда вы так добросовестно исполняете свою службу! – ответил Эбергард, потрепав старика по плечу.

– Какой хороший господин! – бормотал про себя кастелян, когда граф, имевший доступ к королю во всякое время без доклада, подымался по лестнице – *A la bonne heure!*³.

Старик имел обыкновение употреблять в разговоре французские слова, чтобы показать, что сражался с французами и чтобы внушить лакеям и слугам уважение к себе.

Адъютант почтительно раскланявшись с Эбергардом, указал ему дорогу в зеленую комнату, где находился король.

Биттельман, старый камердинер, обрадовался, увидав графа. Эбергард, как обычно, удостоил добросовестного старика несколькими милостивыми словами и любезно ответил ему на почтительный поклон.

Графа Монте-Веро любили и уважали все, кто его знал, и он заслужил это. Два-три дня назад он в сопровождении Мартина посетил новое громадное заведение, которое основал близ местечка Б. Это был машиностроительный завод, где под началом мастера Лессинга работало несколько тысяч человек. С радостью граф замечал, что заведение это, которое он назвал «Йоганновой долиной», обещало превратиться вскоре в городок, так как по его приказанию для рабочих с семьями там были выстроены хорошие, теплые дома.

Эбергард проводил бессонные ночи в переговорах с архитекторами и мастерами, чтобы сделать нужные приготовления и расчеты. Английские и немецкие банки, получив для графа большие суммы из Бразилии, выплачивали ему громадные деньги, необходимые для этих предприятий. Эбергард один вел дело, один стоял во главе этого гигантского предприятия, посвящая ему свои силы и богатство, и ему доставляло радость, что дела имеют столь блестящий успех и дают пищу и работу многим бедным семьям.

После долгого перерыва сегодня он решился навестить короля. Миновав залу для аудиенции, граф свернул в картинную галерею; она была невелика, но в ней были редкие и прекрасные полотна. Остановливаясь иногда перед какой-нибудь картиной, он дошел до комнаты, устланной коврами, – и тут никого из свиты не было. Лишь портьера отделяла его от короля; он подошел к ней и приоткрыл одну сторону.

Ему открылась небольшая, но высокая комната с большими полукруглыми окнами, распахнутыми в парк. Камин, столы и стены в ней были из малахита. Это драгоценное убранство было подарком от императора всероссийского.

Посреди комнаты на большом столе были разложены карты, книги, бумаги. Часы на камине звонко пробили, пять часов.

Король стоял спиной к двери возле ближайшего окна, перед пюпитром, на котором был установлен портрет. Свет, падавший на него от окна, позволял разглядеть изображенную на нем женщину. Этот портрет всегда был при короле. В столице он находился в его кабинете, а в случае отъезда камердинер Биттельман осторожно укладывал его в ящик палисандрового дерева – королю не надо было давать на этот счет приказаний, он знал, что, где бы он ни был, портрет этот всегда будет при нем.

Эбергард узнал в прекрасном лице, на которое смотрел король, погруженный в воспоминания, ту самую принцессу, большой портрет которой висел в замке в зале Кристины. Без

---

³ В добрый час! (фр.).

сомнения, король любил эту прекрасную принцессу, и необъяснимые причины, быть может, политические расчеты, заставили его пожертвовать этой любовью для короны. Он женился на другой, выказывал ей глубокое уважение и внимание, как подобает королю по отношению к своей супруге, но любовь его, любовь искренняя и нежная, всецело принадлежала женщине, изображенной на портрете.

Но где же находилась принцесса Кристина? Никто о ней не говорил, ничего о ней не было слышно! Может быть, и она, против своей воли, должна была принять руку какого-нибудь властелина. Или ее уже не было в живых.

Эбергарду показалось неловким быть долее свидетелем этой сцены, и потому он хотел удалиться так же тихо, как и пришел, но тут король обернулся на движение портьеры и увидал Эбергарда.

– Останьтесь, мой друг, – проговорил король. Исполненный грустных дум, он сначала закрыл картину шелковой занавеской, а потом протянул руку графу Монте-Веро. – Войдите, именно с вами я расположен говорить теперь! Я не знаю почему, быть может, потому, что вы благородный человек, или, быть может, потому, что я счастлив, когда имею подле себя честного и открытого человека, но мне кажется, и как это ни загадочно, что какая-то другая причина заставляет меня радоваться вашему приходу именно в тот час, когда я предавался воспоминаниям!

– Кому из нас не доводилось бороться с ними в жизни, ваше величество, и только в борьбе этой на минуту насладиться тем, чего нас лишило Провидение!

– Совершенно верно, граф!

– Я говорю по опыту, ваше величество!

– Неужели и вы, которого судьба наградила такой завидной долей, имеете основание жаловаться на прошлое счастье? Вот этого я не думал!

– Государь, у меня в жизни были страшно тяжелые минуты, и даже в данный момент, когда я кажусь вашему величеству бесконечно счастливым, меня точит страшное горе. У меня были тяжелые минуты, но у меня достало сил выйти из борьбы невредимым и при воспоминаниях никогда не забывать долга по отношению к людям!

– И несмотря на то, вы имеете немало врагов! – вероятно, король вспомнил те Жалобы или подозрения, которыми старались оклеветать в его глазах графа.

– Они не могут смутить нас, ваше величество, если мы по совести исполняем свой долг!

– Но они могут повредить нам и возбудить в нас гнев!

– Ваше величество, мы должны прощать тех, кто во имя низких и подлых расчетов клеветает на своих ближних!

Король молчал, в раздумье глядя на Эбергарда.

В эту минуту из-за распахнувшейся портьеры показался камердинер Биттельман. Он держал на серебряном подносе большой запечатанный конверт.

– Для графа Монте-Веро, – он поднес Эбергарду письмо. – Оно привезено сюда нарочным.

– Не медлите, распечатайте его, – сказал король, когда камердинер удалился. – Может быть, оно содержит важные известия!

– Это вести из Монте-Веро, ваше величество!

– Из вашей немецкой колонии в Бразилии? Любопытно! – с участием произнес король. Эбергард распечатал и прочел письмо, лицо его просияло.

– Разрешите прочесть? – спросил король. – Меня весьма интересует ваше отдаленное владение!

Эбергард почтительно подал королю письмо, оно содержало трогательную благодарность тех многочисленных переселенцев, которых Эбергард встретил в Лондоне и послал в Монте-

Веро. Чего они не имели на своей родине, то нашли там, и теперь, исполненные благодарности, с усердием молились о ниспослании всего наилучшего их благодетелю.

– Я вам завидую, граф. Как вы должны быть счастливы, как хорошо должно быть на душе, когда получаешь такую благодарность!

– Да, ваше величество! Осчастливить кого-нибудь – это высшее наслаждение, оно сближает нас с Создателем! Такой час заглушает в нашей памяти тысячу раз перенесенное горе!

– Вы только что сказали, что вам в жизни многое пришлось пережить, признаюсь, я охотно выслушал бы историю вашей жизни! Не думайте, что мною движет любопытство, я не знаю, достоин ли я вашей откровенности. Я хотел бы знать, – продолжал король, подводя Эбергарда к дивану, стоявшему близ завешенной картины и садясь рядом с ним, – какими путями вы достигли вашей цели?

– Я еще не достиг ее, ваше величество, до тех пор, пока мы живы, мы все к чему-то стремимся, желаем чего-то достичь!

Летний вечер опускался на парк; солнце скрылось за густыми деревьями; показывались первые звезды; тишина, нарушаемая иногда лишь пением птиц, легла на мир; свежий аромат вливался в открытые окна.

Мягкий полумрак как нельзя более подходил к настроению собеседников.

– Мне до сих пор не удалось открыть тайну моего происхождения! – начал Эбергард после краткой паузы. – Моей матери я никогда не видал! С тех пор, как помню себя, я находился на попечении доброго старика, которого я называл отцом; он как-то раз сообщил мне, и этого я никогда не забуду, что при моем рождении на небе показалась звезда с длинным хвостом, комета, предвестница великих событий.

Старый отец Иоганн жил отшельником и был уважаем и любим селянами. Он воспитывал меня, обучил иностранным языкам, познакомил с событиями прошлого и со странами земли. Он был человеком ученым и благочестивым.

Недалеко от нашего отшельнического жилья возвышался гордый старинный замок с высокими башнями. Богатство и расточительность царили в нем. Этот замок принадлежал графине Валеске Понинской, которая пребывала в нем зимой и весной с единственным своим ребенком, прекрасной маленькой девочкой. Летом она ездила с ней на воды в отдаленные страны, в Париж или Италию.

Маленькая Леона иногда приходила со своей служанкой к отцу Иоганну, и я подружился с ней. Она уже тогда в играх выказывала властолюбие и гордость, но именно это мне в ней и нравилось, и я любил играть с маленькой очаровательной Леоной.

Когда я вырос и добрый отец увидел, что я быстро развиваюсь и что труды его не пропали даром, он как-то сказал мне, что настало время подумать о моем будущем. Он спросил меня, какую карьеру я собираюсь избрать, и я с юношеским пылом воскликнул:

– О, отец Иоганн, мой добрый отец Иоганн, я хочу быть солдатом, офицером! Это мое высшее желание!

Я как теперь вижу улыбку, просиявшую на его благородном лице при этих словах.

– Я так и думал, Эбергард, – сказал он. – Ничего не препятствует исполнению твоего желания! Ступай, становись под знамена большого войска и будь храбрым, ревностным солдатом! Ты обучен настолько, что в короткое время без труда можешь получить шпагу офицера! Я дам тебе все, что понадобится! Вот тебе необходимые бумаги, которые от тебя потребуют, вот тебе деньги, чтобы ты ни в чем не терпел нужды!

– Как звали вашего отца Иоганна? – прервал король.

– Иоганн фон дер Бург, ваше величество! Я вступил под именем Эбергарда фон дер Бурга в войско соседней с нами страны.

– Фон дер Бург – старинная дворянская фамилия, господин граф, вы ее более не носите?

– Я носил эту фамилию не по праву, мой повелитель! Человек, воспитавший меня, а именно Иоганн фон дер Бург не был моим отцом! Перед смертью он открыл мне эту тайну!

– Как же ваше настоящее имя?

– Отец Иоганн умер прежде, чем мог сообщить мне его!

– И вы на этот счет не нашли никакого документа или письма?

– Ничего, мой повелитель! Я должен был заслужить себе имя! Но я забегаю вперед! Вскоре молодого Эбергарда фон дер Бурга произвели в офицеры, так как он ревностно исполнял свой долг. Я был бравым солдатом, и мне часто говорили, что я гожусь в воины. Даже старый отец Иоганн, которого я приехал навестить, увидав меня, плакал от радости!

Затем мне суждено было увидеть снова Леону, молодую графиню Понинскую, с которой я играл в детстве. Ребенок этот превратился в прекрасную девушку. И именно эта красота привлекала меня. Образ ее всюду преследовал меня, я жить не мог без нее! Леона видела это; в ответ на мою любовь она с улыбкой смотрела на меня своими чудными глазами и давала мне понять, что и она не совсем равнодушна ко мне!

Но мое счастье было непродолжительным.

Скоро графиня Понинская уехала со своей прекрасной дочерью Леоной в Париж. Говорили, она намеревалась выдать ее за миллионера, так как громадное состояние ее, вследствие безмерной расточительности, пришло в такой упадок, что графиня принуждена была продать свой чудный старинный замок.

Я же, увлеченный своей пламенной любовью, решился последовать за ними. Отец Иоганн предостерег меня, и это был первый раз, когда я послушался его, первый и последний! Теперь я горько раскаиваюсь, но близок локоток, да не укусишь. Я жестоко поплатился за непослушание. Я мечтал о Леоне и решился во что бы то ни стало добиться ее. Я с радостью отдал бы за нее жизнь!

Эбергард на минуту остановился, король внимательно слушал его рассказ.

Старый камердинер, удивленный, что так долго не раздастся колокольчик, появился сам и стал на пороге, ожидая приказа зажечь канделябры. Король знаком показал ему не мешать: выплывшая из-за деревьев луна светила прямо в зеленую комнату.

– Добрый отец Иоганн! – продолжал Эбергард, взволнованный воспоминаниями. – Он согласился на мое пламенное желание. Получив повышение по службе, я поехал в Париж, чтобы испросить у графини руки ее дочери. Графиня согласилась после того, как я объявил ей, что ничего не желаю, ничего не требую, кроме Леоны.

Тогда мне было двадцать лет, Леоне девятнадцать. Но для своих лет я был так развит, был такого высокого роста и крепкого сложения, что казался старше. Леона сделалась моей женой – желание мое было исполнено, цель моей жизни была достигнута! Я был так счастлив, что, казалось, не было на свете человека счастливее меня!

Наступило время дивного блаженства. Мать Леоны жила в Париже, мы поселились в местечке Б., куда я получил назначение. Мы с Леоной вдвоем навещали отца Иоганна, и он, добрейший в мире человек, был рад нашему счастью и нашей взаимной любви, так как видел, что без Леоны я не нашел бы радости в жизни. Леона же, прекрасная, гордая женщина, при таких посещениях рвалась как можно скорее возвратиться в шумное и веселое местечко Б., как будто только там находила удовольствие. Я приписывал это желание сократить наши посещения, что, однако, могло глубоко оскорбить отца Иоганна, – горестному воспоминанию, которое, вероятно, вызывал в ней вид их чудного старинного замка.

Возвратившись в Б., я снова посвятил жене всю мою любовь и мое внимание. Однако после недолгого счастья меня вдруг постиг первый неожиданный удар судьбы.

Леона против моего желания стала предаваться азартной игре, она разоряла меня, проигрывая громадные деньги и выдавая векселя, и я не в состоянии был уплатить такие огромные

суммы. Я был близок к помешательству, меня ожидал страшный позор, если бы я не нашел выход! И не было человека в мире, которому я мог бы излить свою душу!

Наконец после долгих колебаний я решился ехать к отцу Иоганну. Он помог моему горю, пожертвовав всем, что имел.

Леона, видя приближение тяжелого для нее времени, поклялась с этой минуты жить только для меня, и когда она вскоре после того родила ребенка, прелестную девочку, я простил ее и забыл все, что произошло между нами, вне себя от радости прижимая к груди мать и дочь.

Счастье, которое я надеялся найти, улыбалось мне довольно долго; я ощущал высшее блаженство, когда ребенок, протягивая ко мне ручки, звал меня отцом. Для каждого другого был бы непонятен лепет этого восхитительного создания, меня же он приводил в неописуемый восторг – только родительское сердце понимает этот язык.

Это были блаженные дни. Во мне не рождалось ни сомнений, ни подозрений даже тогда, когда молодой итальянец, остановившись проездом по Германии в Б., привязывался к нам все более и более. Даже тогда, когда он, думая, что за ним не наблюдают, не спускал страстных глаз с моей прекрасной жены, я не считал возможным, чтобы Леона могла изменить мне хотя бы пожатием руки.

Я поверил бы всему на свете, кроме того, что она, любившая меня, как уверяла, до безумия, могла изменить мне.

Леона, дабы отвлечь меня от тяжелой службы, договорилась с молодым итальянцем Франческо, что он будет совершать со мной прогулки по живописным окрестностям Б. Я недолюбливал Франческо, мне претила его чрезмерная любезность, но я относил это за счет того, что вообще трудно схожусь с людьми.

Дочери было уже два года, когда однажды ко мне зашел Франческо. Он уже не раз назначал день своего отъезда на родину, но никак не мог собраться в дорогу. В этот раз он пригласил нас на итальянскую оперу. Леона по легкому нездоровью отказалась ехать с нами, но так мило просила меня не оставаться из-за нее дома, а послушать прекрасную музыку, что я наконец согласился на ее просьбы и уехал с молодым итальянцем, по обыкновению весьма нежно простившись с женой.

Мог ли я подозревать, что это прощание будет на всю жизнь?

Франческо показался мне взволнованным более обыкновенного, но я не обратил на это особого внимания.

Дружески беседуя, мы дошли до театра, и я в душе сожалел, что болезнь помешала Леоне разделить наше общество.

По окончании первого акта Франческо с радостным лицом сообщил мне, что увидел своего товарища и потому просит извинить его, если он на несколько минут удалится, чтобы поговорить с ним.

Я просил его не стесняться.

Когда Франческо удалился, ко мне подошли двое давно знакомых мне офицеров и просили меня последовать за ними. Они сказали это таким тоном, что я последовал за ними, ни о чем не спрашивая.

Когда мы оставили театр, было уже совсем темно. Офицеры просили меня поспешить домой. Я с удивлением посмотрел на них; только позже я узнал, что им уже несколько недель было известно о том, что мне готовилось! Они сочувственно пожали мне руку и просили действовать спокойно и рассудительно.

Я не сказал ни слова, ужасные предчувствия наполняли мою душу, когда я мчался к своему дому, где находились моя жена и дочь. «Будь спокоен, – сказал я себе. – Скоро ты все узнаешь!»

Я пришел вовремя. Я нашел Леону, мою жену, буквально час назад уверявшую меня в вечной любви, в объятиях Франческо!

Под впечатлением воспоминаний Эбергард закрыл лицо руками, Король с участием и грустью смотрел на него.

– Что я делал и говорил, – продолжал граф Монте-Веро, – не знаю, но помню, что руку, готовившуюся схватить саблю, я прижал к груди, так как сознавал, что мой соперник стал жертвой жестокого кокетства моей жены! Я пощадил его, жена моя была виновата! Оправившись от потрясения, она встала и совершенно спокойно сказала, что не может более выносить тихой и уединенной жизни.

В эту минуту я лишился всего на свете, сердце мое разрывалось от боли. Но было безумием губить себя из-за этой злой и гнусной женщины, которую я прежде так пламенно любил.

Я не мог оставаться в доме, где попрали мою честь. С разбитым сердцем я отправился к отцу Иоганну. Его честная, прямая душа по-прежнему оказывала на меня благотворное влияние, Некоторое время я провел у отца Иоганна, но вскоре он умер.

Но и этим мои испытания не кончились. Леона не отдавала мне моей дочери, и закон решил оставить ее у матери до шестнадцати лет. Тогда я решил уехать куда-нибудь в пустыню, чтобы там заглушить свое горе; я не знал, куда именно отправиться, но понимал, что это должны быть отдаленные края, где бы ничто не напоминало о прошлом!

Я бежал через море! Более года я объезжал Новый свет, где многие искали и ищут себе новую родину. Нередко мне приходилось терпеть лишения, не раз мне грозила опасность и даже смерть, но я боролся, уповая на Бога.

Эта борьба благотворно подействовала на мою измученную душу. Я был слишком одинок и несчастлив! Я лишился всех, кого любил: того, которого считал своим отцом, жены, обожаемой дочери, даже имени лишился, так как то, которое носил, принадлежало не мне. Тогда-то я и узнал ту степень горя и страданий, в которой смерть является желанной избавительницей! Но я пережил свое отчаяние и с той минуты не боялся смерти.

Под именем Эбергарда я проехал громадную территорию Бразилии, где в то время были ужасные сражения.

С оружием в руках мне удалось спасти жизнь императору Педру: я вырвал его из рук неприятеля, когда императора покинуло его разбитое войско. Император даровал мне титул графа Монте-Веро и подарил пустынную местность того же названия, обработка которой требовала усиленных трудов, каких я и желал.

И труд мой имел успех! Через пять лет Монте-Веро стало процветать, о моей колонии заговорили, сам император навестил меня, чтобы посмотреть на нее.

И все же в ночной тиши, когда я в одиночестве сидел в доме или на зеленой веранде, глядя туда, где вдали лежало мое отечество, передо мной вставали грустные воспоминания прошлого. Все, чего я лишился, живо воскресало в моей душе, но я настолько собрался с силами, что смотрел на все это, как на могилу.

Проходили годы, и наконец настало время, когда я по праву мог требовать свою дочь, мысль о которой ни на минуту не давала мне покоя. Я оставил на верных управляющих Монте-Веро и отправился в свое отечество. Я ступил на почву его с воспоминанием, которое всегда было и будет путеводной звездой в моей жизни, – это воспоминание об отце Иоганне! Близ местечка Б., где он похоронен, я поставил ему памятник.

– Это я слышал, – сказал король. – Но где же ваша дочь?

– Я ее не нашел! – с дрожью в голосе заключил Эбергард свой рассказ.

– Ужасная участь! – прошептал король.

– Я потерял свою дочь и вряд ли найду ее когда-нибудь! – Эбергард поднялся...

На глазах короля выступили слезы. Не в состоянии найти слова утешения, он молча прижал Эбергарда к сердцу.

XVI. Принц Вольдемар и его тень

Прошло несколько недель после беседы короля с Эбергардом. Однажды вечером по узкой столичной улице шли двое, плотно закутанные в плащи. Был дождливый, суровый вечер. Слабый свет уличных фонарей не позволял узнать этих мужчин, так как шляпы их были надвинуты на глаза. Тот, что шел чуть впереди, похоже, имел на боку шпагу, так как из-под плаща поблескивал конец ее ножен. Второй мужчина следовал за ним. При свете фонаря можно было заметить, что он прихрамывал на левую ногу.

– Здесь? – спросил тот, что шел впереди, когда они остановились на углу. – Я не знаю названий этих улиц!

– Вторые ворота налево, ваше королевское высочество, – ответил другой, указывая рукой на длинный и высокий каменный забор, тянувшийся вдоль одной стороны, между тем как по другую сторону стояли низкие дома, некоторые окна слабо светились.

– Мы пустились в странные похождения и, признаюсь, пока отнюдь не приятные, господин барон! В такую погоду!

– И притом пешком! Но мы уже дошли!

– Ворота заперты! – сказал принц Вольдемар, нажимая рукой в белой перчатке на мокрый замок.

– Позвольте мне устранить это препятствие, ваше королевское высочество! – тихо проговорил камергер Шлеве, подходя к воротам.

Принц уступил ему место.

– У прекрасной мисс Брэндон, оказывается, крепкие запоры! – воскликнул принц.

– Ну и красавица же она! Впрочем, нет сомнения, ваше королевское высочество, что это имя вымышленное: прекрасная иностранка – графиня по происхождению, – прошептал фон Шлеве и осторожно постучал.

– Фигура и манеры в самом деле обнаруживают высокое происхождение этой женщины, вы, без сомнения, знаете ее настоящее имя?

– Да, ваше королевское высочество! Я назову его, когда мы увидим прекрасную графиню!

– Отчего же только тогда?

– Чтобы увеличить эффект! – прошептал камергер, в то время как на дворе за стеной слышались шаги.

Знала ли горничная Леоны о приходе этих двух господ, стоявших у ворот? Казалось, что знала, так как, подойдя ближе, она улыбнулась.

– Кто там? – все-таки спросила она из осторожности.

– Отопри, маленькая Церлина, – тихо отозвался фон Шлеве.

– Подайте о себе какой-нибудь знак, чтобы я знала, кто вы, теперь так часто обманывают!

– Глупенькая, мы же стоим под дождем!

– Я тоже, ваше превосходительство!

– Леона и Эбергард! – сказал Шлеве, не раз тщетно добивавшийся узнать у горничной об отношениях ее хозяйки и графа и потому воспользовавшийся на этот раз их именами, чтобы дать о себе знать.

Ключ осторожно повернулся в замке, затем дверь подалась под напором камергера.

Принц и его спутник вошли во двор, между тем как миловидная Церлина быстро заперла ворота.

Перед ними возвышалось высокое и широкое здание, которое занимала Леона со своими слугами. Из окон замка доносились тихие звуки музыки.

Церлина быстро повела господ ко входу, который едва виднелся во мраке, так как осторожная горничная загасила свечу.

– Потрудитесь дать мне ваши руки, – попросила она. – Я вас поведу! Положитесь на меня, но будьте осторожнее! Графиня опасна, когда гневается, и нам всем достанется, если она вдруг заметит, что кто-то наблюдает, как она играет на своем любимом инструменте! – не без кокетства заметила горничная.

– Не бойся, моя маленькая пташка! – отвечал камергер, беря Церлину за руку, между тем как другой рукой она взяла руку принца.

– Куда ты нас ведешь? – спросил Шлеве с улыбкой.

– В спальню графини! – прошептала Церлина.

– Превосходно! – шепотом заметил камергер.

– Графиня прекраснее всех на свете! Просто наслаждение смотреть на нее, я часами стою перед ней и не могу налюбоваться.

С этими словами горничная Леоны повела обоих господ через темный коридор, затем они все поднялись по лестнице, оттуда вошли в огромную залу с мраморным полом, на котором шаги их были едва слышны.

Наконец Церлина остановилась и осторожно открыла высокую дверь – ослепительный свет упал на нее и ее спутников; она многозначительно приложила палец к губам и пошла вперед.

Принц и камергер последовали за ней, в ярко освещенной комнате не было ни души, только звуки музыки, едва слышные во дворе, теперь звучали достаточно громко.

Комната, в которую они вошли, была тепла и надушена, полы устланы драгоценные ковры. В нишах, обвитых плющом и редкими растениями, стояли мраморные бюсты и скульптуры. Стены украшали картины, на них то сатиры играли с прекрасными дриадами, то в танце замерли богини. Всю заднюю стену занимала громадная картина, изображавшая Венеру с распущенными волосами, вышедшую из воды.

Дав своим спутникам осмотреть эти редкие картины, Церлина, наконец, раздвинула тяжелую портьеру.

Камергер незаметно следил за выражением лица принца, когда тот входил в следующую комнату, убранную с восточной пышностью и роскошью. Пол и стены здесь были покрыты персидскими коврами удивительных цветов, а с расписанного потолка спускались пять огромных светильников в виде красных матовых шаров, которые распространяли розоватый свет. У противоположной стены под белым шелковым балдахином с золотыми украшениями и кистями стояла постель графини. Балдахин поддерживали белые мраморные колонны, обвитые живыми белыми цветами. Маленькие мраморные столики на золоченых ножках, кресла и низкие кушетки с золочеными спинками, мраморные статуи и вазы с цветами и фруктами довершали убранство этой комнаты.

В стороне от постели находилась ярко освещенная газовыми рожками ниша, Ее стены были из хрустальных зеркал, в которых владелица этого замка могла осмотреть себя со всех сторон. Одно из зеркал служило дверью в белую мраморную купальную залу без окон.

Церлина подошла к портьере, которую трудно было сразу заметить между коврами, и знаком подозвала своих спутников.

Принц был так ослеплен представившейся ему картиной, что торжествовавший камергер, с дьявольской хитростью приготовивший всю эту затею, должен был шепнуть ему, чтобы он умерил свой восторг и был как можно осторожнее.

Камергер Шлеве, словно тень стоявший за принцем и как демон разрисовывавший ему картины, перед которыми не может устоять человек, в жилах которого течет горячая кровь, с удовольствием замечал, что тот, кто звался его господином и повелителем, все более и более становился его рабом.

А что Леона? Не участвовала ли и она в этом хитроумном плане? Знала ли она, что в то время, как она полулежала на мягких подушках дивана, за нею наблюдал принц, скрытый портьерой?

Случайно ли она так высоко приподняла свое темно-красное атласное платье, или это была коротенькая юбка, которую она, презрев условности и желая отдохнуть в эти вечерние часы, предпочла модному, неудобному платью со шлейфом?

Похоже, что не случайно, – уж слишком расчетливо прозрачная вуаль подчеркивала прелесть роскошных форм, которые казались еще соблазнительнее и таинственнее под легким покрывалом. Прекрасные темные волосы Леоны, украшенные маленькой золотой диадемой, ниспадали на ослепительно белые плечи. На ее благородном лице в эту минуту властолюбие и надменность уступили место выражению сладкой мечтательности.

Пальцы Леоны слегка касались струн мандолины, лежавшей на ее коленях. Перебирая струны, она своей игрой тихо сопровождала волшебную музыку, которая лилась неизвестно откуда. Темные мечтательные глаза, полуприкрытые веками, были устремлены на двух грациозных сильфид, которые танцевали перед ней.

Принц замер, глядя на полулежавшую Леону и танцовщиц.

Прекрасная музыка, благоухание цветов производили магическое действие.

Обе стройные баядерки, в светло-розовых трико и коротеньких прозрачных юбочках, были слишком соблазнительны для глаз одной графини, так что очень может быть, что их присутствие было уготовано подслушивавшим за портьерой.

Камергер видел, что Вольдемар совершенно очарован представившимся ему зрелищем.

– Кому бы вы отдали пальму первенства, ваше высочество? – прошептал он так тихо, что принцу казалось, что внутренний голос спросил его.

– Без сомнения, ей, только ей одной! – отвечал Вольдемар, очарованный полулежавшей красавицей.

– Прекрасная графиня Леона Понинская несравненна. На свете нет подобной красавицы. Как ни прекрасны обе баядерки, которых мы видим, но они блекнут перед дивной графиней, скрывающей еще от наших взоров венец своей красоты. Как велика должна быть сила ее соблазна, – прибавил камергер почти неслышно, – когда спадет это покрывало.

Камергер видел, что достиг своей цели: принц принадлежал графине, его союзнице!

Неслышно, с ловкостью кошки он исчез. Принц в упоении страсти не заметил его удаления.

Бой часов возвестил о наступлении ночи, Леона встала с дивана, танцовщицы скрылись. Теперь только принц увидел, что широкое красное атласное платье было так коротко, что оставляло видными ее прекрасные ноги в белых шелковых чулках. Леона положила мандолину на диван и позвонила в маленький золотой колокольчик, что стоял на мраморном столе.

На звон его в залу явилась Церлина.

Графиня дала своей кокетливой горничной какое-то приказание, и вскоре та принесла ей на серебряном блюде шампанское и бокал.

Церлина налила своей госпоже шампанского, Леона выпила и приказала служанке удалиться. И вот эта Юнона, эта неотразимой красоты женщина, подняв свою округлую руку, раздвинула портьеру и ступила на бархатный ковер своей спальни.

В зале было ослепительно светло, так что Леона, войдя в свою слабо освещенную спальню, не сразу различила там человека. Она увидела его, только когда он бросился перед ней на колени, страстно покрывая поцелуями ее ноги.

Леона хотела позвать на помощь, но узнала принца.

Улыбаясь, смотрела прекрасная графиня на влюбленного молодого человека, прижимавшего свое лицо к ее коленям, но затем ласково, но со свойственной ей твердостью попросила его удалиться.

– Я исполняю твое приказание только потому, что мне повелевают твои прелестные губы, потому, что твои дивные глаза, царица всех женщин, говорят мне, что ты мне и впредь позволяешь лежать у твоих ног, и, наконец, потому, что я должен тебе повиноваться! – горячо говорил принц. – В тебе столько могущества!

Он еще раз горячо поцеловал маленькую руку графини и медленно вышел из комнаты. Леона холодно и с презрением посмотрела ему вслед.

– Все вы – мои рабы! – злобно фыркнула она.

XVII. На дороге

Как уже известно читателю, Маргарита тяжело заболела; долго тянулись дни ее выздоровления. Мало-помалу силы ее восстанавливались, и она могла уже выходить без посторонней помощи. Тщетно изо дня в день ждала она возвращения своего возлюбленного: она все еще не примирилась с мыслью, что принц мог ее покинуть.

«Это невозможно, – шептал ей внутренний голос. – Он, поклявшийся тебе в вечной любви, явившийся твоим избавителем во сне и наяву, тот, с кем ты вкусила все блаженство любви, он не может покинуть тебя!»

А между тем дни проходили за днями; на сердце у нее становилось все тяжелее и тяжелее, и страх ее увеличивался. Чем прекраснее был короткий сон любви, чем горячее и искреннее отдалась она своему возлюбленному, тем мучительнее были эти дни жестокого испытания. Вольдемар не удостоил даже ответа ее строки, исполненные любви! Неужели он был так жесток, неужели он не любил ее?

Нет, тут принц не был виноват. Письма Маргариты оказались в руках Шлеве, Если бы камергер передал их принцу, бывший любовник не мог бы не внять просьбам и уверениям бедной покинутой девушки, которая видела в нем единственную опору.

Камергер сжег письмо, на которое Маргарита возлагала свою последнюю надежду, как часто он поступал и с прошениями, поступавшими к принцу. Хитрый царедворец оставлял только те, которые могли ему принести выгоду.

Когда наконец принцу сообщили, что Маргарита опасно больна, он приказал пригласить к ней лучших докторов, а сам в сопровождении камергера, заботившегося о его пикантных развлечениях, отправился на воды и возвратился домой только в конце осени. Первым делом он поспешил во дворец графини Понинской, которая и сгладила в нем последние воспоминания о прекрасной Маргарите. Правда, иногда он осведомлялся о ней у камергера, который неизменно сообщал, что Маргарита совершенно здорова и окружена заботой.

Сильная лихорадка, населявшая бред бедной девушки ужасными картинами и призраками, все еще не оставляла ее; в ту дождливую ночь, когда Вольдемар стоял на коленях перед Леондой, она в первый раз пришла в себя. Тревожно озираясь, она искала возлюбленного, но нашла только служанку, которая спала у ее постели.

Слезы застилали ей глаза, и она снова впала в беспамятство, от которого ее никак не могли избавить доктора, боявшиеся прописывать ей сильные лекарства, чтобы не подвергать опасности зародившуюся в ней новую жизнь.

Наконец нежный организм Маргариты преодолел страшную болезнь. Не содействовала ли этому новая сила, которую Бог часто дарует женщине, когда она чувствует под своим сердцем другое существо?

Борьба, которую эта сила вела с ужасною болезнью, продолжалась несколько месяцев, наконец лихорадка стала проходить, и Маргарита очнулась, чтобы снова почувствовать свое одиночество. Но сердце ее кроме этого мучительного горя наполняло еще другое чувство, которое то приводило ее в уныние, то дарило радость, – она имела залог любви, который никто не мог отнять у нее, залог, которому небо готовилось даровать жизнь, чтобы он вечно был свидетелем клятв, данных ей возлюбленным в ту незабываемую весеннюю ночь.

Весна уже давно прошла, и клятвы были забыты; на дворе было холодно и мрачно, ветер завывал в голых деревьях, и от прелести тех блаженных ночей не осталось ничего, кроме воспоминаний и сомнений.

Маргарита встала, в голове ее созрело отчаянное решение: она хотела предстать перед принцем и спросить его, возможно ли, правда ли, что его признания и клятвы были ложны и что он хочет покинуть ее; она чувствовала, что не может тут более жить и что священный

долг заставлял ее спросить того, который взялся быть ее покровителем и защитником, действительно ли он ее покидает на произвол судьбы.

Мысль эта придавала ей сил.

Она попросила служанку выйти из комнаты и встала с постели. Роскошное убранство ее комнат было ей отвратительно, она ни до чего не могла дотронуться. Роскошные платья, в которых Маргарита являлась своему возлюбленному, тоже вызывали в ней отвращение, и она стала искать что-то в дорогом резном шкафу. Наконец лицо ее просияло – она нашла скромное черное платье, которое носила до знакомства с принцем, и вынула его. Маргарита целовала это платье, заливаясь горькими слезами, потом быстро надела. Оно снова стало ей впору – перенесенная болезнь произвела эту перемену. Накинув на шею старый полинявший платок, она тихо вышла из виллы.

Была холодная ночь; дул резкий ветер, пробиравший до костей, дорожки в саду были занесены снегом. Маргарита остановилась и обвела их взглядом – когда-то она гуляла здесь веселая и счастливая, а теперь бежала отсюда, полная горя и отчаяния; она закрыла лицо маленькими дрожащими руками и отерла слезы, катившиеся из ее прекрасных голубых глаз, затем поспешила к воротам, отворила калитку и вышла на широкую дорогу, окаймленную голыми деревьями и кустарником. Быстро побежала она по этой дороге к городу, чтобы найти принца и спросить его, действительно ли он забыл и покинул ее. Неужели все его клятвы и уверения были пустыми словами?

Маленькие усталые ноги скоро отказались ей служить, но Маргарита боялась присесть, чтобы отдохнуть, чувствуя, что от усталости может уснуть.

Она поспешила дальше; ветер играл ее легким черным платьем; длинные белокурые волосы рассыпались по плечам; словно ночная тень, едва касаясь земли, бежала бедная девушка по мерзлой дороге и через Покрытое инеем и снегом поле. Вдали уже виднелись очертания огромного города.

Вокруг не было ни души, не слышно было ни звука, только завывал ночной ветер. Маргарита не знала в эту минуту ни боязни, ни страха, она не чувствовала, что ее ноги промокли, что иссохший шиповник расцарапал ей до крови руки и разорвал платье. Безостановочно спешила она дальше, чтобы в ту же ночь удостовериться, действительно ли ее не обманывало предчувствие.

Тут впереди на дороге послышались голоса. Маргарита остановилась и стала прислушиваться; казалось, несколько человек затеяли ссору; вдруг крики прервал выстрел, за ним последовали другие.

– О Боже, – прошептала Маргарита, падая на колени, – защити меня и дай мне сил! Я спешу к нему, я должна узнать, действительно ли я покинута и безродна! Сжался надо мной, Отец Небесный, не допусти, чтобы я погибла тут на дороге! Дай мне силы перенести то, что мне предстоит! Святая Матерь Божия, защити и сохрани меня, ты знаешь мое сердце, ты сама была на земле, сжался над девушкой, которая, покинутая и беспомощная, простирает к тебе руки!

И тут коленопреклоненной девушке показалось, будто она слышит слова: «Не печалься, я сам страдал! Господь Бог испытует своих любимейших чад, будь мужественна и покорна!»

Маргарита встала, провела окоченевшей рукой по лбу и снова пустилась в путь; напугавшие ее голоса удалялись. Уже можно было различить дома предместий по огонькам в окнах; послышался отдаленный бой башенных часов, пробивших одиннадцать раз.

Маргарита остановилась, разглядела, что стоит перед широкой рекой, протекавшей через столицу.

Странная дрожь била бедную Маргариту, увидевшую в эту минуту коварную гладь, которую только что наступившая зима покрыла тонким блестящим льдом.

Она остановилась в нерешительности, но затем с отвагой, которую человеку придает отчаяние, стала спускаться с берега. «Если тонкий лед и не выдержит меня, – думала она, – то волны вместе со мною схоронят и мои сомнения и мучительный страх моей души».

Но под ее сердцем покоился долг самосохранения. Осторожно поставила она ногу на лед, а потом быстро побежала по гладкой темной поверхности. Лед хрустел под ее ногами. Едва она достигла середины реки, как раздался страшный треск, и широкие трещины заблестели позади и впереди нее. Маргарита почувствовала, что выступившая вода омочила ее и без того окочевевшие ноги. Она увидела себя близкой к смерти. Вокруг с треском колелся лед и при каждом ее шаге крошились льдины – стоило только бедной Маргарите поскользнуться, и холодная темная вода сделалась бы ее могилой.

Сознавая это, она в лихорадочном волнении спешила дальше; нога находила минутное прочное место; наконец, задыхаясь, она достигла берега, одним отчаянным прыжком вскочила на почти отлогий край, ухватила за кустарник и, цепляясь за него, с трудом добралась до дороги, тянувшейся вдоль реки.

Теперь последняя опасность была позади – почти рядом светились окна домов. Воодушевленная этим, Маргарита направилась к ним и была очень удивлена, увидев в окнах множество зажженных свечей. Несмотря на позднее время, на улице было оживленно.

Наконец Маргарита подошла к какому-то бедному домику, в котором также приветливо светились огоньки и раздавались крики веселья, и заглянула через окно в низенькую, скромную комнатку.

Маргарита всплеснула руками – в бедной комнатке стояла украшенная свечами елка, которую родители зажгли для своих детей. Малыши весело прыгали и танцевали вокруг стола, прижимая к себе дешевые, но дорогие для них подарки, между тем как в стороне отец и мать, счастливо улыбаясь, наслаждались радостью своих детей.

Сегодня была ночь под Рождество.

Бедная Маргарита никогда в жизни не стояла возле зажженной душистой елки, никогда любящая рука не приготовила ей даже самого маленького рождественского подарка, никогда она не испытывала радости, которую в эту ночь испытывали почти все дети столицы. Она всегда довольствовалась тем, что, подобно сегодняшней ночи, смотрела в окна, где горела елка, и улыбалась сквозь слезы при виде чужой радости.

Так стояла она и сегодня, глядя на зажженную елку. А ведь был человек на свете, который с невыразимой радостью сделал бы этот вечер прекраснейшим в ее жизни, который томился тоскою по ней и жаждал ее найти, чтобы вознаградить за все бедствия, что довелось перенести ей; но Маргарита его не знала, и он ее не нашел, хотя час назад, как мы увидим в одной из следующих глав, был очень близко от нее.

Наконец Маргарита отошла от освещенного окна и поспешила дальше. Люди останавливались, с жалостью и удивлением глядя на закутанную в платок девушку, вероятно, бездомную, которая бродила по улицам, между тем как вокруг царили веселье и радость. Но никто не спросил бедную Маргариту, одетую в худое черное платье, куда она спешила в эту холодную ночь.

Маргарита отыскивала самые безлюдные улицы, пробираясь к королевским воротам, через которые надо было пройти, чтобы достичь замка принца Вольдемара.

Солдаты, что стояли на часах у королевских ворот, увидев молодую девушку, шедшую по улице, с хохотом бросали ей вслед похабные вопросы, но Маргарита, не обращая на них внимания, поспешила дальше, к цели своего ночного странствия, и через несколько минут быстрой ходьбы она вышла на дорогу, окаймленную с обеих сторон густыми деревьями, которая вела к парку принца, окруженному железной решеткой. Наконец сквозь деревья Маргарита увидела оранжерею, а напротив них домики садовников. В глубине, окруженный старыми каштанами, высился замок, окна его тоже были ярко освещены.

В замке шел пир горой, лилось шампанское, лакеи подавали изысканные блюда. Сегодня принц удостоился чести принимать у себя графиню Понинскую. Громкая музыка раздавалась с богато декорированной галереи, и принц осушал один бокал за другим за здоровье прекрасной Леоны.

Маргарита подошла к маленькой калитке в решетке, через которую она намеревалась войти, чтобы не быть остановленной стражей. Аллейка вела от калитки к террасе, которой пользовались только летом, но сквозь выходящую на нее застекленную дверь лился такой яркий свет, что Маргарита решила вызвать принца именно там, а не в портале, где было много лакеев и кучеров.

Она взглянула на высокие окна, из которых долетали музыка и звон бокалов; за тяжелыми, шитыми золотом занавесями пировали знатные гости; столы ломились от яств и вин; боковые залы, слабо освещенные, манили к отдыху и интимной беседе, принц Вольдемар, ведя под руку прекрасную Леону, только вошел в одну из этих зал, когда Маргарита постучала в стеклянную дверь.

Никто не услышал, никто не отворил ей дверь.

Она постучала громче и наконец услышала недовольный голос.

– Кто тут так бесцеремонно стучится? – спросил голос.

– Отворите, сударь, я должна видеть принца, – дрожащим голосом отвечала Маргарита.

– Вы с ума сошли? Или это привидение, явившееся среди ночи? Посмотрим! Удалитесь скорее, если вы из плоти и крови, а не то я спущу на вас Плутона и Лею!

– Сжальтесь, пустите меня к принцу, я должна с ним переговорить! – умоляла Маргарита.

– Мне еще прошлой ночью казалось, что тут кто-то бродит! Уж очень жалобно она плачет и умоляет, не иначе притворяется!

Раздался свист, зазвенели ключи. Дверь отворилась, и кастелян замка со свечой в руке направился к Маргарите. И тут же на нее бросились две собаки. Маргарита отчаянно закричала. Кастелян попытался отозвать взбешенных собак, но было уже поздно: оскалив зубы, животные кинулись на Маргариту.

В эту минуту камергер Шлеве сошел вниз, чтобы посмотреть, отчего крик, что случилось. Через стеклянную дверь он увидел девушку в худой одежде, на которую только что кинулись собаки, но животные, казалось, были сострадательнее людей, хотя они и продолжали рычать, но отстали от несчастной, не тронув ее.

– Тут какая-то неизвестная, господин барон, – почтительно проговорил кастелян, – которая хочет переговорить с его высочеством, именно здесь и именно сейчас. Я счел, что это обман, но, кажется, она сумасшедшая: разорванное платье, широко раскрытые глаза...

– Ступайте, вы больше не нужны, – усмехнулся камергер – он узнал Маргариту. – Да возьмите с собой собак. Бедная женщина, она, наверно, пострадала.

Кастелян вместе с собаками возвратился в коридор. Камергер затворил за ним дверь.

Маргарита стояла подавленная – спущенные на нее животные не так сильно испугали ее, как появление этого человека.

– Вот она, упрямица! – проговорил камергер, подходя ближе и рассматривая Маргариту. – О, что за явление в таком виде среди ночи!

Маргарита собрала последние силы.

– Я должна переговорить с принцем, сведите меня к нему! – попросила она.

– К принцу? В таком наряде, любезная? Его высочество никогда бы не простил мне этого.

– Я вам обещаю, он простит вам все, если увидит, услышит меня.

– Его высочество сидит сейчас за столом. Что вам надо от принца?

– О, назовите ему мое имя, скажите, что я в отчаянии поспешила сюда, чтобы из его уст услышать... – Маргарита замолчала, холодная дрожь пробежала по ее телу, когда она услышала тихий хриплый смех камергера.

– Любит ли он еще вас? – закончил он шепотом. – Убедитесь в этом сами, посмотрев на себя. Принц сидит за столом со знатной и прелестной дамой и пьет за ее здоровье! Неужели вы думаете, что такая шутка, как любовь к вам, может продолжаться дни и месяцы? Если бы его высочеству было угодно видеть вас, он уже давно поспешил бы к вам на виллу. Но, увы, гордая и прекрасная графиня совершенно овладела сердцем принца, и поверьте, что при встрече с вами его единственным вопросом будет: кто вы такая?

Маргарита, с лихорадочным напряжением следившая за словами этого ужасного человека, невольно посмотрела сначала на себя, а потом на окна. Неужели возможно, чтобы тот, который еще так недавно клялся ей в вечной любви и верности, уже любил другую? Неужели правда, что все, что для нее составляло жизнь, для него было только быстротечной шуткой?

Она пробормотала что-то несвязное и закрыла лицо руками.

– Вы были слишком упрямы, – проговорил камергер, подходя к ней, между тем как она невольно отступила назад. – И теперь за это наказаны! Вы могли бы жить в роскоши и пользоваться всеми радостями жизни, вместо того чтобы являться теперь в этом более чем жалком обличье!

– Мерзкий человек! – как бы пробудившись от лихорадочного сна, воскликнула Маргарита. – Ты снова напомнил отвращение, которое внушил мне и которое я старалась забыть! Прочь от меня! Назад! Не смей дотрагиваться до меня своими гадкими руками, как тогда, в комнате той купленной твари, – сегодня ты имеешь дело с женщиной, которая тебе не по плечу!

Маргарита, гордо выпрямившись, стояла перед изумленным бароном; ее прекрасные голубые глаза блестели мрачным огнем. Каждый мускул ее нежного тела напрягся, а лицо выражало крайнюю ненависть и презрение.

В эту минуту она собрала все свои силы, чтобы защитить себя. Маргарита не чувствовала боли под сердцем, она только сознавала, что все ее надежды рухнули, но твердо решила не поддаваться этому низкому человеку.

– Вас придется удалить, как сумасшедшую, если вы не угомонитесь, – проговорил камергер. – Замок его высочества – не место для нищих!

– Помогите! – раздался сдавленный крик, и послышалось падение тела.

Камергер поспешно вернулся в коридор. Убедившись одним взглядом, что никто не был свидетелем происшедшего, он запер за собой двери и как ни в чем не бывало возвратился к столу.

Улыбаясь, он стал чокается с гостями принца Вольдемара, который клялся графине Понинской в своей горячей любви.

Внизу же, на ступенях, ошеломленная падением, лежала бедная, покинутая Маргарита.

XVIII. Бал

За несколько дней до событий, описанных в предыдущей главе, во дворце русского посла происходили приготовления к приему высоких гостей. Дворецкий и управляющий князя Долгорукого, исполняя приказание своего господина, старались, чтобы празднество было обставлено как можно богаче, так как король и весь двор приняли приглашение князя. Гордая княжна тоже желала в этот вечер видеть у себя царскую роскошь. У прекрасной, холодной Ольги была на то своя тайная причина. Если сам князь, принимая у себя короля, хотел только блестяще затмить своего государя, то все старания его дочери были направлены на то, чтобы ослепить графа Монте-Веро волшебной роскошью и превзойти его хотя бы блеском бриллиантов и канделябров. Она с нетерпением ждала назначенного вечера, желая показать графу Монте-Веро все свое превосходство над ним.

Камер-фрау княжны надела на нее выписанное из Парижа белое шелковое платье, затканное цветами, которое подчеркивало величественную фигуру юной княжны. Ее густые черные волосы длинными локонами ниспадали на ослепительно белую шею, на которой сверкало драгоценное кольцо, голову украшала бриллиантовая диадема – королева не могла быть одета богаче. Живую полураспустившуюся розу княжна сама приколола к груди и взяла в руки великолепный портбукет с душистыми цветами, на которых покачивалась искусно сделанная бриллиантовая бабочка.

Когда Ольга ступила в прекрасно декорированный зал, первые гости уже находились там.

Громадная зала была наполнена волшебным светом, который распространяли бесчисленные золотые канделябры, бра и люстры.

Зеркальные стены отражали этот магический свет. В одном углу залы находилась эстрада для капеллы, скрытая от взоров гостей белым шелковым занавесом, затканным золотом. По сторонам стояли темно-зеленые бархатные кресла, а между ними маленькие малахитовые столики, на которых стояли вазы с душистыми цветами и экзотическими фруктами.

Посреди залы между увитыми цветами колоннами бил высокий фонтан.

По одну сторону залы возле окон неподвижно, как статуи, стояли два казака, крепостные князя, на серебряных подставках они держали гербы князя, украшенные золотом и драгоценными камнями.

По другую сторону залы, подле эстрады, были устроены белые шелковые палатки, в них возле столиков с яствами и прохладительными напитками стояли лакеи, которым дворецкий тихо отдавал приказания.

В зале имелись двери, за которыми глазам изумленных гостей представляла то очаровательная голубая комната, то роскошная гостиная, обитая красным бархатом и уставленная такою же мебелью. На стенах этих мягко освещенных комнат в золотых рамах висели портреты членов императорской и княжеской фамилий.

Мягкие оттоманки и кресла манили к отдыху и беседе тех, кто желал на несколько минут отказаться от строгого этикета залы.

Мало-помалу съезжались приглашенные, роскошные палаты русского посла наполнялись. Князь приветливо встречал входящих, а княжна Ольга беседовала с супругами и дочерьми высоких гостей и особенно мило приветствовала принцессу Шарлотту, явившуюся в сопровождении матери.

Шарлотта была в голубом шелковом платье, подобранном белыми розами. Ее темные волосы украшал венок, выполненный итальянской мозаикой. Бриллиантовый крест сверкал миллионами огней на ее прекрасной груди.

Между тем как она отвечала на любезности молодой княжны, глаза ее искали кого-то среди блестящего собрания. Видно, не найдя, кого искала, она снова обратила взгляд на хозяйку дома.

Дворецкий, по приказанию своего господина, подал знак капелле, и раздались звуки гимна.

Гости образовали широкий полукруг, и посланник российского императора с дочерью вышли на лестницу, чтобы встретить августейших гостей. Когда Ольга, низко поклонившись королеве и услышав от нее ласковые слова, подняла взгляд на короля и его свиту, мороз пробежал по ее коже при виде высокого, спокойно смотревшего на нее графа Монте-Веро.

Королева, в малиновом бархатном платье с длинным шлейфом, передала своей придворной даме, графине Монно, горностаевую мантию и, взяв юную княжну за руку, вместе с нею, сопровождаемая королем, князем и графом Эбергардом, под звуки народного гимна вошла в залу.

После приветствий граф Монте-Веро, поздоровавшись с кавалером де Вилларанка, оглядывал блестящее собрание.

Эбергард, как и князь Долгорукий, был в черном фраке и белом жилете, на груди его сверкал его бриллиантовый орден; на нем не было ни перстней, ни золотого шитья, как у большинства присутствующих, но все равно он был самым красивым и заметным из собравшихся здесь мужчин.

Принцесса Шарлотта в другом конце залы беседовала с каким-то незнакомым господином, которого граф Монте-Веро уже встречал однажды при дворе. Он понравился ему своим непринужденным обращением; это был художник Конрад Вильденбрук, единственный представитель среднего сословия среди гостей, но он имел такие изысканные манеры и разговаривал с таким достоинством и светским тактом, что, казалось, от рождения принадлежал к высшему обществу.

Король, любивший искусство, особенно покровительствовал художнику Вильденбруку, который, несмотря на свою молодость, создал уже множество прекрасных произведений, и с удовольствием отмечал, что живописца принимали во всех аристократических салонах столицы. Смелость и решительность во взоре юного художника, его высокий лоб, черная выщипанная шевелюра, окладистая борода, правильные черты прекрасного лица и сильная, превосходно сложенная фигура делали его недоузданным красавцем.

Конрад Вильденбрук рассказывал принцессе о своих путешествиях и, когда заговорил о том, что Несколько времени назад, делая зарисовки прекраснейших мест в разных концах света, посетил Бразилию и познакомился там с Монте-Веро, Шарлотта любезно попросила стоявшего подле нее молодого банкира Армана подозвать графа Эбергарда.

С изысканной вежливостью молодой богач поклонился очаровательной принцессе и прошел сквозь толпу гостей к графу Монте-Веро, с которым недавно познакомился при решении кое-каких денежных дел и который произвел на него сильное впечатление не только своими несметными богатствами, превосходившими его собственные, но и различного рода великими предприятиями и старанием служить человечеству.

– Господин граф, – с почтительным поклоном обратился к Эбергарду Юстус Арман, улыбка на его слегка побледневшем лице выдавала странность полученного им поручения, – я очень рад, что нашелся случай подойти к вам. Позвольте признаться, что я, узнав о ваших великодушных усилиях и благотворительных предприятиях, часто ловлю себя на мысли, что хотел бы быть полезным вам и походить на вас.

– Вы слишком высокого обо мне мнения, господин Арман, поверьте, это не более чем опыты, совершаемые с добрым намерением, но позвольте, если вы уж выразили желание, воспользоваться вашими услугами.

Повелевайте мною, я буду счастлив, если попаду в число ваших последователей. Однако в настоящий момент я имею к вам поручение. Ее высочество принцесса Шарлотта желает, чтобы вы приняли участие в ее беседе с господином Вильденбруком.

– Весьма благодарен вам, господин Арман. Поспешу к принцессе. Надеюсь вскоре снова увидеть вас.

– Весь к вашим услугам, господин граф!

Тем временем Конрад Вильденбрук с воодушевлением описывал внимательно слушавшей его принцессе громадную и богатую колонию Монте-Веро.

– Это, бесспорно, прекраснейший уголок земли, ваше высочество. Я остановился, как при входе в рай, когда, после продолжительной скачки по степям и диким лесам, в сопровождении моего любезного проводника, господина Фон Вельса, вдруг достиг горной цепи, откуда открывался дивный вид на обширные долины и луга, отличающиеся богатейшей растительностью. Это поистине благодатная страна. И все это создано, принцесса, заботливыми руками графа.

– Как далеко находится Монте-Веро от Рио-де-Жанейро?

– В трех днях пути. Мне рассказывали, что земли эти, прежде чем граф с таким удивительным терпением и умением занялся их обработкой, были пустынные, непроходимые леса чередовались здесь с поросшими травой степными пространствами, где не было ни одной человеческой души. А теперь! Повсюду плантации сахарного тростника, на которых работают черные и белые, и не под грозным кнутом грубых надсмотрщиков, а под надзором немцев-инспекторов, которые получают такое щедрое вознаграждение за свои труда, что лица всех светятся довольством. Здесь же можно увидеть поля, засеянные рожью, ячменем, пшеницей и рисом, а также плантации с табаком и хлопчатником. Под сенью высоких пальм скрывается селение с церковью и школой. Повсюду там царит мир и порядок, и вам кажется, что вы перенеслись в самую благословенную часть нашего отечества, пока кедры и бананы, огромные выющиеся растения, пальмы и роскошные финиковые и апельсиновые деревья не напомнят вам, что вы находитесь на далеком юге.

– О, могу себе представить, сколь очарователен этот вид! – подхватила принцесса.

– Живописно катит свои воды между лесами и полями большая река. Корабли перевозят плоды труда Монте-Веро в отдаленные торговые города и в Рио-де-Жанейро, и все это делается с редким усердием и даже с радостью. Какой противоположностью являются другие имения, где вы слышите стоны черных и удары кнута надсмотрщиков. В Монте-Веро тысячи людей нашли себе благословенную родину.

– Это прекрасно! Прекрасно! – воскликнула Шарлотта.

– Виллы графа живописно раскинулись под сенью леса; но его любимое место – дворец, построенный на немецкий лад и окруженный великолепными садами. Он находится высоко над рекой, откуда открывается вид на обширные поля.

– Вы возбудили во мне желание увидеть этот земной рай!

– В эту минуту Эбергард подошел к принцессе и молодому художнику, который с таким воодушевлением описывал его владения. Шарлотта приветливо обратилась к графу, между тем как тот вежливо поклонился ей.

– Я была долго лишена вашего общества, – проговорила принцесса, – и мне кажется, что вы и сегодня не подошли бы ко мне, если бы не случай попросить вас сюда, чтобы принять участие в беседе, которую я с таким удовольствием веду с господином Вильденбруком.

Эбергард поклонился художнику, а принцесса грациозным движением руки указала на графа.

– Граф Монте-Веро, – проговорила она, довольная изумлением и смущением молодого живописца. – Беседа эта действительно доставляет мне удовольствие, – продолжала Шар-

лотта. – Я надеюсь, и вы разделите его, если узнаете, что речь идет о Монте-Веро, где недавно побывал господин Вильденбрук.

Эбергард с интересом посмотрел на художника, который, в свою очередь, с удивлением глядел на графа.

– Заслужил ли я вашу милость, принцесса?

– Неужели вы, господин граф, уже забыли наше странное приключение в Шарлоттенбрунском лесу, когда вы мне спасли жизнь? Мне кажется, я, несмотря на все ваши старания везде удаляться от меня, должна выказывать вам свою признательность тем, что живо интересуюсь всем, что касается вас. Поэтому я сегодня с удовольствием слушала рассказы о Монте-Веро.

– Как я благодарен вам, ваше высочество, за то, что вы так высоко цените маленькую услугу, которую мне удалось оказать вам, – проговорил Эбергард, и, обратившись к Конраду Вильденбруку, продолжил: – Очень жаль, что я не имел удовольствия приветствовать вас в Монте-Веро как немца.

– Господин фон Вельс был так любезен...

– О, он мой большой друг...

– Он сообщил мне, что вы, господин граф, на несколько лет отправились в Европу.

– Когда же посетили вы мою новую родину?

– Восемь месяцев назад. Ваши управляющие показывали мне плантации, поля и леса, и я рад сообщить вам, что ваша колония находится в наилучшем состоянии. Я даже привез зарисовки некоторых мест Монте-Веро, которые особенно красивы.

– Вы очень обрадовали меня, господин Вильденбрук, можно ли мне видеть ваши эскизы?

– Я тоже желаю видеть их – вы возбудили мое любопытство, – сказала принцесса.

– Позвольте мне, ваше высочество, посвятить их вам.

– Но ведь в таком случае я лишу их господина графа.

– Я сделаю копии, – ответил художник, – и не премину поднести их вам, господин граф, – прекрасное воспоминание о принадлежащем вам рае.

– Вы очень щедры, господин Вильденбрук! Я надеюсь благодаря этим картинам увидеть, наконец, графа Монте-Веро в нашем замке, что до сих пор не удавалось, несмотря на приглашение моей августейшей матери.

– Милостивая принцесса, – отвечал Эбергард, между тем как художник продолжал беседу с Арманом, – нами всеми повелевает деспот, против которого я уже часто замыслил революционные заговоры, жестокий, неумолимый деспот – время. Со времени моего приезда я посвящаю свои незначительные силы некоторым предприятиям.

– Я слышала о них.

– У меня остается так мало времени, что я должен просить извинения...

– Мне казалось, что после той незабвенной ночи я имела некоторое преимущество, но теперь вижу, что ошиблась! – проговорила Шарлотта, поднося к губам поданный ей бокал с шампанским.

В эту минуту мимо беседовавших под звуки музыки пронеслись танцующие пары – королева с принцем Августом, княжна Ольга с принцем Этьеном, графиня Монно с кавалером де Вилларанка и другие. Эбергард посмотрел на танцующих, и взгляд его встретился со взглядом красавицы княжны, которая при каждом повороте устремляла на него свои темные холодные глаза.

Заметила ли это принцесса?

Юстус фон Арман пригласил на танец какую-то придворную даму, между тем как художника подозвали к королю, который вместе с хозяином стоял у окна.

В зале стало жарко; фонтаны с душистой водой не могли уже освежать и очищать тяжелый воздух. Король, сопровождаемый князем и художником, отправился в голубую гостиную.

Присутствующие, предаваясь веселью, не заметили, как удалился король, только от внимания принцессы Шарлотты это не ускользнуло.

– Ваше высочество, вы, кажется, не любите танцевать? – спросил Эбергард, прерывая молчание.

– Я предпочитаю, подобно моему августейшему дяде, прохладу одной из боковых комнат, потрудитесь проводить меня туда, господин граф.

Эбергард отворил дверь в зеркальной стене, и принцесса вошла в прохладную залу, наполненную светом красноватых светильников, где сидели и прохаживались отдельные гости. Увидев ее под руку с графом Монте-Веро, придворные стали мало-помалу удаляться, чтобы не мешать.

Тихо доносились звуки музыки; на стенах висели портреты мужчин и дам в русских национальных костюмах – изысканное немое общество, с которым прекрасная пара вскоре осталась наедине.

Шарлотта не заметила, как гости один за другим вышли из залы; она была слишком увлечена беседой с Эбергардом и часто подымала на него свои прекрасные кроткие глаза.

Принцесса любила Монте-Веро; она не могла больше скрывать этого – сердце ее радостно забилося при сегодняшней встрече с ним. Она любила этого прекрасного человека, каждое слово которого, каждое движение обнаруживали его внутреннее совершенство и благородство, она любила его тем сильнее, чем сдержаннее он был при своей очевидной искренней привязанности; это спокойствие при такой глубине чувств, это изумительное умение владеть собой производили еще большее впечатление на юную принцессу, которая увидела в нем олицетворение своего идеала и впервые в жизни полюбила пылко и нежно.

А Эбергард? Знал ли он, что Шарлотта любит его, и отвечал ли он на эту любовь?

Граф Монте-Веро чувствовал глубокую привязанность к очаровательной принцессе, которая нравилась ему своим чистосердечием и женственностью. Его привязанность к ней росла. Привязанность эта была пока слабым мерцанием, осветившим его сердце, но со временем могла перейти в горячую, страстную любовь.

– Мне кажется, когда я нахожусь рядом с вами, – начала Шарлотта, – я не должна иметь от вас тайн, должна излить вам все, что меня наполняет и волнует, и спросить вас, чувствуете ли вы то же самое. Для меня было бы величайшим счастьем иногда хотя бы слышать от вас: «Я чувствую то же самое», потому что все, что вы говорите и делаете, я почитаю как святыню.

– Я вас понимаю, Шарлотта, – прошептал Эбергард. Я не знаю, что меня так сильно волнует, когда я – что случается так редко – вижу вас, Эбергард, но к чему искать разъяснения тому, чему, может быть, лучше всего остаться неразгаданным.

– В нас есть целый мир, принцесса, и в нем мы переживаем все прекраснее, чем может нам представить действительность. Пусть это будет утешением для тех, кто не могут принадлежать друг другу, хотя сердца их соединены навеки.

Шарлотта, взволнованная словами графа, хотела что-то ответить, но тут дверь отворилась, и пыльные слова, идущие от самого сердца и готовые сорваться с ее уст, так и не прозвучали.

В дверях показалась королева, а за нею княжна Ольга, которая, по-видимому, и привела ее сюда. Может быть, она только и ожидала случая, чтобы ввести королеву, которой было жарко в танцевальной зале, в прохладную красную комнату, куда, как она видела, вошли принцесса с графом. По мрачному блеску глаз было видно, что ее сильно взволновала мысль, что эта пара оставалась наедине.

При появлении королевы принцесса, преодолевая волнение, подошла к ней. На прекрасных губах гордой княжны появилась язвительная улыбка.

– Дорогая Шарлотта, – ласково проговорила королева, – я очень рада, что нахожу тебя здесь, чтобы провести с тобой недолгое время до возвращения в замок. Я уже поручила графу

Монно известить о том адъютантов. Благодарю вас за интересную беседу, дорогая княжна, – обратилась она к Ольге, – и выразите мою искреннюю благодарность вашему многоуважаемому отцу за доставленный мне приятный вечер. Мое здоровье так расстроено, что я предпочитаю возвратиться с его величеством, моим супругом, в замок, однако не желаю нарушить этим продолжение прекрасного праздника.

Эбергард, молча и церемонно поклонившись королеве и ее племяннице, возвратился в залу вслед за молодой княжной, которая испытывала потребность унижить всеми отличаемого графа. Ей не давало покоя, что этот гордый человек неизменно встречает ее с холодностью.

Когда их величества и члены королевского дома удалились, в зале образовались беседующие группы. Ольга села в кресло, стоявшее у окна, и попросила вставших со своих мест Армана и Вильденбрука не стесняться и продолжать разговор.

Эбергард обменялся несколькими словами с князем и приблизился к его весьма взволнованной дочери. Он остановился перед ней, устремив на нее пристальный взгляд.

Княжна молча ответила на поклон графа; ни слова не вырвалось из ее побледневших, дрожащих губ, но причиной тому была уже не прежняя холодная гордость.

Слова Эбергарда звучали как вечное прости, видно было, что он решился избегать ее.

Княжна почувствовала дотоле неведомую ей сильную боль в груди.

Когда Эбергард вышел из дворца русского посольства, чтобы, несмотря на резкий ветер и снег, отправиться домой пешком, ему показалось, что наверху в окне что-то мелькнуло. И он увидел перед собой на снегу что-то красное. Были ли это красные розы, которые княжна Ольга носила на груди?

Граф Монте-Веро, занятый своими мыслями, переступил через них.

XIX. Гости Черной Эсфири

Канун Рождества. На покрытых снегом улицах столицы было оживленно. Отцы и матери спешили с елками, несли корзины с яблоками, покупали подарки. Стайки мальчишек с веселыми криками подбегали к возведенным на дворцовой площади лавкам, где были выставлены елочные игрушки, подарки для детей и взрослых, которые торговцы громко предлагали прохожим.

Неподалеку от этого базара, за рекой, через которую был переброшен широкий железный мост со статуями, раскинулся обширный еврейский квартал с бесчисленными узкими и грязными улицами. Серые ветхие дома здесь были переполнены жильцами, а в смрадных подвалах торговали старыми вещами. Грязные, оборванные дети, сгорбленные старики и громкоголосые женщины с восточным типом лица сновали по улицам.

Иногда здесь можно было прочесть над дверью: «Ссуда денег под залог», а если бы чаще осматривали скрытые склады тряпичников, едва освещенные и известные только посвященным, то нашлись бы многие вещи, владельцы которых и полицейские напрасно искали уже долгое время. Здесь укрывались подозрительные лица, которые почему-либо имели основание избегать полиции.

Когда начало смеркаться, в одну из узких улочек на, пути от монастырского рынка свернули двое. Они не бросались никому в глаза – их одежда была обычной для этой части города. Одной была маленькая, сгорбленная женщина, в старой соломенной шляпе с широкими полями, скрывавшими почти все ее лицо, и в бесцветном клетчатом платке; в руке она держала большой старомодный красный зонт.

Рядом с нею шел мужчина; он тревожно озирался и старался оставаться в тени домов, так что даже самому невнимательному наблюдателю было ясно, что он чего-то боится. На нем был коричневый застегнутый доверху сюртук и надвинутая на глаза старая темно-серая шляпа.

– Ты смельчак, Фукс, – прошептала сгорбленная старуха, – что если бы тебя узнала не я, а кто другой?

– Другому я едва ли дал бы себя узнать, ты знаешь, Паучиха, я человек решительный!

– Верно, тебе уж особенно надо было выйти! – проговорила госпожа Робер не без любопытства.

– Точно так же, как и ты не станешь даром утруждать своих ног в такую пору.

– Это ты верно сказал. На старости лет еще не иметь покоя по вечерам!

– Скажи-ка лучше, куда делась Маргарита, которую ты выманила у моей жены, проклятая Паучиха? – убедившись, что вокруг никого нет, Фукс схватил за руку испуганную старуху.

– Выманила! Да ты шутишь, Фукс! – отвечала старуха. – Ведь я дорого заплатила за нее!

– Я хочу знать, где эта девушка, – говори скорее» или тебе плохо будет!

Бедная старуха поняла, что не отделается молчанием. Тем более что эта часть города была далеко не безопасной.

– Я скажу тебе, но только отпусти мою руку! Она у богатого лорда Уда!

– Сколько заплатил тебе этот старик? Ты получила бы втрое больше от отца этой девушки!

– Мне давно уже известно, что Маргарита – дочь богатого человека. Я сама жалею, что сделала глупость.

– Маргарита у лорда Уда – я тебе шею сверну, если ты меня обманула!

– Там ли она теперь, я не знаю, но я продала ее этому старому ловеласу.

– Ага! Я вижу, ты побывала уже у старика и узнала, что ее там нет!

– Я ничего не могла узнать от лакеев, – ответила Паучиха, хотя отлично знала, что Маргарита в настоящее время находилась на вилле принца Вольдемара. Но старуха имела свои

виды на девушку, так как фон Шлеве сказал ей по секрету, что Маргарита родная дочь графа Монте-Веро.

– Я говорю вам это только из сострадания к девушке и отцу с условием, что еще сегодня вечером вы сообщите об этом графу, – сказал ей барон, – он щедро вознаградит вас и сейчас же, как только стемнеет, отправится в виллу за своей дочерью.

Легко можно догадаться, как старуха желала в эту минуту отделаться от мерзкого Фукса, чтобы тут же отправиться на Маршальскую улицу, где жил граф. Она проклинала случай, который свел ее именно в эту минуту с преступником. Но вот из соседнего дома вышло несколько евреек.

– Будь ты проклята! – пробормотал Фукс, отпуская руку Паучихи, которая быстро отошла от него. Радуйся, что уже шесть часов, а то бы так просто не освободилась от меня!

Видя, что Паучиха направилась к Монастырской площади, Фукс быстро нырнул в один из домов, входная дверь которого была открыта настежь. Возле темного коридора, куда он вошел, за стеной находилась лоскутная лавка, над ней красовалась вывеска: «Магазин платья Шаллеса Гирша».

Фукс, по-видимому, отлично знал этот низкий старый дом. В двух шагах от двери было уже так темно, что не видно и собственной руки, но Фукс уверенно миновал крутую грязную лестницу, что вела наверх, где жил владелец дома Шаллее Гирш, и прошел к двери, которая всегда была заперта. Но Фукс принадлежал к числу тех, перед которыми она отворялась. Для этого он наступил на подкову, прибитую у порога.

Из мрака пахло сырым, холодным воздухом – он оказался под открытым небом во дворе.

Этот двор, подобно тюремному, был окружен со всех сторон высокими стенами. Впереди при блеске снега был виден флигель с низкими окнами, а за ним возвышалось строение, которое своими крохотными окошками походило на конюшню или сарай. Фукс приблизился к нему и спустился по лесенке в подвал.

Ни один лучик света не проникал через подвальные окошечки с железными решетками, но за ними явно кто-то находился, так как Фукс три раза постучал в окно.

Услышав шаги за дверью, Фукс расстегнул свой сюртук, под которым оказался черный шелковый жилет, на нем блестела тяжелая золотая цепь.

– Кто там? – спросил женский голос.

– Тот, кого ты ожидаешь, прекрасная Эсфирь, отвори!

Задвижка отодвинулась, и дверь отворилась. На пороге показалась фигура девушки, державшей в руке свечу.

Эсфирь была дочерью Шаллеса Гирша и опасной союзницей самых ловких мошенников великого города. Ее мать, Сара, была сестрой известного Икеса Соломона из Лондона, который принадлежал к числу богатейших торговцев краденым. Икес Соломон умер в глубокой старости, но сыновья продолжали его ремесло и постоянно поддерживали отношения с Шаллесом Гиршем. Полиция не подозревала, какого рода торговлей занимался этот человек, его считали оптовым торговцем старым платьем, которое он пересылал через Англию в Америку. Этот ловкий преступник умел хорошо прятать концы в воду. Кроме того Шаллес Гирш давал в своем доме тайный приют преследуемым собратьям по ремеслу, на чем отлично наживался, так как они за надежное убежище часто отдавали ему почти всю выручку своей ночной охоты. Хозяйкой и распорядительницей в этом притоне преступников была его дочь, Эсфирь, которая носила прозвище «ЧЕРНАЯ».

Эту Черную Эсфирь, возможно, узнают многие посетители Эмса, Висбадена и Баден-Бадена; блистая роскошными туалетами, она в сопровождении ловких мошенников являлась летом на воды, где обирала легкомысленных влюбленных стариков, – эта восточная красавица стояла теперь перед Фуксом. Высокую и стройную фигуру обтягивало черное платье, из-под

которого виднелась красная юбка и маленькие ноги в изящных башмачках. Длинные черные локоны подчеркивали белизну прекрасных плеч. Большие темные глаза ее горели тем обжигающим огнем, что свойствен восточным женщинам. Она подала Фуксу свою маленькую белую руку.

– Здравствуйте, – она, многообещающе улыбнулась. Фукс запер дверь на задвижку и хотел было обнять прекрасную Эсфирь, но она с ловкостью кошки ускользнула от него и поспешила по неровным, старым доскам пола, крикнув ему:

– Вас уже ждут, не мешкайте!

Она скрылась, пройдя мимо старой лестницы, что вела в верхний этаж, и через люк в полу по крутой лесенке спустилась в нижнее помещение.

– Последний запирает! – крикнула она шутливым тоном следовавшему за ней Фуксу; эта легкая беззаботность в сочетании с ее красотой была ее опаснейшим оружием.

Фукс последовал за Эсфирью, закрыв за собой потайной люк.

Они оказались в подвале, где для виду был рассыпан картофель и лежали другие овощи; только глухой шум голосов и стук стаканов, доносившийся из глубины темного подвала, свидетельствовали, что это помещение служило местом тайного собрания. Фукс следовал за Черной Эсфирью, любуясь ее маленькими ножками. Голоса становились все громче и наконец Эсфирь остановилась перед высоким шкафом с полками, на которых стояли старые пустые цветочные горшки и несколько бутылок. Задняя стенка этого шкафа прикрывала вход в другую часть подвала, для этого нужно было только открыть дверцу шкафа. При внезапном обыске шкаф этот представлял необходимую домашнюю утварь, никто не подозревал о его истинном назначении.

Прекрасная Эсфирь отворила эту хитрую дверь; густым смрадом пахнуло из освещенного красноватым светом помещения, где за столом, уставленным бутылками и стаканами, сидели известные нам четверо бандитов. Рыжий Эде, который в компании с товарищем с немалым успехом посетил ночью какой-то богатый магазин шелковых товаров, угощал сегодня своих друзей отменным вином, тоже, без сомнения, краденым, так как Черная Эсфирь не очень дорого брала за него.

– Вот и он! – вскричал Кастелян. – А мы только тебя и ждали, – обратился он к вошедшему Фуксу.

Один из собутыльников встал с неуклюжего табурета и подал бывшему канцеляристу свою сильную руку, он был невысок ростом, но весьма крепок с виду. Его безбородое лицо дышало здоровьем; темно-русые волосы были коротко острижены, а глаза не выражали ровным счетом ничего. На нем была грязная блузка, которую он носил в память о своем прежнем кузнечном ремесле, и старая потертая фуражка; в руке он держал стакан, будто не мог оторваться от него.

Рыжий Эде походил сегодня на денди; даже свою рыжую бороду он выкрасил в темный цвет, а волосы намазал душистой помадой.

Подле него, счастливо улыбаясь, сидел толстяк доктор, а напротив – чернобородый Дольман. Подперев голову руками, он разглядывал вошедшего Фукса и Черную Эсфирь, которая из предосторожности заперла за собой дверь. Ни одного окна не было в этом мрачном подземном помещении с грязными стенами.

– Как, ты еще не на виселице? – со смехом спросил доктор Фукса. – Черная Эсфирь, стул и стакан! Я каждый раз думаю, что вижу тебя в последний раз.

– Ну, господа, попадись я, вам всем будет плохо!

Взрыв хохота был ответом на это дружеское уверение Фукса, который, не дожидаясь, пока Эсфирь принесет ему стакан, залпом осушил стакан Рыжего Эде.

– Время – деньги, нельзя терять ни минуты, – сказал Кастелян, – но сперва следует опорожнить эти две бутылки. Иди, Фукс!

Он чокнулся с бывшим канцеляристом, который не отрывал взгляда от Эсфири.

– Ну, говори! – нетерпеливо воскликнул Дольман. – ты же созвал нас, чтобы что-то сообщить.

– Теперь все в сборе, я не люблю повторяться, – ответил Кастелян, вынимая из блузы какое-то письмо, – речь идет о маленькой ссоре, из-за нее-то мы и должны отправиться в десять часов в засаду.

– А деньги где? Ты уж, верно, опять спустил их? – прервал его Рыжий Эде.

– Деньги мы получим, как только обтяпаем дело, – пояснил Кастелян. – Нынче вперед не платят.

– Тут что-то неладно! Кто станет подставлять свою шкуру, если нет уверенности? – спросил доктор. – Я на это не согласен!

– Так отстань от нас, толстяк, от тебя все равно мало толку! – громко воскликнул Кастелян, вскочив с места. – Нас все-таки останется четверо, ведь разговор о маленьком нападении! Сегодня вечером, между девятью и одиннадцатью часами, какой-то господин проедет в карете или верхом по Лихтенфельдской аллее. Очень может быть, что он будет иметь при себе одного или двух провожатых. Он тайно посетит виллу, что в конце аллеи, с правой стороны. Так сказано в письме! – Кастелян сложил бумагу.

– В письме еще что-то сказано, не обманывай нас! – воскликнул Рыжий Эде.

– Ну да, тут еще сказано, что этот господин обыкновенно носит при себе много денег. Я уже составил план! Дольман и Рыжий Эде бросятся на лошадей и займут кучера или рейткнехта; доктор станет на карауле, а мы с Фуксом займемся остальным. Думаю, что в полночь мы снова будем у прекрасной Эсфири и не с пустыми руками.

Кастелян тайком толкнул сидевшего подле него Фукса, давая ему понять, что в этом деле есть еще более важные обстоятельства, которые он сообщит ему позже.

Еще раз зазвенели стаканы; с грубыми шутками и громким смехом выпили гости Черной Эсфири за успех предприятия, которое готовились совершить. Только Дольман был молчалив и по временам недоверчиво поглядывал на Фукса, которого ненавидел, и на Кастеляна, у которого, по-видимому, были задние мысли.

Рыжий Эде надел шляпу и запел какую-то песню.

– Вы идите вперед, а мы с Фуксом – за вами, – сказал Кастелян. – На Лихтенфельдской аллее встретимся у кустарника, возле виллы. Есть ли у вас при себе оружие?

– Что за вопросы! – возмутился Рыжий Эде.

– Ну, о тебе я не беспокоюсь, я спросил доктора. Но идите, идите, уже пора!

Дольман, доктор и Рыжий Эде вышли, сопровождаемые Эсфирью, которая последовала за ними со свечой в руке.

Оставшись наедине с Фуксом, Кастелян признался:

– Дело будет не таким легким, как они думают. Тот, на кого мы готовимся напасть, говорят, имеет дьявольскую силу.

– А кто это? – спросил Фукс.

– Это граф Эбергард Монте-Веро.

– Эбергард Монте-Веро? – повторил Фукс, глаза его заблестели.

– Ты знаешь его?

– Да, почти.

– Он, видно, имеет какое-нибудь тайное намерение, похищение или что-нибудь вроде.

– Похищение? А чья это там вилла?

– Принца Вольдемара.

– Гм! – проговорил Фукс, размышляя и глядя перед собой. – Это дело начинает меня забавлять, но жаль, что ты сообщил о нем другим, мы бы его вдвоем сделали!

– Я так и хотел сначала; но потом случайно узнал от хромого Карла, с которым когда-то обучался слесарному ремеслу, – его сестра служит в замке, – что у этого графа недюжинная

сила и что его, кроме негра, всегда сопровождает еще один лакей. Если считать и кучера, то их будет четверо, а это нам не по силам.

– Гм! Ну, а если мы отправим к праотцам этого самого Эбергарда и его провожатых, что тогда?

– Тогда мы разделим деньги и отпустим товарищей, а в двенадцать часов будем уже на Маршталльской, где находится дворец графа. Там только несколько лакеев, и нам нетрудно будет туда попасть! Нажива наша будет изрядной. Говорят, граф потрясает всех при дворе своими сокровищами.

– У тебя, как видно, хорошие друзья!

– Он подарил королю три черных бриллианта. Черт возьми, Фукс, скорее бы попасть на Маршталскую!

– Мне кажется, что за этого Эбергарда лучше приняться уже тогда, когда он поедет обратно.

– На этом мы теряем время.

Черная Эсфирь возвратилась.

– Ты проводила их до улицы? – поинтересовался Фукс.

– Кругом тихо, никого нет, соседи все сидят по домам, на дворе холодно и ветрено и к ночи, как видно, пойдет снег.

– Так отправимся в путь, кланяйся старику Шаллесу и Саре. – Кастелян надвинул фуражку на глаза, а Фукс застегнул свой сюртук.

Черная Эсфирь проводила и их.

XX. Нападение

В тот самый вечер в канун Рождества, когда Маргарита бежала из дворца принца и гости Черной Эсфири отправились на ночной грабеж, Паучиха, по наущению камергера фон Шлеве, спешила ко дворцу графа Монте-Веро на Маршгальской улице.

Эбергард же проводил этот день в обществе молодого художника, закупая полезные подарки, чтобы порадовать малоимущий люд бедных предместий и кварталов.

Под вечер к нему явились Ульрих и доктор Вильгельми; между тем как первый сидел с графом в его рабочей комнате, толкуя о новых предприятиях и обсуждая разные планы, доктор отправился к Рудмиру, казаку, которого Эбергард подобрал на улице с сильными ушибами и перевез к себе.

Казак, которого доктор Вильгельми застал уже в лучшем состоянии, совсем не знал, какая перемена вдруг произошла в его судьбе. Он лежал, чего до сих пор с ним не случалось, на чистой постели, покрытый теплыми одеялами, а у его изголовья сидел лакей, который заботливо ухаживал за ним, и, что всего удивительнее, каждый день приходил его спаситель и справлялся о здоровье. Тогда казак шептал, обращаясь к графу, на непонятном языке какие-то слова и силился приподняться, чтобы поцеловать ему руку.

Доктор сообщил Эбергарду, что казак близок к выздоровлению, и простился, сказав, что должен посетить еще многих больных, которые подают меньшие надежды.

Этот друг человечества неуспынно занимался наукой, расширял круг своих знаний, но находил особое удовлетворение в помощи страждущим собратьям.

Ульрих также простился с Эбергардом, чтобы зажечь елку для своих детей в комнате старого, разбитого параличом дедушки. Эбергард любил и уважал отца Ульриха и попросил от души поздравить его с наступающим праздником.

Когда Эбергард спустился в залу, уже стемнело. Он ожидал художника Вильденбрука и Юстуса Армана, которые занимались раздачей купленных им подарков. Наступавший вечер Эбергард хотел посвятить воспоминаниям, сидя перед портретом отца Иоганна.

Но когда Сандок отворил дверь залы, Эбергард увидел на мраморном столе зажженную елку. Это был приятный сюрприз. Возле елки с довольным лицом стоял Мартин – эта елка была его затеей. Эта сохранившая запах леса елка с восковыми свечами вызвала в Эбергарде воспоминания о том давно прошедшем времени, когда отец Иоганн такие елки каждый год устраивал для него. Он молча подошел к Мартину и крепко пожал ему руку.

– Не стоит благодарности, господин Эбергард! – проговорил честный моряк. – Не стоит благодарности! Посмотрите-ка, что здесь приготовил для вас господин Вильденбрук. Он так прекрасно нарисовал на полотне наше Монте-Веро!

Эбергард увидел три картины, стоявшие за елкой, которых он, войдя, не заметил. Это были те самые картины, о которых художник несколько дней назад говорил на балу принцессе.

На одном из полотен была его прекрасная вилла. Он узнал даже своих управляющих и двух больших собак, лежавших у веранды; каждая пальма, каждый куст были как живые. Эбергард невольно улыбнулся.

На двух других картинах были изображены плантации сахарного тростника и река и гавань Монте-Веро. Эбергард долго не мог оторвать взгляд от произведений Вильденбрука.

Вдруг чья-то рука тихо легла на плечо Эбергарда, Мартин с вежливым поклоном отступил в сторону – это был художник, который вошел в залу вместе с Юстусом Арманом.

Эбергард протянул им руки.

– Какой сюрприз, дорогой Вильденбрук! – воскликнул он.

– Мертвые копии ваших живых творений!

– Но ведь вы, кажется, обещали подарить их принцессе Шарлотте?

– Совершенно верно, господин Эбергард, – отвечал художник, которого граф Монте-Веро, как и Юстуса Армана, просил называть себя по имени, опуская титул. – Но очаровательная принцесса предпочла взять себе копии и предоставить вам оригиналы, она – ангел!

– От души благодарю вас, дорогой друг, и позвольте вам сказать, что вы своим подарком украсили мне сегодняшний вечер и сделали его незабываемым.

– Как и вы сделали то же для многих!

– С вашей помощью!

– Все прошло превосходно, сколько радостных лиц видели мы! – сообщили молодые друзья Эбергарда. – Не назвав ни себя, ни того, кто прислал подарки, мы все раздали, и теперь семьи бедняков с радостью встретят рождественский праздник.

– Ну, по крайней мере вы не принадлежите к тем волкам в овечьей шкуре, которые называют себя друзьями и благодетелями бедных и хвастают подаяниями, преследуя только свои собственные эгоистичные цели.

– Еще к нам присоединился молодой русский офицер, который просил позволения принять участие в нашем деле, – сказал Вильденбрук. – Он мне очень понравился, несмотря на свою молодость. Он в течение всего дня помогал нам и сам пожертвовал значительные суммы.

– Странно! Как его имя?

– Имя его Ольганов, он лейтенант синих гусар.

– Это лейб-гвардия российского императора, организованная по образцу нашей отечественной.

– Совершенно верно, молодой Ольганов был в прекрасном мундире, он отличный наездник, – заметил Вильденбрук.

– Он, по-видимому, уже слышал о вас, – прибавил Юстус, обращаясь к Эбергарду, который, раздвинув подвижную стену в глубине комнаты, показал своим друзьям блестящий символ, значение которого им было известно.

В эту минуту в портале дворца раздался душераздирающий крик, друзья невольно вскопили. Эбергард быстро выбежал на лестницу, Вильденбрук и Арман последовали за ним.

Странное зрелище представилось их глазам.

Негр Сандок, словно тигр набросившийся на какое-то человеческое существо, так крепко прижал его к каменному полу, что человека под ним едва можно было различить. Только подбежав к боровшимся, Эбергард и Мартин увидели, что это была женщина.

С торжествующей улыбкой, в которой вдруг отразилась вся проснувшаяся в нем неукротимость, негр держал высоко над головой несколько маленьких серебряных чаш, которые, вместе с изящными статуэтками на пьедесталах, украшали портал.

– Воровка, – кричал он на португальском языке.

– Помогите, он меня задушит, умираю! – стонала женщина.

Мартин приказал Сандоку выпустить свою добычу, что тот и сделал, и теперь можно было видеть, что кричавшая была сгорбленной старухой, она стонала и плакала, стараясь вызвать жалость.

– Я видел, как эта женщина вошла в портал, – начал Сандок, сверкая глазами, – как она стала озиаться кругом и, не увидев никого, подошла к колонне. О, у Сандока глаза, как у дикой кошки. Старуха схватила эти серебряные чаши, высыпала из них цветы и спрятала добычу под платок, но тут Сандок подскочил и схватил ее.

Мартин невольно засмеялся при виде торжествовавшего негра и старухи; та, соорудив плаксивую физиономию, наклонилась, чтобы поднять свой красный дождевой зонт, который она от страха выронила из рук.

Читатель, без сомнения, узнал в сгорбленной старухе Паучиху, визит которой во дворец графа Монте-Веро начался столь неблагоприятно.

План камергера фон Шлеве, которого мы уже узнали из письма Кастеляна, очевидно, рухнул бы, если бы негр не заметил воровства госпожи Робер и позволил бы ей улизнуть с добычей. Тогда она, по всей вероятности, исполнила бы поручение к Эбергарду только на следующий день.

– О сударь, – простонала старуха, долго кашляя, чтобы придумать отговорку. – О сударь, избавьте меня от этого дьявола! Я, которая в чести дожила до седых волос, вдруг стану воровать! Да избавит меня Бог от такого греха!

Негр, который не понимал слов старухи, со сверкающими глазами следил за выражением ее лица и по нему догадывался о смысле ее речей, утверждал, что видел, как старуха уже спрятала серебряные чаши под платок.

– Я хотела только осмотреть их, так как еще никогда не видела таких ценных вещей! Ведь я имею поручение к господину графу...

– Поручение к господину графу Монте-Веро? – Мартин недоверчиво посмотрел на старуху, которая в своем выгоревшем платке и старой шляпе походила на нищую.

– Да, я имею важное поручение к нему, которое могу сообщить только с глазу на глаз. И скажу вам, он вдвое больше вознаградит меня, чем стоит эта чаша, он даже убьет это черное чудовище, которое почти задушило меня, если услышит, что тогда потерялось бы известие, из-за которого я, старая, больная женщина, пришла сюда в холод и снег, да и еще в такое позднее время!

Эбергард подошел ближе и внимательно осмотрел старуху, которая возбуждала жалость своим ужасным кашлем.

– Что вам надо от графа? – спросил он.

– Это я могу сообщить только ему самому, – прошептала Паучиха, подойдя к Эбергарду, чтобы быть подальше от негра.

– Можете здесь без всяких опасений сказать то, что вам надо.

– Даже если вы мне Бог знает что пообещаете, сударь, сообщение свое я могу сделать только господину графу.

– Так следуйте за мной, я тот, кого вы ищете.

– О, вы господин граф! Какой позор! Мне, несчастной, пришлось в голову из любопытства осмотреть чаши, а этот черный злодей подозревает, что я с другим намерением тронула эти вещи, – жаловалась старуха, следуя за Эбергардом по мраморным ступеням и жадным взором осматривая редкостные растения и дорогие ковры.

Эбергард думал, что сгорбленная старуха хочет просить его о пособии, и, хотя больше верил словам Сандока, все же решил избавить ее от дальнейших преступлений, назначив ей пожизненное вспомоществование. При этом ему смутно припомнилось, что он уже где-то видел эту старуху, и потому, войдя в залу, при виде которой госпожа Робер в восторге всплеснула руками, он сказал ей:

– Садитесь. Как ваше имя?

Паучиха недоверчиво поглядывала на художника и Армана, которые, отойдя в сторону, рассматривали прекрасные статуи у камина.

– Почему вы мешкаете, любезная? – продолжал Эбергард, видя смущение старухи, и подвинул к ней свое кресло. – Доверьтесь мне смело, зачем вы пришли.

– Говорите тише, милостивый государь, дело касается не меня, а вас.

– Значит, вы тем смелее можете приступить к делу; эти господа могут знать все, что касается меня.

– В таком случае я скажу вам: я принесла вам известие о вашем ребенке.

– О моей дочери?! – воскликнул Эбергард с радостным изумлением. – Говорите, дрожащая, и скажите мне правду, тогда я не только выполню свое решение облегчить вам старость, но и щедро вознагражу вас.

– О господин граф, я хоть и бедна и больна, – проговорила Паучиха с ловким притворством и напускною грустью, – но не за тем пришла к вам. Я понимаю, как вы страдаете! И при богатстве бывают слезы! Но ваше потерянное дитя нашлось. Я случайно узнала, что та прекрасная молодая девушка – ваша родная дочь; да-да, в этом нет сомнения, когда взглянешь на вас. Я всегда говорила, что эта очаровательная девушка высокого происхождения!

– Так скажите мне, где я могу найти ее? – быстро проговорил Эбергард.

– О, я уже вижу вашу радость, еще несколько часов, и вы найдете свою дочь. Не сомневайтесь в моих словах, господин граф, и поспешите туда. Будь я проклята, если вы не найдете свою дочь!

– Возьмите мой кошелек и приходите завтра снова, вы получите богатое вознаграждение.

– Тысячу раз благодарю вас, господин граф, но завтра я не приду. Я не нищая! Я это делаю из человеколюбия! – сказала госпожа Робер, взвешивая туго набитый кошелек. – Поспешите в Лихтенфельдскую аллею, в конце ее стоит вилла, там вы найдете свою дочь.

– Кому же принадлежит эта вилла?

– Как мне, бедной старухе, знать это, господин граф! Я даже и не знаю, каким образом попала туда ваша прекрасная дочь. Поспешите, посмотрите сами, правду ли я сказала вам.

– Поведайте мне, как вас зовут и где вы живете, добрая старушка, чтобы я мог доказать вам свою благодарность и вместе с дочерью отыскать вас.

– Отпустите меня, господин граф, я уже вознаграждена, вы сделали больше, чем надо.

Паучиха одним взглядом убедилась, что получила значительное число золотых монет, и сердце ее запрыгало от радости. Она простилась с добрым графом, пожелав ему всего хорошего, и на всякий случай внимательно присмотрелась к зале и ее выходам, сознавая, что никогда еще не видала такого роскошного, богатого убранства.

Когда госпожа Робер, кашляя и стелая, стала спускаться по мраморным ступеням, чтобы скорее убраться из поля зрения негра, Эбергард рассказал своим друзьям, почему его так сильно взволновало сообщение старухи, и оба решили, так как было уже поздно, сопровождать графа.

– Я принимаю вашу дружескую услугу, – проговорил Эбергард, приказав оседлать трех из своих лучших верховых лошадей, – не потому, что боюсь пуститься в путь один, а потому, что ваше общество доставляет мне удовольствие. Мартин, ты последуешь за нами в карете, на дворе очень холодно, и если, Бог даст, я найду свою дочь, мне бы хотелось со всеми удобствами доставить ее сюда в этот поздний час.

Около десяти часов они спустились вниз, чтобы сесть на ожидавших их у подъезда лошадей. Ветер хлестал им в лицо, и они поскакали, плотнее закутавшись в свои плащи, между тем как Мартин последовал за ними в крытом экипаже.

Когда они проезжали мимо королевского замка, Эбергард заметил офицера, который, остановив свою лошадь, бросил какому-то старику, сидевшему на углу возле стены, несколько золотых монет.

– Посмотрите, Юстус, – крикнул Вильденбрук, – не наш ли это синий гусар?

– Без сомнения, это он!

Молодой красивый русский офицер тоже заметил трех приближавшихся к нему всадников. На нем была накинута тонкого сукна шинель, которая ниспадала по обеим сторонам лошади на его ноги, вдетые в серебряные стремяна.

– О, добрый вечер, господа! – сказал он по-французски, направляя свою небольшую, но красивую лошадь к всадникам. – Куда вы направляетесь в столь поздний час?

– Господин лейтенант Ольганов, господин граф Монте-Веро! – отрекомендовал Юстус.

– Наконец-то я удостоился чести быть вам представленным, господин граф. Я уже давно желал этого.

– Мне кажется, что я вас уже где-то видел и слышал ваш голос, господин лейтенант, или, может быть, меня обманывает странное сходство?

– Я уже два раза имел удовольствие быть подле вас, не будучи, однако, замечен вами: год тому назад в цирке и недавно на балу у князя Долгорукого.

– То-то ваше лицо мне все-таки кажется знакомым.

– Как здоровье бедного казака, господин граф?

– А, вы хотите представить мне доказательство! – улыбнулся Эбергард, между тем как Вильденбрук видел по лицу графа, что ему тяжело долее оставаться здесь.

– Не угодно ли вам поехать с нами, господин Ольганов, мы отправляемся в недалекую экспедицию, – проговорил он, обращаясь к молодому русскому.

– С удовольствием, если не буду вам, господин граф, в тягость.

– Мне очень приятно познакомиться с вами, так как вы друг моих друзей.

– И надеюсь со временем ближе сойтись и с вами.

Вскоре они достигли предместья и свернули в аллею, которая протянулась вплоть до виллы принца. Шум улиц замолк, вокруг никого не было видно. Ветер приносился над полями, покрытыми мраком, и так сильно завывал в ветвях старых лип, окаймлявших аллею, что всадники не слышали более шума следовавшей за ними кареты.

Наконец они приблизились к той части дороги, где по одну сторону тянулся высокий кустарник.

Эбергард только хотел сказать своим друзьям, что вилла, без сомнения, находится на правой стороне, как вдруг знакомый звук заставил его дернуть лошадь за поводья.

Ему послышалось, что кто-то взвел курок.

Может быть, это хрустнула ветка? Нет, Эбергард отлично различал такие звуки. И тут же раздался свист и послышались слова Мартина:

– Назад, я убью всякого, кто подойдет ко мне!

– Мое предчувствие! – пробормотал Эбергард и остановил свою лошадь.

Это было знаком для его изумленных спутников сделать то же самое.

– Черт возьми, мы без оружия! – проговорил Вильденбрук. – Это разбойники!

– Они убегут, когда увидят, что на них наскочили всадники! – шепнул Эбергард и дал своей лошади шпоры, так что через несколько секунд был возле кареты.

Он увидел, что двое бандитов набросились на Мартина, предполагая, что тот, которого они хотели ограбить, сидит в карете, между тем как третий схватил лошадей, ставших на дыбы.

Эбергард кинулся к нему и толкнул его под ноги взбешенных лошадей.

Вильденбрук и Юстус принялись за двух других мошенников.

Началась ужасная борьба.

Фукс в ту же минуту выстрелил в Мартина, но, к счастью, благодаря внезапному движению лошадей, пуля пролетела сквозь противоположное окошко кареты; Рыжий Эде схватился с Юстусом Арманом, а русский офицер вдруг заметил широкоплечего доктора, который стоял на карауле, но теперь тоже хотел вмешаться в бой. Раздался второй выстрел, на этот раз пуля достигла своей цели, попав в Вильденбрука. Эбергард подбежал, чтобы поднять раненого, между тем как в ту же минуту Мартин бросился на Фукса и сильным ударом кулака сбил его с ног.

Страшное зрелище представлял собой этот рукопашный бой во мраке ночи, освещаемый только неровным и тусклым светом каретных фонарей; один из них с треском разбил Рыжий Эде, защищавшийся от наскочившего на него всадника.

Кастелян распахнул дверцу кареты, но, найдя ее пустой, с яростью бросился на офицера, который хватил доктора в глаз.

Этот-то шум голосов и выстрелы услышала бежавшая Маргарита. Она упала на колени и стала молиться. Не почувствовала ли она, что тот, кто дал ей жизнь и теперь искал ее, находится в эту минуту в величайшей опасности?

Дольман, которому поручено было держать лошадей, увидел, как тщетны усилия Рыжего Эде, как Фукс свалился на землю; бешенство овладело им, одним прыжком подскочил он к Эбергарду, который старался привести в чувство раненого Конрада, и руки его уже готовы были сомкнуться на шее графа. Но в этот самый миг Эбергард, словно на чей-то зов, быстро обернулся. Свет фонаря упал на благородное лицо графа, и глаза его встретились с глазами того, кто готовился его убить.

Дольман попятился назад – он узнал Эбергарда, и его руки бессильно опустились.

По другую сторону кареты Мартин пришел вовремя на помощь офицеру; в минуту волнения честный моряк не заметил, что молодой русский сильно испугался, когда Кастелян ножом распорол живот его лошади и офицеру посчастливилось соскочить с упавшего животного.

Мартин бросился на Кастеляна в тот миг, как раздался громкий крик Дольмана:

– Назад, это не те! – повторяя эти слова, доктор стал отступать.

Эбергард узнал Фукса. Ошеломленный ударом Мартина, он лежал подле Вильденбрука, и граф хотел наконец передать этого мошенника в руки правосудия, для чего положил его вместе с раненым в карету.

Но тут лошади тронули, художник упал на подушки, а Дольман, взвалив на плечи бесчувственного Фукса, понес его в кустарник. Рыжий Эде был весь в крови, но Кастеляну удалось-таки сильно ранить Мартина ножом.

– Назад! – кричал Дольман. – Отступаем!

Мошенники решили, что к неприятелю приближалось подкрепление, и последовали за доктором.

– Черт возьми, – пробормотал Мартин, пустившись вслед за бежавшими, – ведь и Дольман с ними!

Эбергард остановил его от преследования, сказав, что разбойники лучше знакомы с местностью и имеют при себе оружие. К тому же и рана, полученная Мартином в бок, причиняла ему ужасную боль.

Молодой гусар, который потерял в борьбе свою лошадь, сел к Вильденбруку, постепенно приходившему в себя. Эбергард и Юстус помогли Мартину влезть на козлы и направились к вилле. Они нашли там прислугу, которая была в величайшем волнении. Все заметили исчезновение Маргариты и обыскивали комнаты и сад.

Но напрасно!

Надежда графа де Монте-Веро найти свою дочь рушилась.

XXI. Детоубийца

Бедная Маргарита без чувств распростерлась на ступенях. Рука низкого человека толкнула ее с порога замка; бесприютная девушка, покинутая и презренная, лежала в парке принца. Ее лучшие и святые чувства были растоптаны. Все, что она чтит как святыню, было поругано и осмеяно.

Если бы даже ее и нашел любящий отец и привел в свой замок, если бы он прижал ее к своему сердцу и отдал ей все сокровища, счастье ее жизни было разрушено навсегда.

Когда Маргарита очнулась после продолжительного обморока, была уже глубокая ночь; она приподнялась и почувствовала острую боль. Понемногу она припомнила, где находилась; все случившееся воскресло в ее памяти, и она в отчаянии закрыла лицо окоченевшими руками.

Все было потеряно! Она не имела более убежища, она должна была бежать, чтобы скрыть свой позор в глуши и уединении. Она не имела никого на свете, кто бы мог ее приютить у себя на предстоящее тяжелое время. Принц, на которого она имела священное, неоспоримое право, забыл и покинул ее – куда же ей было деваться теперь?

Вдруг Маргарита вскочила, она почувствовала, что не принадлежит более себе, глаза ее еще раз устремились на высокий замок, в окнах которого погасли огни; она подняла руку, как бы желая стряхнуть с себя последнее воспоминание, отвернулась, прошла мимо ворот и направилась в лес, по другую сторону которого было кладбище.

– Счастлив тот, кто покоится здесь! – мрачно проговорила Маргарита, глядя на занесенные снегом могилы и, сама не зная куда, побрела дальше.

Когда она снова подняла глаза, первый бледный луч утренней зари упал на покрытую снегом землю. Маргарита с удивлением огляделась и теперь только поняла, что, не замечая того, прошла парком и полями к саду, откуда начиналась Мельничная улица; напротив, на отдаленной Морской улице, находилась хижина тетки Фукс. Маргарита содрогнулась, «лучше умереть, чем опять вернуться в этот притон мучения бедных сирот!» – сказала она себе.

– У тебя есть друг, который постоит за тебя душой и телом! – послышался ей чей-то голос.

Маргарита в испуге обернулась, после всех бедствий последней ночи она ожидала только еще худшего и уже готова была снова бежать.

– Останься! – сказал тот же голос. – Я готов помочь тебе!

– Это ты, Вальтер? – прошептала Маргарита.

– Это было мое предчувствие, – продолжал Вальтер. – Я не мог спать всю ночь и встал еще до рассвета, хотя сегодня праздник.

– Праздник? – повторила Маргарита, как бы просыпаясь от тяжелого сна, – в этом одном слове выразилось все ее отчаяние.

– Откуда идешь ты, Маргарита? О, Боже, твои ноги в крови, платье изорвано...

– Не спрашивай меня, Вальтер, а то я должна бежать дальше...

– Твое милое лицо так исхудало и побледнело, твои маленькие руки окоченели, я не буду больше спрашивать: я вижу довольно и без твоих слов. Я знаю все, Маргарита, и мог предсказать это уже тогда, когда в последний раз говорил с тобой у виллы. Но ты не послушалась меня! Ты жила в счастье и богатстве, я же был бедным работником. Теперь же я имею право сказать тебе: прими мою руку, она мозолиста от работы, но сумеет охранить тебя! Не отталкивай меня, Маргарита, я буду работать для нас обоих! Если пища наша и окажется скудной, она все-таки будет добыта честным трудом. Я никогда не буду ни упрекать, ни огорчать тебя, пойдем, не мешкай, вон, слышишь ли, колокола возвещают о наступлении праздника, так пусть же этот день будет и настоящим праздником для меня! Пойдем, я понесу тебя на руках, для тебя я готов на все, потому что я люблю тебя, Маргарита!

– Твоя любовь слишком велика, Вальтер, я не достойна ее. Меня мучит твое отношение, ты слишком добр.

– Я всегда думал о тебе, Маргарита! Я часто ночами бродил возле твоего дома, но ты не слышала моей песни или не хотела слышать ее. Потом я подумал, что тебя нет более в знатном доме, я стал спрашивать и искать тебя, иные говорили мне, что ты при смерти, больна, другие же удивлялись моим вопросам. Ведь они не знали, как я люблю тебя! Теперь же сам Бог посылает тебя ко мне. Не отталкивай меня, Маргарита, я могу работать и стану еще прилежнее, когда буду знать, что работаю для тебя!

– Этого не должно быть! Пусти меня!

– Тебе некого спрашивать, кроме своего сердца. Никто не может запретить тебе сделаться моей! Ты отворачиваешься, ты дрожишь, Маргарита, что случилось?

– Не спрашивай меня, мы разлучены, я не могу принадлежать тебе! Мне нет больше спасения!

– Нет! – воскликнул он, поняв все и в отчаянии ломая руки. – Да будет проклят тот, кто похитил тебя у меня и погубил!

Вальтер закрыл лицо руками и громко зарыдал – все надежды и мечты его рушились. Но по своей сердечной доброте он решил ей простить все, все забыть. Ее несчастье глубоко тронуло его душу.

– Я хочу перенести все с тобой вместе, я прощаю тебя, приди ко мне!

Но в эту минуту Маргарита скрылась от его взора, она не хотела принять его жертвы, решившись в одиночестве нести свою горькую долю.

Вальтер звал ее, но напрасно. Бледное зимнее солнце, проступившее из низких облаков, осветило поля и дороги, но бесприютной девушки нигде не было.

Добежав до дороги, Маргарита бесцельно, словно преследуемая какой-то неведомой силой, поспешила дальше. Крестьяне, празднично одетые, спешили в церковь, они с удивлением смотрели на молодую девушку, силы которой, по-видимому, совершенно истощились. Утомленная и изнуренная, она тащилась дальше и достигла какой-то деревни, в которой добрые крестьянки дали ей поесть и приготовили постель.

Конечно, все желали знать, кто она и откуда, но Маргарита упорно молчала; когда крестьянки поняли, что она скрывает свое прошлое, то отказали ей в приюте, полагая, что она преступница. Одна крестьянка, сжалившись над одинокой девушкой, дала ей тайком на прощание кусок хлеба, которым Маргарита питалась целый день, а чтобы утолить жажду, она разламывала щепкой лед в лужах и канавках и пила эту зловонную, грязную воду.

Холодные ночи она проводила в лесу под деревьями, а если слышался лай собак, что указывало на близость деревни, то она отыскивала какой-нибудь сарай на окраине и тайком пробиралась туда.

Так бродила она, преследуемая какой-то непонятной тревогой, и сама того не замечая, после нескольких дней очутилась на том самом месте, откуда отправилась, – недалеко от замка принца Вольдемара. Тут силы окончательно оставили ее и, изнемогая от боли, она упала на землю.

Была морозная январская ночь. Ветер завывал в ветвях деревьев и с шумом бился в окна высокого замка и бедной сторожки возле кладбища Святой Марии неподалеку; сучья с хрустом падали на мерзлую землю, и к полуночи ветер превратился в ураган, который с корнем вырывал большие деревья и срывал крыши домов. Темные серые тучи неслись по небу, снег чередовался с крупным градом.

В предместьях и одиноких домиках заблестели огоньки; разбуженные ураганом жители молились и читали евангелие; даже кладбищенский сторож, с дома которого ветер с грохотом сорвал оконные ставни, разбудил своих рабочих и вместе с ними начал молиться.

В эту минуту из-под густой тени деревьев выползла сторбившаяся женщина и побрела к дороге, что вела к замку принца; ветер играл ее развевающимися волосами и бедным черным платьем. Женщина что-то держала в руках; прерывисто и тяжело дыша, она с трудом дотаскилась по снегу до решетки; глаза ее лихорадочно сверкали, грудь высоко вздымалась.

Женщина остановилась и прислушалась: завывание ветра заставило ее вздрогнуть – оно звучало, как раздирающие душу крики ребенка. Но вокруг никого не было.

Она потащилась дальше, видно было, как тяжел был для нее каждый шаг, наконец женщина достигла ограды; ветер разорвал серые тучи, в просвет выглянула бледная луна и осветила высокий замок и одинокую женскую фигуру.

Лицо женщины было обращено к окнам дворца; отчаяние светилось в ее глазах, полных страдания и страха. В своих дрожащих руках женщина держала двух маленьких существ, тщательно завернутых в худенькое платье.

Вдруг женщина отвернулась от замка, где ее никто не слышал и не видел, отчаяние отразилось на ее бледном лице, страшная мысль мелькнула в ее воспаленном от мук мозгу. Исполненная страха и тревоги, она поцеловала этих двух крошечных существ, которым только что дала жизнь, и, желая оказать им благодеяние, тут же хотела привести в исполнение свой ужасный приговор.

Что происходило в эту минуту в душе этой бедной женщины? Неужели она думала, что окажет благодеяние, если лишит новорожденных жизни? Или, забыв в своем горе, что теперь зима и все дороги занесены снегом, Она хочет бросить этих невинных созданий на произвол судьбы в надежде, что их подберет какой-нибудь добрый прохожий и даст им кров, чего не может сделать их бесприютная мать?

Она забывает, что станет тогда убийцей, – крошечные существа не перенесут холода. Ослепленная, близкая к умопомешательству, она берет одного ребенка, плотнее заворачивает его в тряпки, судорожно прикасается к нему губами, кладет на дорогу подле кустарника и быстро убегает.

Но вдруг она начинает прислушиваться, ей кажется, что приближаются шаги; она немного отходит, кладет второго ребенка под тень старого ветвистого дерева, также бессознательно целует его и, пробравшись сквозь кусты, пускается бежать, словно гонимая фуриями.

Сквозь лесную чащу с воздетыми к небу руками мчится бедная Маргарита, будто ночное привидение, все дальше и дальше, как бы желая убежать от самой себя; ее когда-то прекрасные, теперь же впалые глаза тревожно озираются кругом, шаги ее становятся все меньше и меньше, и наконец, испустив крик, она падает на землю.

Но вот буря мало-помалу улеглась, засияли звезды, выглянувшая из-за туч луна осветила бледное, безжизненное лицо детоубийцы.

XXII. Звездная зала

Когда граф Монте-Веро вернулся во дворец и поднимался по лестнице в свои покои, он чувствовал, как надывается от боли его сердце. Единственное, что помогало ему превозмочь личное горе, была его деятельность на благо человечества. Эта миссия была так высока и прекрасна, что никакие жизненные испытания никогда не позволяли ему отступить от цели, которая озаряла его путь.

Когда на улице раздался колокольный звон, Эбергард направился в часовню королевского замка, чтобы после разочарований этой ночи дать своей душе тихий, мирный час.

Часовня, позолоченный купол которой возвышался над одним из флигелей, была невелика. Стены ее украшали высокие фрески. Двенадцать апостолов в натуральную величину стояли по обеим сторонам алтаря, над ним висел великолепный образ с изображением Христа, Марии и Марфы.

Слабый свет, наполнявший часовню, и тихие звуки органа оказывали умиротворяющее действие на душу. На алтаре между высокими свечами стояло золотое распятие, перед алтарем выстроились скамьи для молящихся, справа находились несколько кресел для королевского семейства, а слева – для высоких гостей.

Королева каждое утро отправлялась на мессу, которую служили в соборе неподалеку от замка, король же предпочитал часовню.

Когда Эбергард вошел в часовню, все места уже были заняты членами двора; священнослужителя еще не было, только звуки органа наполняли пространство под куполом.

Король заметил графа и подослал к нему своего адъютанта, чтобы попросить его к себе. Граф Монте-Веро с каждым днем делался ему все необходимее. Он тепло приветствовал его и предложил стул подле себя. По другую сторону от короля сидела королева, позади стоял принц Вольдемар, из-за его плеча выглядывал бледный камергер. Тут же подле матери сидела очаровательная принцесса Шарлотта. Румянец покрыл ее щеки, когда она увидела Эбергарда. Сегодня на его мужественном лице она уловила выражение какой-то тайной грусти.

Когда месса закончилась, король проводил августейшую супругу и, направляясь к своим покоям, пригласил с собой графа. За ними не последовал никто из свиты – очевидно, король хотел что-то сообщить своему любимцу без свидетелей.

Рабочая комната короля имела круглую форму. Пол устилал драгоценный ковер, вдоль стен стояли мягкие стулья и кресла, обитые сипим бархатом, на двух столах лежали книги и бумаги.

Когда портьера закрылась за Эбергардом, король подал ему руку и подвел графа к дивану у камина. Между камином и окном Эбергард заметил картину – это был тот самый портрет, перед которым он застал короля в замке Солитюд, теперь она была не покрыта, и граф мог рассмотреть прекрасное кроткое лицо принцессы Кристины, которая, по всей вероятности, имела когда-то большое влияние при дворе, потому что портрет ее в натуральную величину висел в названной ее именем зале, а этот, поменьше, повсюду сопровождал короля. Казалось, что с жизнью этой молодой прекрасной принцессы была связана какая-то тайна, которой никто не смел или не мог раскрыть, так как на все расспросы Эбергарда одни пожимали плечами, другие – уклонялись от ответа.

Король заметил, как пристально граф смотрел на картину; похоже, с языка его готово было сорваться какое-то признание, но оно осталось произнесенным.

– Я попросил вас сюда, господин граф, – начал король, – для того, чтобы сообщить вам желание, которое было вчера выражено моим семейством. Я разделяю это желание, хотя мне, в отличие от принцесс, нетрудно исполнить его.

– Могу ли я вам помочь в приведении этого желания в исполнение? – спросил Эбергард, так как король молчал.

– Разумеется, это зависит только от вас! Дело в том, что все хотят посетить ваш дворец, который славится своим великолепием и потому возбуждает всеобщее любопытство. Я сам мог бы без особых церемоний посетить вас в один из дней, полагая, что вы гостеприимно откроете мне свои двери, но незамужним принцессам, как вы знаете, этикет запрещает приехать к вам. Поэтому надо придумать какой-нибудь повод, чтобы исполнить желание дам.

Эбергард с удовлетворением слушал короля.

– Честь, которая мне оказывается, заставляет меня придумать выход. И мне кажется, что я его нашел. А что если я отдам свой дом в один из следующих дней в полное распоряжение вашего величества?

– О нет, дорогой друг, мы не можем принять этого, так как вы оставили бы в таком случае свой дворец. Дело в том, что все хотят не просто видеть вашу собственность, но и застать вас в ней! Что если бы вы в один из следующих вечеров устроили у себя маскарад? Это явилось бы удобным случаем исполнить давнишнее общее желание.

– Я спешу, ваше величество, чтобы приняться за приготовления, и надеюсь...

– Все еще вы придерживаетесь формы, хотя мы наедине! – прервал король графа. – Неужели вы отказываетесь называться моим другом? Позвольте мне сказать, что я всей душой люблю вас, может быть, это признание скорее заставит вас говорить со мной так, как говорят с другом. Я имею свои тайные планы на будущее, и для этого необходимо, чтобы мы сблизились, граф Эбергард, не забывайте этого. Ну, а теперь до скорого свидания в вашем дворце!

Граф Монте-Веро поклонился; дружеское обращение короля и особенно его последние слова произвели на него глубокое впечатление. Какие планы имел король на будущее? Уж не хотел ли он сделать его своим министром?

Эти мысли и вопросы занимали Эбергарда, когда он вышел из покоев короля. Он тотчас же должен был отдать приказания о приготовлениях к маскараду в своем дворце, хотя в душе ему было не до веселья. Граф не стремился к тому, чтобы сделаться сановником в своем отечестве, но ему все-таки было приятно, что король так дружески обращался с ним, и он во что бы то ни стало хотел исполнить его желание. Через несколько дней он известил короля, что остается лишь назначить вечер, и король избрал ночь на Новый год, обещав позаботиться о появлении принцесс и княжны Ольги.

Эбергард разослал приглашения придворным и друзьям. Он не хотел возражать королю, когда тот упомянул о княжне Ольге, хотя должен был сознаться, что ее присутствие будет ему крайне неприятно.

Прежде чем мы опишем съезд гостей во дворец на Маршальской, бросим взгляд на покои графа Монте-Веро, назначенные им для приема.

То, что находилось за высокой дверью портала, до сих пор составляло для нас тайну, теперь же она открывается перед нами и представляется во всей своей роскоши.

Перед нами широкий, ярко освещенный вестибюль. Пол устилают тигровые шкуры, которые так искусно сложены, что образуют единое целое. У входа по обеим сторонам лежат на пьедесталах белые мраморные львы, из пасти каждого струится душистая вода. Колонны здесь перемежаются с бюстами, и наконец справа и слева бархатные портьеры скрывают роскошно устроенные гардеробные для мужчин и дам.

Словно в синеватом тумане, открывается вход в звездную залу.

Лакеи в богатых ливреях поднимают голубой занавес, и мы входим в святилище этого дворца.

Звездная зала овальная, с высоким потолком. Мы с удивлением озираемся кругом, потому что не знаем, откуда струится матовый свет, наполняющий это обширное помещение; вдруг глаза наши устремляются к потолку: он, подобно небесному своду, усеян блестящими

звездами. Невыразимо прекрасен вид этого искусно сделанного неба, на котором сияют многочисленные звезды. Там, где потолок опускается к голубым колоннам залы, он кончается голубыми, тоже усеянными звездами, прозрачными занавесями, которые так тонки, что хотя и скрывают от глаз гостей галерею с находящейся на ней капеллой, но не мешают проходить даже самым нежным звукам скрипки или арфы.

За двенадцатью колоннами скрываются четыре залы, отделенные от звездной залы голубыми портьерами, и восемь ниш за спущенными занавесями. Ниши эти теперь открыты и представляются глазам входящих; они образуют живописно освещенные голубые гроты. Залы закрыты.

Позади колонн из чаш, наполненных цветами, бьют прекрасные фонтаны. Белый мраморный пол распространяет волшебное свечение, отражая свет множества ламп с матовыми плафонами.

В звездной зале нет ни золотой лепнины, ни других блестящих украшений, но, несмотря на это, она так великолепна, что король, в накинутом на плечи черном шелковом домино, в черной атласной маске, войдя в нее вслед за королевой, в изумлении остановился. Вскоре явились также принц Август и принц Этьен, Лорд Уд и министры, кавалер де Вилларанка, молодой лорд Фельтон и наконец принц Вольдемар в костюме дон Карлоса, в сопровождении своего камергера, одетого в костюм Альбы.

Эбергард, который на сегодняшний вечер был освобожден от роли хозяина, также смешался с толпой масок. И хотя на нем был белый шелковый плащ с красным крестом и лицо скрывала маска, его высокий рост и прекрасная фигура выдали его большей части гостей. В залу беспрестанно входили новые маски в самых неожиданных и роскошных костюмах.

Молодой художник, одетый корсаром, идя под руку с маркизом, облаченным в старофранцузский костюм, раскланялся с графом Монте-Веро и стоявшим рядом с ним доктором Вильгельми, который был в костюме времен Людовика XIV.

– Если я не ошибаюсь, – шепнул Эбергард, – то под маской маркиза скрывается наш Юстус Арман. Приветствую вас от всей души, и вас также, дорогой Вильденбрук. Счастлив, что происшествие в ночь на Рождество не повлекло за собой серьезных последствий, или, быть может, вы их скрываете?

– О нет, господин Эбергард! Достоин ли погибнуть от руки таких жалких уличных разбойников? Мне кажется, так дешево мы не продадим свою жизнь. Посмотрите на Царицу ночи! Эта прелестная маска будто наперед знала звездную залу, выбирая свой костюм.

– В самом деле, – отозвался Арман, – и обратите внимание, каждая звезда на ее длинном черном платье – драгоценный камень.

На лице Эбергарда мелькнула едва заметная улыбка: возле этой высокой и величественной дамы, которой король только что написал что-то на ладони, он увидел невысокого роста господина в черной маске, в котором узнал князя Долгорукого. Значит, Царицей ночи была его холодная, гордая дочь Ольга, которая не могла побороть в себе желания повидать дворец графа и придумать что-нибудь другое, что бы превосходило и затмевало его.

Секретарь Людовика и маркиз, тихо беседуя, прохаживались по зале, за ними следовали крестоносец и корсар. Когда они проходили мимо масок, окружавших короля, на них устремился взгляд Царицы ночи.

Ольга узнала Эбергарда, ее грудь высоко вздымалась; образ Эбергарда все более овладевал сердцем гордой княжны.

В эту минуту в залу, сопровождаемая дамой в маске, вошла нимфа в таком прекрасном костюме, что все взоры обратились к ней. На ее белом платье, украшенном живыми цветами, каплями воды сверкали алмазы. Лицо нимфы прикрывала маленькая атласная маска.

Гостей уже было так много, что прекрасная нимфа быстро смешалась с толпой, между тем как граф незаметно подал знак открыть залы.

Распахнулись голубые портьеры; в большой буфетной напротив входа столы ломились от лакомств и прохладительных напитков, в остальных комнатах мягкие диваны и кресла манили к отдыху и беседе. Отсюда можно было видеть все, что происходило в Звездной зале.

Король под руку со своей августейшей супругой, в сопровождении нескольких придворных, вошел в одну из гостиных, между тем как многие маски, составив пары, интимно беседуя, прохаживались по залам или сидели в уютных полутемных нишах с бокалами пенящегося шампанского. Сдержанный тон исчез совершенно. Пробило полночь, и все стали поздравлять друг друга с наступлением Нового года.

Царица ночи, разговаривавшая с доном Карлосом, вдруг увидела, что крестоносец подошел к нимфе, и, похоже, это сильно смутило ее, так как она поспешно распрощалась со своим кавалером и вместе с князем еще до отъезда короля оставила залу и дворец.

Граф Эбергард, заметив Вильденбруку и Арману, что в числе гостей нет еще молодого русского офицера, которого он лично пригласил к себе, быстро поднял водяную лилию, которая выпала из рук нимфы, и передал ее очаровательной владелице, бросив на нее испытующий взгляд.

– Вы меня не узнаете? – прошептала маска. – Я вижу, вы меня не узнаете. Это меня огорчает. А вот я узнала вас, как только вошла. Позвольте мне вашу руку.

Нимфа написала на его ладони Э, М, В.

– Доказать ли мне вам, что и я узнал вас? – спросил Эбергард.

– О, я сгораю от нетерпения.

Граф написал на ее руке буквы П, Ш.

Нимфа крепко сжала руку Эбергарда, который предложил очаровательной принцессе пройти по зале.

– Знаете ли, граф, кто на самом деле зачинщик маскарада? Я вам скажу: я еще никогда не ожидала праздника с такой радостью, как сегодня.

– Что же, и вы не разочарованы?

– Конечно, нет! Но вы хотите, чтобы я сказала, что оно мне очень, очень нравится. Я этого не сделаю.

– Вы уже это сделали, произнеся второе «очень» с особым ударением.

– Ну, а если оно и так?

– В таком случае, это доставляет мне несказанную радость! – ответил Эбергард так задумчиво, что принцесса Шарлотта невольно подняла на него свои голубые мечтательные глаза.

– Граф Эбергард, только теперь, когда я прохаживаюсь с вами по этой волшебной зале, произнесенные мною слова стали истинной правдой.

– Как мне понять это, милостивая принцесса?

– Как подсказывает ваше сердце, граф Эбергард! Такую благородную душу, как ваша, этот голос никогда не обманет. Даже мой августейший дядя, король, который очень нелегко привязывается к людям, считает вас своим другом. Посмотрите, как он на нас смотрит; он снял маску и улыбается, таким веселым я его никогда не видела.

– Ваши слова – бальзам для моих сердечных ран, Шарлотта, – сказал Эбергард, тронутый откровенностью принцессы. – Вы с удивлением смотрите на меня, как будто хотите спросить, что это за раны. О, не спрашивайте! У меня горькое прошлое. Я провожу в страданиях целые ночи, скрывая от людей свои муки, и потому я стараюсь иногда забыться от всего.

– Так забудьте же и сегодня, отбросьте все, что было с вами горестного! – проговорила принцесса.

– Ваш голос дрожит, Шарлотта. О, соберитесь с силами, час, который настал, будет тяжким для нас обоих, но ведь Бог дал нам силы обуздывать наши чувства.

– Но ведь он дал нам и то невыразимое чувство, которого мы не в состоянии обуздать. Только одно слово я хочу услышать от вас, и тогда найду те силы, о которых вы говорите, Эбергард.

– Так знайте, Шарлотта: я люблю вас, люблю горячо и свято, но не смею назвать вас своей!

– О Эбергард! – прошептала принцесса, опускаясь на диван в уединенной нише. – Вы любите меня! Я счастлива только подле вас!

Портьера опустилась, скрывая влюбленных от любопытных взоров, и Эбергард упал на колени, прикасаясь губами к дрожавшей руке взволнованной принцессы.

Но вдруг Эбергард порывисто вскочил и, дернув за шнур, поднял портьеру.

– Будьте мужественны, Шарлотта, я никогда не смогу вас назвать своей!

Принцесса закрыла лицо руками.

Неподалеку от ниши, где находились нимфа и крестоносец, рядом с Альбой стояла монахиня; если бы в момент, когда поднялась портьера, кто-нибудь сдернул с ее лица маску, то увидел бы демоническую улыбку, с которой она следила за каждым движением Шарлотты.

Еще один человек внимательно наблюдал за графом и принцессой; это был молодой русский офицер, одетый в голубое домино, который только что вошел в Звездную залу. Он поспешно раскланялся с корсаром и маркизом и приблизился к открытой нише.

Эбергард, сидя напротив взволнованной Шарлотты, увидел офицера, которого тотчас узнал.

– Позвольте мне, ваше королевское высочество, – проговорил он, – представить вам лейтенанта российского императора господина Ольганова.

Шарлотта приветливо ответила на поклон молодого офицера.

– Вероятно, это ваш протеже, господин граф? – прибавила она вполголоса.

– Да, это один из моих молодых друзей, ваше королевское высочество.

Голубое домино устремил взгляд на Шарлотту, как будто хотел прочесть по ее лицу, что только что произошло между нею и Эбергардом.

– Давно ли вы в столице? – спросила принцесса, не в силах долее выносить пристальный взгляд иностранца.

– Несколько недель, ваше королевское высочество.

– И вы намерены остаться здесь?

– Я причислен к посольству, но не стеснен службой, так что имею достаточно времени, чтобы познакомиться со здешним образом жизни и обычаями. По счастливому стечению обстоятельств я познакомился с графом, которому обязан честью быть представленным здесь вашему королевскому высочеству! – проговорил лейтенант твердым, но несколько странным голосом. Возможно, причиной этому была маска, но не был ли молодой русский офицер так же взволнован, как и принцесса?

– Граф Монте-Веро, потрудитесь проводить меня в залу, где подле их величеств сидит моя августейшая мать, мне кажется, что они готовятся отправиться в замок. Надеюсь скоро увидеть вас снова, господин лейтенант, и без маски, – ласково сказала принцесса, обращаясь к низко поклонившемуся ей офицеру, и под руку с графом проследовала через оживленную Звездную залу в гостиную, где сидело королевское семейство.

Голубое домино вошел в нишу и небрежно облокотился о стену, чтобы из полумрака незаметно следить за удалявшейся парой.

Странно! Уж не влюблен ли был молодой русский офицер в принцессу? Что же так сильно волновало его в эту минуту, что грудь его так заметно подымалась и опускалась?

Ольганов видел, как Эбергард провел прекрасную нимфу в гостиную, как король, встав с кресла, пошел им навстречу, затем ему показалось, что двор стал собираться к отъезду, но незаметно, чтобы не лишить удовольствия многочисленных гостей.

Вдруг Ольганов услышал тихие голоса; сначала он подумал, что кто-то говорит под нишей, но затем понял, что разговор шел в соседней нише; он стал прислушиваться, так как услышал имя Эбергарда.

– Они ушли, – проговорил мужской голос, – и стоят рядом с королем.

– Граф и не подозревает, кто скрывается в костюме монахини, – отозвался женский голос. – Нас здесь не подслушивают, барон, а я сгораю от нетерпения услышать, как вы напали на след той девушки, которая, говорят, дочь графа Эбергарда?

Ольганов стал прислушиваться внимательнее.

– Как нельзя более просто, сударыня; я узнал от вас, что эта девушка, еще будучи ребенком, была отдана семейству человека по имени Фукс, а затем мне сказала госпожа Робер, женщина, которая уже несколько раз оказывала мне услуги, что девушка эта по прихоти принца...

– Рассказывайте все.

– ...была привезена в его виллу, воспитывалась у этого семейства. Там я убедился в этом и сообщил госпоже Робер, которая дала мне слово известить графа, чтобы он забрал свою дочь.

– Как великодушно и благородно!

– Но, к несчастью, граф пришел слишком поздно. Маленькая дурочка бежала.

– Он найдет ее.

– Может быть! Вас, кажется, тревожит это, сударыня?

– Я ненавижу все, что связано с этим человеком, – тихо проговорила монахиня с такой холодной яростью, что Ольганов содрогнулся.

– Я не хочу проникать в ваши тайны, но вижу, что вы имеете основания ненавидеть графа.

– Вы видите, как сильна моя ненависть, из того, что в эту же ночь, я повторяю вам, граф должен пасть от моей руки!

– Тише, сударыня! Конечно, бывают причины, которые доводят мужчин до дуэли, чтобы убить ненавистного человека, а женщин с горячей кровью – к отчаянным действиям, проследите историю. Но позвольте напомнить вам о его королевском высочестве.

– Принц только что распростился со мной, он должен час посвятить этикету; я воспользуюсь этим, мое оружие незаметно, я привезла его с собой.

– А! – воскликнул мужчина. – Превосходный выбор! Граф перечеркнул все влияние, которое мы до сих пор имели на короля и правительство, честолюбие его так же велико, как и талант покорять женские сердца.

– Значит, тем лучше скорее положить всему этому конец! – проговорила монахиня с едким смешком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.